Т (ЯР-6Мс)
Р 192

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ МОРДОВСКОЙ АССР

Записки
6

История и археология

МОРДОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАНСК — 1948

3-38
М792

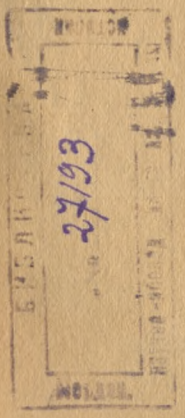
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ МОРДОВСКОЙ АССР

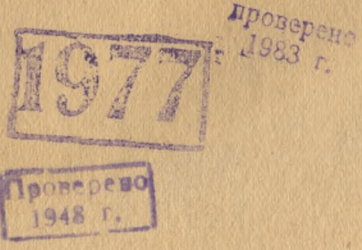
57

Записки

6

История и археология





МОРДОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАНСК—1946

Г. Меркушкин и В. Самаркин.

СОСТОЯНИЕ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ МОРДОВСКОЙ АССР

В августе 1934 г. т. т. Сталиным, Кировым и Ждановым были написаны «Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР». Наряду с другими замечаниями т. т. Сталин, Киров и Жданов указывали, что нельзя изучать историю нашей страны только как историю России, точнее Великороссии, а необходимо включить в нее и историю многочисленных народов, ныне объединенных в тесную семью народов Советского Союза. «Нам нужен такой учебник истории СССР,—говорится в замечаниях, — где бы история Великороссии не отрывалась от истории других народов СССР»...

Эти указания т. т. Сталина, Жданова и Кирова явились переломным моментом в развитии исторической науки. Они дали историкам руководящие указания в освещении исторического процесса. На основе этих указаний советские историки развернули необходимую самокритику и борьбу против недостатков и ошибочных антимарксистских положений, вытекающих из школы Покровского.

В 1938 г. вышел в свет «Краткий курс истории ВКП(б)», составленный под руководством и при непосредственном участии тов. Сталина. В нем с исключительной ясностью дано определение исторической науке, ее задачам и целям. На основании этих величайших документов и развернулась работа по изучению истории народов СССР.

Работа по изучению истории Мордовской АССР шла в следующих направлениях:

1. Подготавливались археологические и библиографические материалы.

2. Разыскивались исторические документы по истории МАССР.

3. Проводилась работа по исследованию и освещению отдельных вопросов истории мордвы.

В результате проделанной работы были опубликованы первые три тома «Документов и материалов по истории МАССР» и подготовлены к печати последующие три тома. Этот обширный сборник (шесть томов) охватывает документы и материалы с древнейших времен до XX в. Опубликованы новые данные о Полежаеве и небольшие, но важные для изучения истории МАССР документы в «Записках» института. Издан альбом древностей мордовского народа, археологический сборник, материалы для библиографии по истории мордовского народа.

Большинство этих работ вышло под редакцией Института истории Академии наук СССР.

Эти работы дают возможность приступить к углубленному изучению истории МАССР, начиная со времен глубокой древности.

Наряду с изданием документальных материалов были напечатаны работы по отдельным вопросам и периодам истории МАССР.

В большинстве изданных работ, вследствие недостаточно полного изучения источников и слабого овладения марксистско-ленинской методологией, авторами допущен ряд существенных ошибок. Отнюдь не претендуя на полный и всесторонний разбор всех ошибочных положений, укажем только на отдельные из них.

Почти во всех работах авторы утверждают, что мордва завоевана Иваном IV и превращена в колониальный народ Московского государства. (Заметим, что это утверждение находит место и в учебнике истории СССР для вузов — см. том I, стр. 677, том II, стр. 241).

Признав факт завоевания, авторы всю дальнейшую историю мордовского народа рассматривают в положении колониальной зависимости от России и подчеркивают, что Русь поработила мордовский народ. Между тем известные нам источники говорят о другом. Они свидетельствуют, что судьба мордовского народа с древнейших времен связана с великим русским народом. Походы Киевского князя Святослава в район рек Оки и Волги (964—965 г.г.) положили конец зависимости мордвы от Хазарского Кагана и присоединили большинство мордовских земель к Киевскому княжеству. Летописец упоминает мордву в числе народов, платящих дань Киевскому князю.

Дальнейшая история мордвы (XI—XII и начала XIII в. в.) связана с внешней историей Суздальской земли. С XI века русские князья повели решительную борьбу против булгар. Путь походов русских князей на Булгары лежал через земли, заселенные мордвой. Поэтому мордва находилась под постоянным воздействием русских.

К этому же периоду отмечено и появление русского населения в северной части мордовской территории, что положило начало освоению этого края и большему сближению мордовского народа с великим русским народом.

Непосредственное общение с русским народом оказало на мордовский народ положительное культурное и экономическое влияние. С заселением мордовского края русским населением развивается земледелие, скотоводство и усиливается разложение родового строя у мордвы.

Верно и то, что наряду с положительным влиянием русского народа, в этот период имеют место нападения отдельных русских князей на мордву, сопровождавшиеся разорением мордовского населения, но это отдельные случаи, а не система. Поэтому не правы историки, когда эти нападения рассматривают, как определяющий момент в истории мордовского народа того времени. (Труды Гос. Ист. Музея, выпуск II. Москва. 1941 г., стр. 141—145).

В первой половине XIII столетия монголо-татары завоевали Восточную Европу. В числе других народов в 1239 г. был окончательно завоеван и порабощен и мордовский народ. Более 200 лет народы Восточной Европы, в том числе и мордва, страдали под властью монгольских татар. Многие из мордвы были уведены в рабство к татарским феодалам, где они подвергались жестокой и мучительной эксплоатации. По словам Маркса, монголо-татарское иго не только подавляло, но иссушало самую душу народа. «Монгольские татары,—пишет К. Маркс,—установили режим систематического террора, орудием которого были грабежи и массовые убийства».

Мордовский народ не раз выступал против своих поработителей—монголо-татар. Однако, освободиться от монголо-татарского ига самостоятельно не мог.

Поэтому веками развивавшееся у мордвы стремление к объединению с другими народами для борьбы с монголо-татарскими завоевателями к началу XV столетия становится жизненной необходимостью. Инициативу объединения народов в борьбе с татарами, как указывает тов. Сталин, взял на себя великий русский народ. Документы свидетельствуют о том, что до походов Ивана Грозного мордва не раз выступала против татар под руководством русского народа. Так, в 1444 г. в составе войск московского князя Василия Васильевича, выступившего против отрядов Мустафы, грабивших рязанские земли, были и мордва. Летописец говорит: «и мордва на ртах с сулицами и рогатинами и саблями придоша и много татар избиша и самого царевича Мустафу убиша и князей с ним многих татарских избиша». [1])

Во время похода Ивана Грозного (1552 г.) на Казань мордовский народ всеми путями помогает русскому войску, с радостью встречает своих освободителей, организовывает свои отряды, которые вместе и под руководством русских войск сражаются против казанских татар. Отличившихся в Казанской битве воинов Иван Грозный награждает, в числе награжденных были и мордва.

С падением Казани были уничтожены остатки монголо-татарского ига. Мордва, как и другие народы Поволжья, была освобождена и полностью вошла в состав русского многонационального государства.

Таким образом, источники и материалы говорят не о завоевании мордвы Московским государством, а об освобождении ее из под монголо-татарского ига и о вхождении мордвы в состав русского многонационального государства. В результате освобождения из под гнета татар осуществилось стремление мордовского народа к объединению с русским народом. Войдя в состав русского многонационального государства, мордовский народ крепко связал свою судьбу с судьбой великого русского народа.

Некоторые историки историю мордовского народа дооктябрьского периода освещают односторонне, подчеркивая колониальное положение, рисуют ее в исключительно мрачных красках, но забывают или не хотят отмечать огромное положительное культурное, политическое и экономическое

1) Полное Собрание Русских Летописей. I,XII, стр. 61—62.

влияние русского народа на мордву. Отдельные авторы прибегали к тенденциозному подбору материалов, а где это не удавалось, сами выдумывали их. Так, Д. Рузавин и С. Петров в своей работе «Мордовская АССР», изданной Мордгизом в 1939 г., на стр. 4 пишут: «До 58 % земельной площади—1117 десятин находилось в руках помещиков, кулаков и монастырей, но лишь 42%—у крестьян». Таких цифр в природе не существует. По данным «Статистики землевладения 1905 г.» на территории Мордовии из 2459351 десятины частновладельческих и казенных земель было 46,1 %, крестьянских и надельных—53,9 %, а не 42 %, как указывают авторы. Далее на странице 7 они пишут: «До революции на территории Мордовии было 14 монастырей, 3900 монахов, 2712 церквей, 118 мечетей, 5500 попов». По сведениям 1940 г. известно, что на территории Мордовии насчитывается около 1700 населенных пунктов. Из них 512 поселков, 540 деревень. Как известно, ни в поселках, ни в деревнях церквей не было.

Таким образом, вопреки действительным данным, авторы «неопровержимо» установили в каждом селе больше чем по 4 церкви и по 8 попов. Давая нереальные цифры, в целях сгущения красок тяжелого прошлого мордовского народа, авторы извращали действительную историю мордовского народа.

Отмечая подобного рода извращения, мы не говорим о прекрасном прошлом мордовского народа, ибо известно, что мордовский народ, как и все народы бывшей царской России, вместе с русским народом переживал гнет русского самодержавия, переносил все тяжести эксплоатации.

Недостаток места заставляет нас прекратить продолжение списка ошибок и извращений по истории мордовского народа. О многих из вышедших работ можно сказать одно: они не стоят на должной высоте ни со стороны фактической, ни со стороны методологической. В этом отношении особо выделяется работа тов. Зевакина «Кузьма Алексеев», изданная Научно-исследовательским институтом и Мордгизом в 1936 г. В этой работе автор крестьянское движение под руководством Кузьмы Алексеева возводит в степень общероссийского движения, хотя оно было локальным и ог-

раничивалось только территорией мордвы—одной Терюшевской волостью. Нам кажется, что нет надобности говорить о тенденциозной направленности этой работы.

Подобного рода тенденциозность особенно сильно проявилась в работах по вопросам христианизации и руссификации мордвы. Эти вопросы у многих историков освещаются исключительно с отрицательной стороны. Они забывают о том, что христианство, оставаясь религией классовой, в определенной исторической обстановке и на определенном этапе развития того или иного народа имело и прогрессивное значение. Говоря об истории мордовского народа, мы должны признать, что христианизация мордвы в начальный период способствовала сближению мордвы с русским народом, с его великой культурой. Она способствовала скорейшему изжитию отмиравших пережитков родового строя у мордвы. Кроме того, вместе с христианством в мордовскую среду проникла литература. Хотя она и была клерикальной, но все таки она расширяла кругозор, будила мысль и толкала к дальнейшему развитию. Таким образом, христианизация мордвы в свое время была явлением прогрессивным в истории мордовского народа, хотя она проводилась насильственно.

Говоря о прогрессивном значении христианизации мордвы, нельзя забывать того факта, что христианская религия с первых шагов выступает орудием угнетения широких масс трудящихся.

С неменьшей тенденциозностью освещались и вопросы просвещения. Во всех мероприятиях русского правительства по вопросу просвещения «инородцев» видели только отрицательные и реакционные стороны, выражая это общей фразой «руссификаторская политика русского самодержавия». Тем не менее известно, что наряду с отрицательными сторонами мероприятия по просвещению «инородцев» приобщали их опять же к великой русской культуре, сближали и объединяли с великим русским народом. Основатель Симбирского чувашского училища И. Яковлев в отчете за 1908 г. писал, что цель обучения «инородцев» в этом училище заключается в том, чтобы «Пробудить и укрепить в учениках патриотическое чувство любви к русскому государству, как к своему отечеству и русскому народу».

Рисуя мрачное положение мордовского народа дореволюционного периода, историки забывают о том, что территория Мордовской АССР заселена не только мордвой, а больше чем на 50% другими народами, главным образом, русскими, которые также переживали все тяжести дореволюционного прошлого. Следовательно, при изучении истории Мордовской АССР необходимо говорить о трудящихся МАССР, а не только о мордве.

В вопросах освещения истории Мордовской АССР советского периода также имеют место ошибки и извращения. Здесь наряду с неправильными трактовками и положениями многие авторы слишком переоценивают роль Мордовской АССР в общих вопросах истории Советского Союза. Так, например, Петров и Рузавин в упомянутой нами выше работе, освещая события гражданской войны, на 20 стр. пишут: «В те напряженные дни Саранск кипел боевой жизнью, создавая первую революционную красную армию восточного фронта, сыгравшую величайшую роль в разгроме врагов советской власти». Безусловно правильно, что 1-ая восточная армия сыграла величайшую роль в деле разгрома врагов советского народа, но стоит ли говорить о том, что Саранск создал ее. Слишком много приписано Саранску. Как известно, 1-я восточная революционная армия была создана по приказу Советского правительства и формировалась в городах Тамбов, Саратов, Инза, Саранск, Балашов.

Переоценку роли Мордовской АССР можно обнаружить и на последующих страницах данной работы и в работах других авторов, в частности в работе тов. Самаркина «Мордовский народ в борьбе за родину». (См. рецензию в газете «Красная Мордовия» за октябрь 1944 г.).

Указанные нами ошибки и извращения говорят о том, что авторы недостаточно серьезно изучали исторические факты, не рассматривали их в совокупности со всеми событиями и не подходили к ним диалектически.

Какие задачи стоят перед историками, изучающими историю Мордовской АССР?

В первую очередь—повышение идеологической вооруженности советского народа, одержавшего величайшую в мире победу над гитлеровской Германией. Это должно стоять на первом плане перед советскими историками, в том числе и перед историками, изучающими историю Мордовской АССР. На глубоком и правдивом освещении истории народов СССР они должны показать место и роль мордовского народа

в общей семье народов СССР. Они должны ярко и конкретно показать современному поколению исторические традиции горячей любви к Родине и жгучей ненависти к врагам.

Историки, изучающие историю Мордовской АССР, должны показать, что стремление мордовского народа к объединению с другими народами и, главным образом, с великим русским народом выковывалось в борьбе с поработителями, угнетателями и врагами его. Надо показать, что мордовский народ пришел к Октябрьской революции и победе социализма в нашей стране под руководством коммунистической партии и русского пролетариата.

В. Самаркин.

МОРДОВИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 г.[1])

Во второй половине XVI века вся территория, ранее занимаемая мордвой, полностью вошла в состав русского государства.

Мордовский народ объединился с великим русским народом, создавшим крепкое государство. С момента, когда мордовский народ связал свою судьбу с великим русским народом, он вместе с ним и под его руководством не раз выступал на защиту русского государства. Вместе с ним и под его руководством он активно сражался против монгол-поработителей, вместе с ним и под его руководством он в ополчении Минина и Пожарского храбро сражался против польских интервентов в начале XVII века.

Одной из славных страниц героического прошлого нашей страны является отечественная война 1812 г., когда русский народ вместе с другими народами, как один человек, встал на защиту своей родины.

* * *

В 1812 г. Наполеон напал на Россию, имея самую большую по численности армию. У Наполеона было преимущество агрессора, он несравненно был более подготовлен к войне, чем Россия, которая не была подготовлена к этой войне.

1) Мордовская АССР составилась из отдельных районов Пензенской, Симбирской, Тамбовской, Нижегородской губ., поэтому привлечены материалы этих губ. и, главным образом, Пензенской губернии.

Грозная опасность нависла над нашей страной, но она пробудила все силы русского народа. Она вызвала могучий патриотический подъем народных масс России.

Несмотря на тяжелый крепостнический гнет, крестьянские массы поднялись на защиту своей родины. Не осталось ни одного уголка, где бы не проявилась любовь к родине.

На борьбу за национальную независимость русского государства встали могучей стеной все народы России.

«Не только стародавние сыны России,—писал С. Глинка,—но и народы отличные языком, нравом, верою и образом жизни, народы кочующие,—и те наравне с природными россиянами готовы были умереть за землю русскую. Мордва, тептяри, черемисы ревностно и охотно шли на службу; башкирцы оренбургские сами собой вызывались и спрашивали у правительства не нужны ли их полки».

Многочисленные народности России слились в одну семью для борьбы с ненавистным врагом. Началась справедливая отечественная война народов России с иноземными захватчиками. «Вся Россия,—писал историк отечественной войны Богданович,— уподобилась огромному военному стану и никто не предавался своим обычным занятиям; все стремились принять какое бы то ни было участие в священном деле освобождения родины. Женщины смотрели с презрением на тех, которые колебались жертвовать удобствами жизни на пользу общую».

Мордовия находилась далеко от фронта, тем не менее население ее жило единой мыслью со всеми народами России—скорее изгнать со священной земли иностранных захватчиков.

6 июля Александр I подписал манифест о создании народного ополчения. В манифесте говорилось: «Полагаем мы за необходимо нужное собрать внутри государства новые силы, которые нанося новый ужас врагу, составляли бы вторую ограду и подкрепление первой и в защиту домов, жен и детей каждого и всех».

Обсуждая этот манифест в городах и селах бывшей Пензенской губ., выступающие призывали все население встать на защиту своей родины. «Народ собирался на улицах толпами,—пишет современник о Пензенской губ. 1812 г.,— и спрашивали друг у друга: «Почему не берут еще рекрут на защиту земли нашей?» В гор. Краснослободске священник Фома Меликов, обращаясь к населению, говорил: «Вот француз взошел в нашу землю, везде жгет и грабит, как же нам не ополчиться, как же не вооружиться, разве нам не жаль, что целые российские города лежат покрытые пеплом». [1])

18 июля последовал дополнительный манифест об организации ополчения в 16-ти губерниях. Эти 16 губерний были распределены по трем округам. Территория Мордовии была отнесена к третьему округу, в который входили: Казанская, Нижегородская, Пензенская, Костромская, Симбирская и Вятская губернии. Командующим третьего округа Всероссийского Народного ополчения был назначен способный и энергичный генерал-лейтенант граф П. А. Толстой. Начался всеобщий набор ополченцев. Ополченцы должны были быть снабжены провиантом на три месяца и одеты. Амуниция ополченцев состояла из русского кафтана с кушаком, шаровар серого крестьянского сукна, русской рубашки с косым воротником, платка на шее, фуражки и сапог. Передовая часть дворян, поняв серьезность обстановки, приняла деятельное участие в формировании ополчения, формировала отряды ополченцев, снаряжала и сама шла в ряды командиров ополчения.

Пензенская губерния, насчитывавшая в то время около 260 тысяч крепостных крестьян, должна была дать в ополчение не менее 9120 человек.

10 августа 1812 г. Пензенское губернское собрание сделало разверстку, согласно которой в ополчение должны поставить:

1. Саранский уезд		1100	пеших и	40	конных.
2. Нижнеломовский	„	700	„	65	„
3. Городищенский	„	900	„	40	„
4. Мокшанский	„	1200	„	105	„
5. Пензенский	„	900	„	303	„
6. Чембарский	„	1030	„	101	„
7. Инсарский	„	970	„	24	„
8. Керенский	„	800	„	73	„
9. Краснослободский	„	500	„	6	„
10. Наровчатский	„	300	„	88	„

1) Пензенский обл. гос. архив, ф. канцелярии Пензенского губернатора, д. 474, л. 11—12.

Из этого количества ополченцев сформировались 4 пехотных и один конный полк.

С каким желанием народ шел в ополчение, говорят выступления крестьян, воспоминания современников и многочисленные заявления о зачислении в ополчение добровольцами. Член Пензенского комитета пожертвований Вигель в своих записках пишет: «При наборе ратников радость была на лицах тех, на коих пал жребий, семейства их, жены, матери, осыпали их ласками, целовали, миловали, дарили чем могли, «Голубчик, ведь ты идешь за нас»—говорили они». [1]) Сохранившиеся в архивах документы говорят о том, что все слои населения с воодушевлением записывались в ополченческие дружины. Поляков Михаил Иванов, из села Никольское, в своем заявлении на имя начальника нижегородского ополчения писал: «Имея силы к поднятию оружия осмеливаюсь Вашего Сиятельства всепокорнейше просить в составленное ныне под начальством Вашим военное ополчение меня определить». [2]) Некоторые крестьяне в своих заявлениях просили принять их в ополчение со своим конем и при полном обмундировании.

В ополчение шли добровольцами мастеровые: кузнецы, шорники, портные, сапожники и т. д. «Имея желание вступить на службу в здешнее военное ополчение для того прошу Ваше Сиятельство меня Монатова Ивана под Ваше начальство принять и определить в военное ополчение» [3]) — писал в своем заявлении кузнец Монатов.

В числе большого количества заявлений немало от учителей, учеников и студентов различных учебных заведений. Все они говорят о том, что каждый, кому дорога родина, спешит встать в защиту ее. Один из учеников нижегородской семинарии в своем заявлении на имя начальника нижегородского ополчения 28-го сентября 1812 г. писал: «Хотя я и должен воспитанием бедному отцу, обремененному большим семейством, которое надеялось видеть во мне свою подпору, но при настоящей войне с Францией, когда все состояние подданных стремится к одной цели — к защите любезного отечества, не могу быть равнодушным зрителем погибающих граждан от ударов неумолимого врага, предпочитаю собственную свою и семейства своего пользу, пользе государства, желаю защищать до последней капли крови во вверенном начальству Вашему ополчении... Почему и осмеливаюсь покорнейше просить Вашего сиятельства вытребовать меня из семинарии, определить нижегородского ополчения во 2 полк». [1])

1) Вигель Ф. Записки, ч. IV, стр. 47.
2) Горьковский обл. архив, ф. 1606, д. 18, лист 351.
3) Там же, ф. 1606, д. 18, л. 116.

С таким желанием—защитить отечество от обнаглевшего врага шли крестьяне и в рекрутский набор. В обычное время рекрутский набор был большим несчастьем для каждого крестьянина. В период отечественной войны рекрутские наборы, проходившие один за другим, встречались народом не только безропотно, но с большим воодушевлением: «...В Тамбове все тихо. До нас доходит лишь шум, производимый рекрутами. Мы живем против рекрутского присутствия, каждое утро нас будят тысячи крестьян, они плачут пока им не забреют лба, а сделавшись рекрутами, начинают петь, плясать, говоря, что о чем горевать, что такова воля божья. Чем ближе я знакомлюсь с нашим народом, тем более убеждаюсь, что не существует лучшего». Так писала 30-го сентября 1812 г. М. А. Волкова.

Действительно, несмотря на то, что населению Тамбовской, Нижегородской, Симбирской и Пензенской губ. в это время не угрожало никакой опасности, но чувство любви к родине вызвало готовность скорее быть в рядах активных защитников своего отечества.

Крестьяне спешили стать защитниками своего отечества. Они понимали, что в случае победы Наполеона они подвергнутся двойному гнету, и что русское государство надолго потеряет свою национальную самостоятельность. Поэтому народ радостно все нес в жертву для спасения своего отечества.

Патриотический подъем населения выражался не только в формировании ополчения. Жители городов, сёл и деревень проявляли свою любовь к родине, жертвуя все, что могли, что необходимо было русской армии. Многочисленные списки пожертвований, сохранившиеся в архивах, свидетельствуют о том, что население Мордовии отдавало для нужд армии все, что могло. Жертвовали: муку, холст, драгоценности, оружие, одежду и т. п. На имя Пензенского губер-

1) Горьковский обл. архив, ф. 1606, д. 18, л. 180.

натора непрерывно поступали рапорты от уездного начальства с сообщениями о количестве собранных от населения пожертвований. В короткое время в фонд обороны и на содержание ополчения жителями Пензенской губ. было внесено 2.473.848 рублей.

Патриотический подъем масс превзошел все ожидания пензенской администрации. Пензенский губернатор в своем донесении министру внутренних дел писал, что население губернии, вопреки их ожиданиям, внесло на содержание ополчения столько, сколько они не могли рассчитывать.

Кроме денежных средств, население Пензенской губернии собрало 600 четвертей сухарей, 56 четвертей крупы, не одну тысячу аршин холста, сапог, бинтов и других вещей и вооружения.

В октябре 1812 г., когда русская армия вела жестокие бои под Тарутиным и Малоярославцем, из Пензы отправился обоз на Калугу к действующей армии. Обоз состоял из 408 повозок, 900 лошадей и 413 добровольцев—погонщиков. В этом обозе для армии было отправлено 4800 пудов сухарей, 4250 пудов гречневой крупы, около 10.000 пудов овса.

В условиях войны 1812 г., когда не было железных дорог, тягловая сила имела исключительно важное значение. Пензенская губерния дала для армии 990 лошадей.

Истинный патриотизм, подлинную любовь к родине проявило подневольное крепостное крестьянство, вынесшее на своих плечах все тяготы войны с Наполеоном. Оно охотно становилось в ряды воинов ополчения.

Если народные массы России и передовая часть дворян для спасения родины готовы были пожертвовать всем и даже своей жизнью, то иначе отнеслись к этому многие дворяне: «Они втихомолку вздыхали не о России, а о своей особе и о своем ларце»,—писал Вигель о пензенских дворянах. Решившись на создание народного ополчения, дворянство не сумело преодолеть свои узкоклассовые (помещичьи) интересы. Оставаясь равнодушными к судьбе родины, некоторые дворяне всеми путями старались укрыться от возможной их мобилизации или откупались от нее.

Ощущая недостаток в командном составе, командующий ополчением третьего округа вынужден был обратиться к саратовскому губернатору, у которого просил сделать

«объявление дворянам Саратовской губернии о вступлении в ополчение.

В сентябре 1812 г. дворянам Саратовской губернии, через предводителей дворянства, стало известно о приглашении их вступить в ополчение для защиты русского государства от иноземцев. С 10-го сентября уже стали поступать сообщения уездных исправников, в которых говорилось: «По объявлении дворянам приглашения о вступлении на службу в ополчение третьего округа собственного желания никто не изъявил» [1]), а те, которые и поступали в ополчение третьего округа, несли службу за высокое вознаграждение от тех помещиков, за которых они пошли. Начальник симбирского резервного ополчения кн. Тенишев 7-го февраля 1813 г. саратовскому губернатору писал: «Саратовские дворяне, вступившие в симбирское ополчение, все почти сознались мне, что они службу свою продолжают не по выбору почетного сословия, а по найму за тех господ дворян, которые остались в домах своих» [2]). Поэтому передовые люди той эпохи стыдились, что они принадлежат к дворянскому сословию, вернее к той его части, которая показала полное отсутствие сознания долга перед родиной. В этом отношении очень показательным является разговор князя, впоследствии декабриста, С. Г. Волконского с императором. «Он (Александр) мне сделал следующие вопросы: 1) Каков дух армии?.. Я ему ответил: «Государь, от главнокомандующего до всякого солдата все готовы положить свою жизнь в защите отечества и Вашего императорского величества. 2) А дух народный? На это я ему ответил: «Государь, Вы должны гордиться им: каждый крестьянин герой преданный отечеству и Вам». 3) А дворянство? «Государь,—сказал я ему,—стыжусь, что принадлежу к нему—было много слов, а на деле ничего». [3])

* * *

Несмотря на ряд препятствий, чинимых со стороны отдельных дворян, пензенское ополчение было сформировано в

1) „Участие Саратовской губернии в отеч. войне 1812 г.", Саратов, 1912 г., стр. 3.
2) Там же, стр. 46.
3) „Двенадцатый год в воспоминаниях и переписке современников", стр. 212, изд. 1912 г.

БИБЛИОТ... 27193

довольно короткие сроки. Медленнее шло формирование по Симбирской губернии.

23-го сентября 1812 г. командующий ополчением третьего округа граф Толстой писал царю: «Сбор людей по всем губерниям, составляющим вверенное мне ополчение третьего округа приходит к окончанию; повсеместно занимаются теперь одеждою и обучением оных и в скором времени, надеюсь довольно образовать полки, чтобы я мог с оными выступить и смею донести Вашему императорскому величеству, что ополчение сие скоро доведено будет до такого устройства, что можно с успехом действовать по велениям генерала фельдмаршала Голенищева-Кутузова и окажет услуги своему отечеству». Далее Толстой просил Александра дать указание об отпуске для вооружения ополченцев 10 тысяч ружей, нескольких орудий и прикомандировать два полка казаков.

В октябре 1812 г. закончилось формирование ополченцев. Пензенская губ. дала 9349 чел. ополченцев и 4641 резерва, а всего 13990 чел.

Сформированные полки были размещены: 1-й пехотный полк (командир полковник Силунский К. И.) в Саранске, 2-й (командир Димитриев Е. Д.) в Мокшанске, 3-й полк (командир Бекетов П. А.) в гор. Инсаре, 4-й полк (командир Вайников П. С.) в гор. Краснослободске. Конно-казачий полк под командой Безобразова Л. А. был размещен в Пензе.

Закончив формирование ополчения, Толстой вновь обратился к Александру с просьбой о вооружении ополченцев и о прикомандировании регулярных частей.

В ноябре 1812 г. Александр I сообщил Толстому, что даны указания о вооружении ополченцев 10 тысячами ружей и несколькими пушками. В этом же сообщении говорилось, что к народному ополчению третьего округа прикомандировываются все регулярные конные полки, идущие из Оренбурга от генерала князя Волконского: «Следовательно, — говорилось в сообщении,—ополчение, Вам вверенное, есть в полном смысле корпус, составленный из разного свойства войск, нужных для сего предмета».

Кроме оренбургских казаков в корпус Толстого должны были войти рязанские и тульские ополченцы.

Получив такое сообщение от Александра, командующий народным ополчением 3-го округа дал указание по всем полкам об ускорении подготовки воинов.

Подготовка воинов подходила к концу. Ополченцы были готовы к походу.

Первым выступило симбирское ополчение в составе 12-ти батальонов численностью 7800 человек при 192 лошадях и одного конного полка численностью в 760 человек при 744 лошадях.

В декабре 1812 г. выступило нижегородское ополчение численностью 12928 чел., а в начале января 1813 г.—пензенское ополчение в составе 4-х пехотных и одного конного полка общей численностью 9120 чел.

Таким образом, в начале января 1813 г. все ополчение третьего округа с прикомандированными к нему оренбургскими казаками выступило в поход. В задачу ополчения и приданных к нему регулярных частей входила, главным образом, охрана Малороссии. Но пока корпус Толстого двигался к намеченному пункту, опасность для Малороссии со стороны неприятеля миновала. Последовало новое распоряжение, согласно которому корпус, изменив свое направление должен был идти к крепости Дрезден.

Выступив в заграничный поход, пройдя около 300 верст, ополчение вступило на территорию Германии. Командир первого полка пензенского ополчения Силунский в своих походных записках пишет: «Жители оного края вообще очень грубые и хотя они считаются нашими союзниками, но в душе своей русских ненавидят и обращаются с ними хуже нежели с неприятелем, варварским образом поступают с больными, не давая им пристанища, ни пищи и без жалости смотрят на умирающих под их окнами. У больных офицеров отнимают лошадей, оставляя их валяться по улицам и многие тому подобные делают безчинства. Одним словом, я не знал народа грубее и бесчеловечнее».

1-го октября корпус ополчения находился уже на позициях около крепости Дрездена. Раевский в своих воспоминаниях пишет: «Долговременный поход и биваки истребили обувь и одежду, полушубки остались в России; нечем было предохранить воинов от наступившей стужи: вот в каком

виде приближались мы к стенам Дрездена... Несмотря на это, все единодушно желали сражаться». [1])

2-го октября командующий армией часть войска, сосредоточенного у Дрездена, взял к Лейпцигу, где была большая армия неприятеля, а блокировать Дрезден оставил 12.000 ополченцев и 6000 регулярного войска под командованием Толстого.

В крепости Дрездена армия неприятеля под командованием Сенсира состояла из двух корпусов численностью 28.000 человек. Крепость была искусно укреплена: «Около всего города,—пишет Силунский,—построены сильные редуты с глубокими рвами, во рвах палисады, все оные соединены между собою валами или каменной стеной и каждая батарея одна другую защищает. Потом идет другой ряд укреплений, третий и т. д.».

Корпус Толстого был разделен на три отряда. Второй отряд под командованием генерал-майора Репнинского занимал позицию около деревни Лейбницы. В этот отряд входил третий Нижегородский пехотный полк и Симбирский кавалерийский полк.

Пензенское ополчение в составе 1, 2 и 3 пехотных полков и 5-го эскадрона Нижегородского кавалерийского полка под командованием генерал-майора Булатова, занимая левый фланг, было расположено между деревнями Плауен и Пестиц.

Отряд Булатова, готовясь к наступлению на крепость, выставил посты: одну роту из пензенского ополчения и 50 конных из Нижегородского конного полка—в дер. Шерниц, а второй пост, состоящий из одной роты Пензенского пехотного полка и 50 конных Нижегородского кавалерийского полка—в дер. Репниц.

5-го октября в 7 час. утра на левом фланге, на высоте у дер. Бург, появились большие силы неприятеля.

Учтя обстановку—силы и невыгодное расположение своих войск,—Толстой приказал отступить за деревню Костиц, где и приготовиться к встрече французов. Здесь произошло сильное сражение, в котором неприятель потерял много убитыми и ранеными и 200 человек пленными.

1) Раевский. „Воспоминания о походах в 1813 и 1814 гг." М. 1828.

После этого сражения неприятель отступил к своим исходным позициям, а командующий корпусом Толстой отступил к деревне Никкер для перегруппировки своих сил.

11-го октября, оставив здесь австрийские войска и часть своего корпуса под командованием генерала Булатова, Толстой с основными силами корпуса обходным путем через Кареедорф, Посендорф и Вельшир приблизился к Дрездену с северо-западной стороны.

Заняв новые позиции, Толстой готовился к штурму крепости. 17-го октября по сигналу все части союзных войск стремительно атаковали неприятеля, выбили его из ряда укрепленных пунктов и преследовали до самых укреплений Дрездена.

18-го октября генерал Булатов вытеснил неприятеля из ряда его укреплений. Таким образом французы оказались в кольце. Противник не раз пытался прорвать кольцо и выйти из окружения. Особенно сильная его атака была 25-го октября. В этот день командующий дрезденским гарнизоном маршал Сенсир решил любой ценой прорвать линию фронта и выйти на соединение с гарнизонами Витенберга и Торгау. Для осуществления этого плана Сенсир на маленький участок, охраняемый двумя батальонами нижегородского ополчения, бросил около 8000 пехоты и 200 орудий. Несмотря на большое численное превосходство неприятеля, подоспевшая помощь нижегородским батальонам опрокинула противника с большими для него потерями. Видя безнадежность своего положения в осажденной крепости, маршал Сенсир 27-го октября прислал своих парламентеров в штаб русского командования для переговоров о сдаче города. 30-го октября 1813 г. была подписана капитуляция, по которой весь гарнизон крепости сдался в плен. В числе пленных было 23 генерала и 1200 штаб- и унтерофицеров.

Первая часть гарнизона в количестве 5140 человек из города выступила утром 31 октября, положив оружие перед редутами.

1	ноября	выступила	вторая	колонна в колич.	5434 чел.
2	„	„	третья	„	5347 „
3	„	„	четвертая	„	3834 „
4	„	„	пятая	„	3519 „
5	„	„	последняя	„	4927 „
				Итого	28.201 чел.

В журнале военных действий корпуса генерал-лейтенанта графа Толстого от 5-го ноября записано: «Сего числа союзные войска под предводительством генерал-лейтенанта гр. Толстого вступили в город и все караулы в старом городе заняты австрийскими, а новом—российскими войсками». [1])

В боях под крепостью Дрезден корпус Толстого сражался решительно и храбро. Один из участников блокады из первого полка пензенского ополчения в своих воспоминаниях писал: «Достойно замечания и забавно видеть как французы обращались с нами и австрийцами; к русским они не питают ни малейшей ненависти, напротив, уважают народ, наши войска и откровенно в том признаются; австрийцев же явно в глаза ругают и говорят: ежели бы были одни австрийцы, то они лучше бы согласились умереть с голоду, нежели отдаться им на капитуляцию, называя их подлецами и трусами». [2])

Большая храбрость в боях за крепость Дрезден была проявлена войсками пензенского и нижегородского ополчений. Командущий корпусом Толстой дал высокую оценку полковнику Дмитриеву, представляя его к чину генерал-майора. Он писал: «В делах, бывших при Дрездене, быв старшим по ополчению и командуя бригадой, распоряжался ею с похвальным благоразумием и в самых сильных сражениях личной храбростью своей был отличным примером для подчиненных своих».

После взятия Дрездена дрезденский комендант кавалер Гурьев, ходатайствуя перед генерал-губернатором Репнинским о представлении к награде подполковника нижегородского ополчения третьего пехотного полка, писал:«Получив сей полк, он довел его до надлежащего устройства, так что оный отлично показал себя в сражениях под Дрезденом, причем сам он был ранен».

15-го ноября 1813 г. в распоряжение командующего корпусом Толстого прибыл генерал-майор Назимов, которому были переданы войска, составлявшие ранее отряд генерал-майора Титова. Таким образом, в числе других полков к Назимову перешли 1, 2 и 3 полки пензенского ополчения и 1, 2, 3 полки нижегородского.

---

1) Центральный Военно-Исторический Архив. Военно-Ученый Архив. д. 3925, л. 13.
2) „Труды Пензенской ученой архивной комиссии", кн. 1, стр. 114.

В ноябре 1813 г. по предписанию Толстого отряд Назимова выступил к Магдебургу. По прибытии отряда на место начались приготовления к блокаде крепости. Руководителем блокады был назначен командир корпуса Толстой, который с остальной частью корпуса также должен был немедленно двигаться к Магдебургу.

Во время марша к Магдебургу ему не раз приходилось сталкиваться с войсками неприятеля. Об одном из таких столкновений командующий армией Бенигсен в своем приказе по армии писал: «Пензенский конно-казачий полк, будучи 27-го числа минувшего месяца при Магдебурге в деле против неприятеля в виду войск, бывших в сем же действии, пошел в атаку на неприятельскую пехоту, в колонне шедшую, расстроив оную, взял одно орудие, подвиг таковой и отличие сего полка может служить примером кавалерии».

19-го декабря неприятель выступил на Дисдорфский пост, который охранялся первым полком пензенского ополчения. Силы неприятеля на этом участке фронта во много превосходили силы полка. Не выдержав натиск врага, Пензенский полк был вынужден отступить, но подоспевшая помощь Рязанского конно-армейского полка и трех батальонов 2-го и 3-го Пензенских полков под командою полковника Маслова, остановив «наступательное движение неприятеля», обратила его в бегство и преследовала до самой крепости. В этих боях противник потерял около 200 человек убитыми и ранеными и отступил к крепости Магдебург.

23-го декабря 1813 г. неприятель предпринял новую атаку силами в 9.000 человек пехоты и 600 конницы при 18 орудиях. Завязался сильный бой, который продолжался около 5-ти часов и кончился поражением неприятеля. Потеряв до 400 человек, французы поспешно отступили к крепости.

В журнале военных действий армии Бенигсена об этом сражении записано: «Сегодня (23-го декабря 1813 г.) выступил неприятель из Магдебурга в числе 9.000 пехоты, 600 кавалерии при 18 орудиях по дороге Амменлебен. Гр. П. Л. Толстой дабы отрезать его от крепости или, по крайней мере, принять во фланг немедленно отправил отряд Е. М. Назимова и легкую кавалерию Г. М. Радионова к деревне Эбендорф, где они действительно нашли расположившегося неприятеля, с коим и открыл сражение, продолжавшееся около 5-ти часов и кончившееся, невзирая на превосходство сил

неприятеля, расстройством и поспешным отступлением оного к крепости с потерей до 400 человек и отбитием у него забранного им в селениях имущества. В плен же взято 4 французских офицера и до 100 человек нижних чинов». [1])

1-го января 1814 г. командующий корпусом граф Толстой получил приказ итти к Гамбургу. Гамбург имел большой гарнизон под командованием генерала Даву.

Готовясь к блокаде крепости, из корпуса Толстого три Пензенских полка вступили в часть, которой командовал генерал-лейтенант Марков.

Согласно плану блокады крепости, войска Маркова получили задание овладеть особо важным стратегическим пунктом—островом Вильгельмсбург и мостом через Эльбу.

Дохтуров и генерал-лейтенант Толстой должны были с противоположной стороны, начав поход, соединиться с частями Маркова. Основная задача в этом движении заключалась в том, чтобы вытеснить неприятеля и сжечь мост через Эльбу и тем самым отрезать отход неприятеля и лишить возможности получать ему помощь.

По плану наступления генерал-лейтенанту Шепелеву, под командой которого было два полка пензенского и один полк рязанского ополчения, было предложено сделать фальшивую атаку на крепость, тем самым отвлечь неприятеля от защиты моста.

В намеченное время вооруженные части под командованием Толстого, Дохтурова, Маркова и Шепелева пошли в атаку. Отдельные части вплотную подошли к мосту, но овладеть им не удалось. В ночь на 5-е февраля русские вновь повторили атаку более решительно. И на этот раз неприятель очень сильно сопротивлялся. Он бросал против русских все новые и новые силы, использовал все огневое вооружение, но выдержать нарастающего натиска русских войск не мог. Мост через Эльбу русскими был уничтожен.

В журнале военных действий армии Бенигсена об этом сражении записано: «4 и 5 февраля в трех колоннах, действующих на Вильгельмсбурге и... прочих сторонах Гамбурга при таковой же демонстрации на Гамбург, сие произведено было с лучшим успехом. Расстроенный неприятель, будучи вытеснен из засеков в разных местах по дамбам, им сделанным, бежал

1) Центральный Военно-Исторический Архив. Военно-Ученый Архив. Д. 3930.

с поспешностью к батареям своим, мост защищающим, из коих равно как из Гамбурга и Гарбурга открыли сильную канонаду. Но невзирая на оную, быстро действующие колонны, достигнув моста, истребили огнем и подрубкою свай не малую часть оного, захватив обходами несколько неприятельских передовых постов в плен и действуя, при овладении засеками, штыком, большое число побили.

С рассветом сделал неприятель сильную вылазку из крепости, которая второй колонной опрокинута была». [1])

С уничтожением моста через Эльбу были отрезаны пути отступления неприятеля. Крепость Гамбург была полностью блокирована, но гарнизон еще держался долгое время, пока наши войска штурмом не овладели ею.

Во время штурма крепости «полки Пензенский и Саратовский был во главе колонны», — писал участник этих событий.

Штурмом овладев крепостью, наши войска торжественно вступили в город. В боях за Гамбург особенно отличился первый полк пензенского ополчения, командир которого был из Суворовской школы полковник Силунский. Представляя к награде, генерал Марков о нем писал: «Находясь со вверенным ему полком, действуя при атаке Нейгофа и Вильгельмсбурга, благоразумными своими распоряжениями и храбростью своей много способствовал окончанию дела».

В то время как части поволжского ополчения под командованием графа Толстого оперировали в Богемии, Саксонии и Пруссии, основные силы русской армии разгромили остатки наполеоновских войск и вступили в Париж. С какой храбростью добивались этой победы русские солдаты, свидетельствуют воспоминания участников походов и письма самих солдат. В одном из писем солдат Ручкин с фронта отечественной войны в 1813 г. своему товарищу—отставному солдату Кремневу—писал: «Везде слышны одни слова: «ляжем костьми, но не осрамим земли русской». [2])

Наполеоновская армия, несшая народам России гнет, усиление крепостнических отношений, грабежи и разорение, была разгромлена.

1) Центральный Военно-Исторический Архив. Военно-Ученый Архив. Д. 3930, журнал за февраль 1814 г.
2) М. Соболев. „Переписка русских солдат в 1812 г. стр., 185, СПБ. 1833.

В этом благородном деле освобождения России от иноземного захватчика активное участие приняли и трудящиеся, жившие на территории современной Мордовии.

Один из участников заграничного похода 1813 г. в своих воспоминаниях писал: «Дрезден, Магдебург и Гамбург не напрасно засвидетельствуют, что победа есть также принадлежность и пензенского ополчения».

Тысячи подвигов воинов сопровождали борьбу против врага. В условиях тяжелого крепостнического гнета воины, состоящие из крестьян, находили в себе достаточно сил, чтобы дать отпор иностранным интервентам. За храбрость, проявленную в борьбе за освобождение родины, десятки воинов были награждены и из пензенского ополчения.

Главнокомандующий армией Бенигсен 13-го июня 1814 г. писал императору: «Из всеподданнейшего донесения моего за № 109 Ваше императорское величество усмотреть изволит, каким образом в последней кампании ополчения под командованием генерал-лейтенанта графа Толстого служили и что те полки, которые употреблялись под Дрезденом, Магдебургом и Гамбургом, более других имели трудов и случаев к отличию, которые действительно оказали во всех против неприятеля делах и потому войска, формированные сначала только для защиты отечества и имея чиновников, в действительной военной службе не состоящих, заслуживают особенное уважение за деяния свои на берегах Эльбы». [1])

Поднявшиеся на защиту своей родины народы России все отдавали для защиты своего отечества. П. Н. Каховский в своих письмах писал: «В 1812 г. нужны были неимоверные усилия, народ радостно все нес в жертву для спасения отечества».

Единство армии и народа, их усилия и героические подвиги разгромили разноплеменную, насильственно созданную наполеоновскую армию и привели к гибели огромную, но силой сколоченную империю Наполеона.

После победы над Наполеоном честь русского воинства поднялась еще выше и «имя русского было тогда в Европе громче всякого пышного титула».

---

1) Журнал „Заря", 1869, август, стр. 151.

П. Степанов.

„ПУРГАСОВО ГОРОДИЩЕ"

Во многих списках русских летописей под 1228 годом имеется запись: «...Муромский князь Гюрги Давыдович вшед в землю Мордовскую, Пургасову волость пожгоша, жита и потравиша, и скоты избиша, полон послаша назад. А мордва взбегоша в лесы своя и тверди». [1]) Под следующим, 1229 годом, в новой записи опять упоминается имя Пургасово: «...месяца апреля придоша мордва с Пургасом к Новугороду». [2]) Под тем же годом Пургас упоминается третий и последний раз, как участник столкновения с сыном Пуреша: «...того же лета победи Пургаса Пурешов сын с половцы и изби мордву всю и Русь Пургасову, а Пургас едва вмале утече». [3])

Эти летописные заметки являются единственным документом, говорящим о существовании и особой роли отдельных лиц из мордовского общества начала XIII века.

Около имен Пургаса и Пуреша с давних пор ведутся споры. До сего времени не решен вопрос о том, кто такие Пургас и Пуреш по своему социальному положению? Одни считают их представителями феодальной верхушки мордвы и даже решаются говорить о «мордовских княжествах» в XII и нач. XIII в.в. [4]), но кроме необоснованной прибавки к именам Пургаса и Пуреша наименования «князь», что, кстати, ни в одном летописном известии не упомянуто, ничего не

---

1) Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. I, стр. 125, Саранск, 1940.
2) Там же, стр. 126.
3) Документы и материалы, т. I, стр. 126.
4) А. П. Смирнов. Очерки по истории древних булгар. Труды Госуд. Истор. Музея, в. XI, М. 1940, стр. 69
А. М. Каптерев. Нижегородское Поволжье в X—XVI в., Горький, 1934 г., стр. 17.

приводят для подтверждения «княжения» Пургаса и Пуреша.

Пургас и Пуреш, как представители мордовского «феодализма», фигурируют в соответствующих «схемах» развития мордовского общества, не учитывающих конкретной исторической обстановки. В таких схемах обычно говорят о Пургасе и Пуреше, как о двух князьях всего мордовского народа, возглавлявших мордовские племена эрзю и мокшу. Другими словами, хотят сказать о каком-то межплеменном антагонизме между мокшей и эрзей.

Другая группа ученых считает, что в лице Пургаса и Пуреша мы имеем родовых или племенных вождей, управлявших родами или племенами. В качестве аргументации приводятся те же летописные сведения и указывается на отсутствие в летописях определения Пургаса и Пуреша как мордовских «князей». Приводятся также для подтверждения отсутствия феодальных отношений многочисленные факты родовых пережитков в характере производства и в общественно-семейных отношениях, сохранившихся у мордвы до XX столетия. [1])

Объясняется такое положение тем, что мало еще имеется в руках ученых данных для окончательного решения вопроса, а также тем, что не было до сего времени пристального изучения истории мордвы, не было серьезных попыток правильно разрешить проблему об общественных отношениях у мордвы той эпохи.

В связи с изложенными выше обстоятельствами, всякие новые материалы по затронутому вопросу приблизят нас к цели, позволят яснее понять суть вопроса. Публикуемые ниже материалы как раз позволяют нам осветить вопрос с новой стороны.

В Госархиве Мордовской АССР было обнаружено работниками Мордовского научно-исследовательского института дело, в котором находились две копии с купчих записок мурз Теребердеевых на покупку у мурз же—«Асмана Разгильдеева, сына Алаева, да у Терегула, Акмая, Алмакая Теребердеевых их вотчинных бортных ухожаев». [2]) В этих документах, относящихся к 1628 и 1630 г. г. значатся границы покупаемой вотчины «...и мы продали... вотчину свою дедовскую и отцовскую бортный Саровский ухожай Вофтей в Шамболе и к Сумырякярге и в Теналу и Жонопичи и с Питикардами с одной стороны рубеж тому ухожью речка Пушта и с другой стороны рубеж враг Посюдал на речке Кафтар, а та речка об рубеж Кадомского уезда деревни Станоровы с мордвою, а с третью сторону от п у р г а с о в с к о г о г о р о д и щ а (разрядка наша—П. С.) по оврагу Арге по Алаторские вершины рубеж, а с четвертую сторону рубеж Темниковского уезда с Пурдышевскою мордвою Васильем Молчановым и с ево братьею и с товарищи до Княжева стану, а от Княжева стану до Пуштинской вершины». [1])

Указанные выше границы вотчины повторяются в обоих документах, поэтому можно сказать, что упоминаемое «Пургасовское Городище» являлось местом общеизвестным и приметным. Интерес представляет не только факт существования в географической номенклатуре XVII в. такого наименования, связанного как-то с Пургасом русских летописей, но и определение места этого урочища на территории МАССР.

В географической номенклатуре низовьев реки Мокши имя Пургаса имело широкое распространение. Свидетельством тому являются: село Пургасово, расположенное недалеко от места Старого Кадома, упоминаемого в документах под 1209 годом и упомянутое выше «Пургасовское городище», расположенное в Пурдошанском районе МАССР, т. е. на нижней же Мокше, на расстоянии 60—70 км. к востоку от Кадома. Возможно предположить, что имеются еще урочища, связанные как-то с именем Пургаса, которые до сего времени не обнаружены. Выявление всех мест, носящих имя Пургаса, позволит определить территорию их распространения, а тем самым приблизит решение вопроса о «Пургасовской волости» и «Руси Пургасовой».

Находка в документах нач. XVII в. урочища с именем «Пургасовское Городище» явилась только половиной дела, так как не давала нам в руки конкретной точки на земной поверхности. Гораздо труднее было определить местонахождение «Пургасовского городища».

Правда, цитированный выше документ давал некоторые ориентиры в виде наименования рек и некоторых уро-

1) В. В. Гольмстрем и Е. И. Горюнова.—О мордовском „феодализме". Краткие сообщ. ИИМК, в. VIII, стр. 42, М. 1940 г.
2) Архив МНИИСК. Дело госархива МАССР, ф. 1, д. 9, л. л. 1—2

1) Архив МНИИСК. Дела госархива МАССР, ф. 1, д. 9., л. 1.

чищ, которые сохранились до настоящего времени в Пурдошанском районе Мордовской АССР. Сюда следует отнести р. Пушту, приток реки Сатиса, верховья реки Алатыря, овраг Арга, впадающий в реку Нулуй, приток Мокши с правой стороны. По этим ориентирам можно грубо очертить на карте территорию, где располагалась вотчина Теребердеевых и где следовало искать «Пургасовское Городище». На указанной территории, помимо урочища «Пургасовское Городище», имеется еще ряд урочищ, связанных с пребыванием здесь в XIII—XIV в. в. татарских князей. К числу таковых следует отнести урочище «Княжой Стан». Урочище «Княжой Стан» по нашим предположениям, следует искать на верховьях реки Саровки, где проходил «четвертый рубеж» нашего документа от «вершин Алатыря» на «вершину Пушты». Таким именем называлось место стоянки каких-то золотоордынских князей, которые господствовали длительное время в этих местах и, с которыми легенды связывают строительство старого Темникова на Мокше, Сара-Клыч на Саровке и Сатисе и т. п. Точно место «Княжего Стана» пока неизвестно, но в районе реки Пушта имеется озеро, которое носило в XIX в. название «Убогий Стан». По рассказам «около этого озера находилось становище разбойников». По словам А. Норцова, там «следы искусственных укреплений еще до сих пор заметны».[1])

Для определения места нахождения «Пургасовского Городища», которое располагалось где-то между вершиной реки Пушты и оврагом Арга, необходимо остановиться на расшифровке некоторых мест в использованных нами документах.

Объяснить цитированные слова можно только из двух языков: из мордовского и татарского. Первый язык является языком коренного населения, которое, естественно, давало свои наименования урочищам. Второй язык принадлежал господствовавшему в XIII—XVI в. в. слою населения и не проник настолько глубоко в мордовскую среду, чтобы заменить мордовские наименования урочищ. Поэтому будет более правильным искать объяснение непонятных слов в мордовском языке, считая, что эти наименования относятся к дотатарскому периоду.

1) А. Норцов. Истор.-археол. карта. Тамб. губ. Сборник-календарь Тамбовской губ. на 1903 г., стр. 78, Тамбов, 1903 г.

В рассматриваемом документе часть наименований дана на мордовском языке. Только из мокшанского наречия объясняются приведенные выше непонятные слова: «Вофтей» — искажение от мокшанского «офта» — медведь; «в Шамболе» также искаженное от мокшанского «шавбуло»—пустырь, пустошь или же «шавбуло» — угол в лесу, в поле. Таким образом, в целом можно осмыслить наименование урочища соответственно понятием—«медвежий угол», «глухой угол», или же ухожай продается «с медведем», «с пустырем», «с пустошью». Мордовское выражение «шавбуло» сохранилось до сего времени в русском наименовании оврага «Шавец», заросшего лесом и расположенного к северу от с. Пурдошки в 8—10 км. между с.с. Полянки и Поповка. Из русского языка «Шавец» никак объяснить невозможно. Указанный овраг расположен в районе ухожая, о котором идет речь, и его, хотя и искаженное, наименование в устах современного русского населения является хорошим доказательством того, что речь в документе идет именно об этой местности.

Остальные мордовские слова также сильно искажены тем, что писец присвоил русские окончания и расставил предлоги, которых в мордовском языке нет. Очистив «с пичкардами» от русских форм, мы получим «пичкарда», что можно перевести как «конюшня», «сруб», какая-то «изгородь из сруба». Это слово говорит о том, что в данном урочище были какие-то постройки, возведенные мордвой, но характер их мы определить не можем. Интерес расшифровки этого термина в том, что он дает новый материал для понимания того, что такое «мордовский ухожай», как хозяйственное предприятие. В мордовских ухожаях, следовательно, помимо известных уже «зимниц», «полян» или «кужа», по-мордовски, «пашни»—в позднейшее время были еще какие-то «пичкарды», может быть, загоны для скота, конюшни для лошадей и т. п.

Употребляемый в документе термин «Посюдал», которым назван один из оврагов, полностью совпадает с мордовским «посюдал» — проклятый. Такие наименования урочищам даются весьма часто. В том же овраге «Шавец» есть место, которое русские крестьяне назвали «Шаталомный», что могло являться русским осмыслением мордовского «посюдал»—«проклятый».

Наименование речки «Кафтар» так же искажено. В мордовском языке есть «Кавтонь кирд», означающее «двойной», и «Кавтонь явозь»—«раздвоенный». Такое наименование, означающее «двоёнки» в приложении к раздвоенным речкам, имеет широкое распространение у многих народов, в том числе и у русских.

Расшифровка непонятной части документа и наименования урочищ дают нам хороший материал для истории мордовского народа. Во-первых, мы имеем возможность говорить совершенно определенно о том, что татарские вотчины XVI—XVII в. в. являются исконно мордовскими, о чем говорит исключительно мордовская терминология. Во-вторых, распространение именно мордовских наименований урочищ в районе нижней Мокши позволяет говорить о давнем пребывании здесь мордвы. Не исключена возможность того, что эти мордовские наименования в начале XIII в. уже существовали. В-третьих, господство мордовских наименований в этом районе уже в XIII в. по-новому заставляет смотреть на современное название районного центра—Пурдошки. Это наименование, таким образом, может иметь близкое отношение к имени Пургаса, особенно если учесть то, что поблизости находится «Пургасово Городище», в имени которого содержится объяснение и первой и второй части слова «Пурдошки». Слово «Пурдошки», несомненно, сложное: «пур-д-ош-ки», сформированное из основы имени «Пургаса» и термина «ош»—«город» [1]. На месте современного села Пурдошки уже в последней четверти XVI в. упоминается мордовская деревня под тем же именем, жители которой совместно с татарами боролись с монахами Пурдошанского монастыря, захватившего мордовские и татарские земли. Изучаемый нами документ говорит о том, что данный ухожай уже в начале XVII в. принадлежал татарским мурзам. Следовательно, проживавшая поблизости и порабощенная затем татарскими ханами, мордва владела этим ухожаем еще ранее, т. к. все урочища здесь носят только мордовские имена.

1) Первоначально могло быть „Пург-ош", которое затем в устах русских обратилось в „пурд-ош-ки", как например, „Чаванза" обратилась в „Чамзинка" и „Тургаки" часто называют „Турдаки" и наоборот.

В-четвертых, расшифровка мордовских наименований урочищ, которую мы произвели выше, позволяет с большой точностью определить место расположения «Пургасовского Городища».

Согласно плана, нанесенного на карту МАССР (масштаб 2 км. в 1 см.), городище должно находиться между вершиной оврага Арга и вершиной реки Пушты. Оба указанных пункта находятся на территории Пурдошанского района МАССР, но между ними нет обозначения существующих урочищ.

С целью определения места расположения «Пургасовского городища» Мордовским научно-исследовательским институтом была организована поездка научных сотрудников, которые и должны были отыскать указанное городище [1].

Обследование было начато с востока от села Бриловки и велось по течению реки Нулуй и оврагу Арга. У местного населения не сохранилось никаких преданий о местности с именем «Пургасовское Городище». Получены были сведения только о том, что такое место есть, как будто, в Пурдошках.

Произведенный осмотр местности по оврагу Арга и по р. Нулуй от села Морд. Пошаты до с. Ново-Ямская Слобода, ничего не дал. Были получены только от населения с. Бриловки медные монеты XVIII в., да прекрасный кремневый шлифованный плоский топор (см. табл. рисунков).

Ввиду отрицательных результатов в районе оврага Арга, решено было начать поиски в районе села Пурдошки. Расспросы жителей с. Пурдошки показали, что наименование «Пургасовское Городище» уже стерлось из памяти. Вместо этого городище приобрело наименование «Кладовая Вершина» в овраге «Юва». Обследование на месте показало, что именно это городище можно считать «Пургасовским Городищем», т. к. оно расположено как раз на линии третьего «рубежа» документа 1630 г., т. е. между вершиной оврага Арга и речкой Кафтар, впадающей в реку Пушту. От села Пурдошки до городища 8 км. к северу и 2 км. от с. Полянки к востоку. С дороги, идущей от с. Пурдошки на с. Поповку, надо спуститься налево в овраг «Юва» и

1) В обследовании принимал участие, кроме автора статьи, также научный работник МНИИСК тов. Котков К. А.

ехать до устья оврага «Кладовая Вершина», расположенного с правой стороны оврага «Юва» и уходящего вершиной к северу. По оврагу «Кладовая Вершина» следует проехать около 0,5 км. и с левой стороны появится высокий мыс, на котором находится городище.

Городище расположено на обычном месте, т. е. на мысу между двух сходящихся оврагов—главного и бокового и от полевой части отделено двумя массивными валами и рвом между ними. Городище сильно вытянуто в длину и ориентировано С.З.—Ю.В. Общая длина площади городища вместе с валами равняется приблизительно 100 мтр. Ширина площади городища в среднем равна 20—30 мтр. Средняя часть городища имеет боковые выступы, но незначительные. Высота площади городища над дном соседних оврагов равняется 8—10 мтр. Склоны городища хорошо сглажены, круты и задернованы. В некоторых местах, особенно там, где склоны выступают в стороны, имеется мелкая поросль деревьев. Все остальные части склонов и площадка городища, кроме валов, свободны от деревьев. Склоны соседних оврагов в настоящее время также имеют древесную растительность, поднимающуюся часто на бровку оврагов. Это является свидетельством того, что когда-то вся окружающая местность была покрыта лесом.

Площадка городка плоская с очень незначительной покатостью к концу и в стороны.

С полевой стороны, как отмечалось выше, городище имеет два вала, разделенных рвом. Ширина основания первого, внутреннего, вала около 11 мтр. а высота его около 2 мтр. Затем идет ров, имеющий вверху ширину около 5 мтр. Ширина основания второго вала, наружного, около 8 мтр., а высота его около 3 мтр. Наружного рва не имеется, он, вероятно, засыпан.

Валы в середине прорезаны, а ров засыпан. Это сделано бывшим владельцем земельного участка, который пахал городище и для проезда на него сделал соответствующую вырезку в валах. Концы валов высоки и склоны их обрывисты. Упираются валы в края оврагов. В некоторых местах валы испорчены кладоискательскими ямами. Вся поверхность валов и рва в данное время густо поросла осинником, что затрудняло работу по обмеру и осмотру. Находятся валы на С.З. конце городища.

По рассказам проводника, где-то поблизости от городища в овраге имеется колодец со срубом. Существование колодца связывают с городищем.

Территориальное совпадение места открытого городища и «Пургасова Городища», упоминаемого в документе 1630 г., не было достаточным для того, чтобы связать постройку этого памятника с Пургасом. Все внешние признаки говорили больше за то, что перед нами памятник более ранней эпохи. Окончательное решение зависело от характера вещей, которые должно было дать городище.

Поскольку не было разрешения на раскопку городища, поэтому пришлось ограничиться объемом разведочного обследования.

Для выяснения толщины и насыщенности культурного слоя городища было расширено до размеров 1×1 мтр. небольшое углубление близ С. В. склона. При зачистке оказалось: на грунтовой глине находился сероватый золистый слой толщиной около 0,2 мтр. без всяких прослоек. На расчищенной площади было найдено всего 5 шт. черепков и обломок кварцита. Один из черепков был украшен при помощи чекана т. н. «псевдо-рогожным» рисунком.

Тщательный осмотр площадки городища не дал никаких вещей, что, вероятно, связано с хорошей задерновкой (городище давно не пашется).

При осмотре склонов городища на Ю. В. конце, с восточной стороны, были обнаружены кости животных и керамика. Место находки располагалось, примерно, на 1 метр ниже площадки городища. Была произведена зачистка найденного скопления вещей на площади 0,5 мтр. Никакой правильности залегания вещей не обнаружено ввиду того, что вещи находились за пределами обитаемой площади городища и являлись ничем иным, как отбросами. Слой, содержащий культурные остатки, состоял из золистой черной массы и имел толщину в месте зачистки около 0,4 метра.

Всего на указанной площади было собрано 49 образцов керамики и значительное количество костей животных. Преобладали кости домашних животных: лошади, коровы, но оказалось несколько костей диких животных, в том числе, медведя. Кроме керамики и костей, были найдены: раковина улитки «Катушки», скорлупа местного ореха, кость со

следами нарезок, обломок точильного камня и обломок камня-песчаника.

Наибольший интерес из найденных вещей представляла керамика. Керамика представлена многочисленными образцами: с гладкими стенками, со стенками, украшенными «псевдо-рогожным» чеканным рисунком и ямочным рисунком, сделанным концами косо поставленных палочек (см. табл. рисунков).

В целом весь комплекс вещей, собранных на городище, сама форма городища говорят за то, что мы имеем дело с памятником, аналогичным многим другим, известным на территории между Окой и Волгой, которые в археологической литературе носят наименование городищ «городецкого типа» или городищ «с рогожной керамикой». Эти памятники датируются первыми веками нашей эры с отклонениями до и после. Однако, некоторые ученые склонны эти городища считать бытующими почти до X в. и считают их принадлежащими предкам современной мордвы, отождествляя их с летописными мордовскими «твердями», куда в XIII в. пряталась мордва.

На городище не было найдено никаких следов вещей, свидетельствующих об использовании его под жилье в более поздние времена. Правда, обследование носило совсем поверхностный характер, не было даже контрольных раскопок, но собранный материал дал единый комплекс без отклонений в стороны как из слоя на площадке, так и в осыпи городища. Это обстоятельство заставляет нас говорить о принадлежности памятника далеким предкам мордвы, жившим на нем в начале нашей эры.

Таким образом, у нас нет никаких оснований говорить о постройке городища Пургасом, жившим в нач. XIII в. Но этот памятник еще в начале XVI в., а может быть и ранее назывался «Пургасовским городищем».

В чем дело? Почему городище, основанное больше чем на целое тысячелетие ранее появления Пургаса, стало именоваться «Пургасовским»? Объясняется это явление двумя обстоятельствами: тем, что мордовский народ мог прикрепить популярное имя к этому памятнику, как, например, имя Степана Разина связывается со многими пунктами Поволжья. Другими словами, имя Пургаса, ставши легендарным и символом освободительной борьбы с врагами мордвы,

стало прикрепляться к различным урочищам и памятникам спустя много лет после того, как самого героя, как исторической личности, не стало.

Но этому противоречит то, что имя Пургаса не общемордовское достояние, следовательно, не может быть именем мордовского народного героя. К тому же, в географической номенклатуре это имя строго локализовано, как мы видели выше, на низовьях реки Мокши.

В более позднее время это урочище русские связали с именем Степана Разина, откуда появилось новое наименование «Кладовая Вершина».

Вероятнее будет другое предположение, что «Пургасовское Городище» связано через сохранившееся к нач. XIII в. имя с конкретной исторической личностью—вождем небольшой группы мордвы—Пургасом. Как это могло произойти? На этом городище мог в нач. XIII в. укрываться, отсиживаться от нападавших противников сам Пургас. Ведь русские летописи под 1228 г. говорят: «А мордва взбегоша в леса своя и тверди» — укрепленные места. Мордва в тревожное время, в начале XIII в., когда активизировалась борьба русских князей с болгарами в районе р. Оки, использовала оставшиеся от далеких времен древние городища, построенные предками мордвы, подновив и укрепив их, где имела возможность укрываться от врагов: болгар, половцев и враждебных групп мордвы же. Сведений о том, чтобы мордва в это время строила какие-то особые укрепления—«тверди», у нас не имеется. Хотя городищ на территории между Окой и Волгой известно большое количество, но ни одно из них пока не приурочено, судя по найденным вещам, к XII или XIII в. в. н. э.

Вполне закономерно поэтому допустить использование мордвой существовавших ранее городищ—укрепленных мест, спрятанных в глубоком лесу среди оврагов. Одним из таких мест было «Пургасово Городище», где когда-то отсиживался Пургас с мордовскими воинами. Пургас был незаурядной личностью, ибо решался на борьбу с врагами своей группировки мордвы, с половцами (Пурешь) и даже использовался болгарами в борьбе их с русскими князьями, поэтому его имя было известно части мордвы и связывалось с различными местами в районе его жизни и деятельности.

Ввиду того, что имя Пургаса дано памятнику, расположенному близко к основной территории деятельности этого лица, можно думать, что создателем и хранителем наименования «Пургасовское Городище», в его мордовской форме, отраженной в наименовании «Пурдошки», была группа мордвы, обитавшая в районе городища, а также и ушедшая с низовьев р. Мокши под давлением русских княжеских войск и в результате разгрома, который учинил Пурешев сын совместно с половцами «Руси Пургасовой» в нач. XIII в.

Целью нашего исследования было: 1) точное установление того, что это именно городище является памятником, упомянутым в документе 1628 г. под именем «Пургасовское Городище». Это подтверждается совпадением наименований соседних урочищ, в частности оврага «Шавец», который раньше назывался по-мордовски «Офтонь Шавбуло»; оврага «Посюдал» и нахождением городища на линии «третьего» рубежа; 2) установление точной датировки памятника и его принадлежности. Установлено время сооружения городища — начало нашей эры, что позволяет относить его к далеким предкам мордвы; 3) установление отношения Пургаса к описываемому памятнику. Пургас мог использовать городище как «твердь» в борьбе с соседями, после чего за ним укрепилось наименование «Пургасовское»; 4) установление территории «Пургасовской волости»—«Руси Пургасовой». Установлено распространение имени Пургаса в географической номенклатуре на нижней Мокше; 5) установление происхождения наименования современного села Пурдошки. Установлена зависимость от наименования «Пургасовское Городище».

Последние два утверждения, уточняя вопрос о месте «Пургасовской волости» и «Руси Пургасовой», в свою очередь, дают возможность говорить более определенно о том, что такое «Пургасовская волость» и «Русь Пургасова».

Близость указанных мест (с. Пургасово, Пургасовское Городище, Пурдошки) к городу Кадому (упоминается в 1209 г.), борьба этого города и на близлежащей территории болгарских войск с войсками русских князей (Рязанские, Муромские, Суздальские), может быть, позволят определить более точно природу «Пургасовской волости» и «Руси Пургасовой». Разрешение этой проблемы позволит осветить важный этап в истории мордовского народа X—XIII в. в.

Ниже мы помещаем некоторые свои соображения, возникшие в связи с обследованием «Пургасовского Городища».

«Пургасова волость» располагалась по нижнему течению реки Мокши от Темниково-Вадских лесов к реке Оке. К югу от «Пургасовой волости» по реке Цне располагались земли, также занятые мордовскими родовыми коллективами. «Пургасова волость» получила свое наименование в русских летописях по имени Пургаса, жившего в конце XII и нач. XIII в. в. Территория, принадлежащая мордовским патриархальным общинам, возглавлявшимся Пургасом, получила у русского летописца определение как «волость» по образцу знакомых летописцу княжеских и боярских «волостей».

Пургас не является даже племенным вождем, а вождем одного большого рода или группы родов. Неизвестность преданий о Пургасе среди широких масс мордвы, ограниченность распространения географических имен, связанных с Пургасом, вынуждает нас говорить о самом тесном круге людей и об ограниченной территории, где это имя было известно, так же, как сам носитель этого имени. Такой замкнутой группой людей была родовая община или незначительная группа родовых общин, а такой замкнутой территорией была территория, принадлежавшая этим родовым общинам в районе одной реки, в данном случае реки Мокши.

Если мы признаем Пургаса главой родового коллектива, вокруг которого для боевых действий сгруппировались другие 1—2 родовых коллектива, то тогда сразу же понятна борьба Пургаса с Пурешем [1]), таким же вождем родовых коллективов. Поводом для борьбы могла быть родовая вражда, которую использовали в своих интересах русские князья, болгары и половцы. Могли такие родовые вожди совершать боевые нападения и на иноплеменников, что мы видим в случае с Пургасом, который напал на Н.-Новгород. Но такие экспедиции не могли дать положительного результата в борьбе с хорошо организованной и обученной дружиной русского феодала и поэтому предприятие Пургаса провалилось, хотя Н.-Новгород в то время вряд ли являлся сильной крепостью.

1) Если Пуреш был мордвином, т. к. ни в одном документе не говорится о связи его с мордвой, и наоборот, сын его в 1229 г. выступает с половцами.

Невозможно признать удовлетворительной такую трактовку истории мордовского народа этого периода, которую дает Л. М. Каптерев. Он говорит «... роды, если и не объединяются политически, то все же находятся в подчинении местным князьям—«прявтам». Прявт считает (???) определенную территорию уже своим владением (???) и собирает с местного населения дань. К нему стекалась львиная (???) доля богатств эрзянской земли (???) и он, вероятно, был главным поставщиком сырья для иноземных купцов.

Прявты — князья, в свою очередь, находились в вассальной зависимости от могущественного и богатого государства Великого Булгара.

К началу XIII в. у мордвы-эрзи было два враждовавших между собою прявта: Пургас, владевший землями к югу от реки Пьяны и Пуреш или Пурес—от Пьяны до Волги. Может быть, впрочем, Пургас и Пуреш даже не личные, а родовые (???) имена, и летописец, возможно, недостаточно отчетливо разбирался в эрзянских именах и социально-бытовой терминологии». [1])

Мы вынуждены дать такую большую выдержку для того, чтобы показать, как иногда искажается история мордовского народа.

Здесь и произвольное толкование термина «прявт», которое означает в понимании мордвы главу семьи, рода и вообще главу коллектива, но всегда небольшого. Между тем «прявт» обратился у Каптерева в «князька», причем вся эрзя оказалась поделенной между двумя «прявтами», Пургасом и Пурешем, т. е. «прявты» обращены в племенных руководителей.

Далее «прявт» представляется владельцем «территории», по существу не много не мало, как типичным феодальным владыкой, чего на самом деле в нач. XIII в. не могло быть и «Пургасова волость» так не может пониматься.

Фантастично утверждение Каптерева о «дани» с местного населения и о «львиной» доле «богатств эрзянской земли», которые стекались к «прявту».

Так же неприемлема локализация Пургаса к югу от Пьяны, а Пуреша к северу от Пьяны. Откуда тогда взялись

1) Л. М. Каптерев, стр. 17.

половцы, помогавшие Пурешеву сыну при разгроме Пургаса в 1229 г.?

Не может быть приемлема и гипотеза о том, что Пургас и Пуреш—родовые имена. В таком случае ничем нельзя объяснить выражение летописи: «Того же лета победи Пургаса Пурешев сын». Ясно, что речь идет о конкретных живых людях — Пургасе, Пуреше и его сыне, а не о племенных или родовых именах.

При нашем толковании роли Пургаса и Пуреша отпадает необходимость называть Пургаса эрзянином, а Пуреша—мокшанином. Межродовая борьба происходила в пределах одного племени в Цнинско-Мокшанском районе и для древнего периода—обычное явление.

При локализации «Пургасовской волости» на низовьях реки Мокши хорошо прослеживаются пути проникновения русских княжеских войск на низовья Мокши. На этой территории мы видим Кадом, служивший форпостом русских на востоке от Оки в борьбе с болгарами камскими.

Территория на нижней Мокше была использована русскими бортниками, охотниками, как промысловое угодье, куда они очень рано проникли из черниговской, а также из рязанской земель и промышляли вместе с мордвой. Движение русских в этот район усилилось одновременно с укреплением Рязанского, Муромского и Суздальского княжеств.

Наличие русских на землях, принадлежащих сородичам Пургаса, дало право летописцу говорить о «Руси Пургасовой». Эта «Русь Пургасова» была истреблена сыном Пуреша и половцами в 1229 г.

И еще один вопрос можно разрешить при нашем определении места «Пургасовской волости» на низовьях Мокши. Мы имеем в виду вопрос о роли болгар в конфликтах мордвы с русскими князьями. По свидетельству документов в 1209 г. происходит столкновение русских войск не с мордвой, а с болгарскими войсками в районе Кадома, т. е. на нижней Мокше. Русский летописец почему-то мордву забыл упомянуть, хотя она должна участвовать в этих сражениях.

В 1228 г. болгары спешат на помощь к Пургасу, т. е. на ту же территорию нижней Мокши, где наиболее активно было проникновение княжеского русского влияния.

Почему существовала такая заинтересованность болгар в судьбах этой территории и обитавших здесь людей?

Объяснение здесь только одно. Вся территория от Волги до Оки, а по Оке почти до Рязани считалась болгарами «своей» территорией, с которой они собирали дань в свою пользу в виде «буртасских мехов». Проникновение русских князей к востоку за Оку лишало болгар части дани с наиболее густо населенной местности, расположенной к тому же на скрещении водных путей: Ока, Мокша и Цна и на торговом пути с Дона на среднюю Волгу. Захват русскими князьями устья реки Мокши, а затем и Цны (гор. Кадом) лишил болгарских купцов также удобного торгового пути в мордовские земли. Не даром болгары добивались заключения договора еще при Владимире, по которому им было разрешено торговать по р. Оке. Договор был заключен, но с запрещением вести торговлю помимо русских купцов, непосредственно с массами русского населения. В этом договоре нет оговорки относительно торга с мордвой. Поэтому можно думать, что именно этот торг желали иметь в своих руках болгарские купцы, т. к. он отдавал в их руки «буртасские меха»—главный объект торговли болгар с арабским Востоком.

Все изложенное выше было одной из причин борьбы болгар с русскими князьями за обладание территорией по нижней Мокше, т. е. «Пургасовской волостью». И последнее, что нам хотелось бы отметить в подтверждение своего положения о месте «Пургасовской волости» и «Пургасовской Руси» на низовьях Мокши, это то, что проживающая здесь в настоящее время мордва имеет много этнических особенностей, позволяющих выделить ее в довольно обособленную группу «Шокши» или «Шокшинской мордвы». В одежде этой мордвы имеется ряд элементов, говорящих о давнишнем общении с русскими рязанцами, а это могло осуществиться благодаря тому, что здешняя мордва с давних пор проживала вместе с русским населением, т. е. с «Русью Пургасовой».

Таким образом, на пространстве, прилегающем к нижнему течению реки Мокши и Цны в начале XIII в. развертывалась борьба между болгарами и русскими князьями, в которой принимала участие обитавшая здесь мордва.

Эта обстановка борьбы, развернувшаяся на искони мордовской территории, втянувшая в борьбу мордовские родовые общины, вызвала к жизни у мордвы институт вождей,

военачальников типа Пургаса, которые объединяли для борьбы группы родовых общин. Мордва других районов в этой борьбе не участвовала, поэтому у нее не сохранилось в памяти ничего о Пургасе и Пуреше.

Кроме того, что Пургас и, может быть, Пуреш—вожди небольших и строго локальных групп мордвы XIII в., они еще являются локализованными и во времени. Они — явление эпизодическое и не повсеместное, так как, в противном случае, предания мордвы, мордовский фольклор сохранили бы нам, если не имена этих лиц, то персонажей, подобных им. Между тем мордовский фольклор не дает нам повода Пургаса и Пуреша считать народными героями мордвы, злыми или добрыми, в зависимости от характера их деятельности.

Такова наша характеристика этих лиц, деятельность которых или подобных им при благоприятных условиях могла бы коренным образом изменить весь общественный уклад мордвы XIII в.

Однако, татаро-монгольские завоеватели, захватившие всю мордовскую территорию от Волги до Оки нарушили течение исторического процесса классообразования и поставили всю мордву в одинаковое рабски-зависимое положение от татаро-монгольских ханов, иго которых длилось 300 лет.

№№ 1—8— Пургасовское городище.
№№ 9—17—Дюнная стоянка близ с. Пурдошки.
№ 18—с. Брилевский завод Пурдошинского района.
№№ 19—22—из мордовских погребений на дюне близ с. Пурдошки.

Н. Руткевич.

ПОЧИНКОВСКИЕ ПОТАШНЫЕ ЗАВОДЫ XVIII в.

С конца XVII в. (1694 г.), наряду с Арзамасскими, Свияжскими заводами, начинают упоминаться Починковские казенные поташные заводы, имевшие административный центр в одноименном с. Починках [1]) нынешней Горьковской области. Со времени введения монополии (1680 г.) правительство расширяет поташный промысел вследствие его выгодности, используя для того «покидные» мордовские земли, число которых заметно увеличивается с начала XVIII в.: в 1706 г. староста Летковских майданов и выборные того же села на допросе в Саранской воеводской канцелярии показали, что «в прошлых де годах, тому лет с 8, по указу великого государя Починковский воевода Иван Пятин в Саранском уезде на покидной мордовской земле д. Леток между деревнями Лемдяй и Шаговой в лесу на поляне, набрав разных будных заводов будников и всяких пришлых людей, поселил дворов 80 и построил будные заводы, и шел на тех будных заводах один поташ четыре года». Затем заводы были закрыты, а всё оборудование и материалы переданы были в Починковскую контору. [2])

В мае 1707 г. в с. Починках создается поташная контора для управления всеми заводами, входившими в ведомство этой конторы. [3])

Во главе поташной конторы был поставлен управитель, назначавшийся первоначально адмиралтейской коллегией, а с 1723 г.—коммерц-коллегией, и имевший в своем распоряже-

1) Центральный Архив МАССР, ф. 2, д. 90, л. л. 41—42.
2) Там же, ф. 2, д. 2, л. 310.
3) Документы и материалы по истории МАССР, т. III, ч. I, стр. 98. Центр. Архив МАССР, ф. 1, д. 420, л. л. 52—61.

нии соответствующий конторский штат: 2-х бригадиров по производственной части, 2-х инструкторов-мастеров и 1-го браковщика с двумя учениками.

В 1721 г. 13 апреля последовал указ Петра I об установлении монопольного производства поташа на Починковских заводах,—«а кроме того нигде никому отнюдь поташа не делать и никому не продавать под страхом ссылки в вечную каторжную работу».

В начале XVIII в. по ведомству Починковской конторы насчитывалось 15 заводов, делившихся на 4 группы, а именно:

I группа—Кадомская, в нее входили заводы:

1. Вичкидеевский,
2. Сакаевский,
3. Шевалеевский,
4. Поляковский.

II группа—Шацкая с заводами:

1. Баковой,
2. Пичкиряевский,
3. Матвеевский.

III группа—Нижне-Ломовская—1-я с заводами:

1. Сиялеевский,
2. Унуевский,
3. Корсаковский,
4. Сивильский.

IV группа—Нижне-Ломовская—2-я с заводами:

1. Янгужинский,
2. Керетлеевский,
3. Челмодаевский,
4. Лухминский.

Количество поташа, добытого на перечисленных заводах в течение 1701—1702 г. г., можно иллюстрировать следующей таблицей:

Группы заводов	Наименование заводов	1701		1702[1]	
		Колич. выработан. поташа			
		бочки	ушаты	бочки	ушаты
Нижне-Ломовская 1-я	1. Корсаковский	77	—	20	—
	2. Сивильский	109	—	35	—
	3. Сиялеевский	97	—	13	—
	4. Унуевский	101	—	20	—
	Итого:	384	—	88	—
Нижне-Ломовская	5. Керетлеевский	99	—	42	12 п. 8 ушатов [2]
	6. Лухминский	104	—	17	—
	7. Челмодеевский	141	—	38	12 пуд.
	8. Янгужинский	105	—	36	—
	Итого:	449	—	128	—
Шацкая	9. Баковой	60	—	36	—
	10. Матвеевский	73	—	28	—
	11. Пичкиряевский	79	—	31	—
	Итого:	212	—	95	—

1) Вичкидеевский Майдан,—очевидно, Вичкилейка, б. Городищенского уезда, Пензенской губ.
Сакаевский М-н, Теньгушевского района, МАССР.
Шевалеевский и Поляковский М-ны, Елатомского уезда, Тамбовской губ.
Баковой и Пичкиряевский, б. Спасского уезда, Тамбовской губ.
Матвеевский, с. Матвеевка, Темниковского района, МАССР.
Янгужинский, Инсарского района, МАССР.
Керетлеевский, б. Наровчатского уезда, Пензенской губ.
Челмодеевский, Инсарского района, МАССР.
Лухминский, Инсарского района, МАССР.
Сиялеевский и Унуевский, Кадошкинского района, МАССР.
Корсаковский М-н, д. Корсаковка, Чамзинского района, МАССР.
Сивильский, Сивинь, Ст.-Синдровского района, МАССР.
В документах имеется упоминание о бывших поташных заводах: Казеевском, Шадымском в нынешнем Инсарском р-не, МАССР, а также Дракинском, действовавшем с 1714 по 1741 г.г., ныне Ст. Дракино, Ковылкинского р-на, МАССР, Ц. А. МАССР, ф. 2, д. 60, л. 305.
В 1702 г. перерабатывалось оставшееся от предыдущего года сырье, этим объясняется заниженная по сравнению с 1701 г. продукция.
2) Ушат, как мера сыпучих тел, не поддается определению для XVIII в.

Группа заводов	Наименование заводов	1701		1702	
		Колич. выработан. поташа			
		бочки	ушаты	бочки	ушаты
Кадомская	12. Вичкидеевский	68	—	23	—
	13. Поляковский	86	—	32	—
	14. Сакаевский	66	—	30	—
	15. Шевалеевский	79	—	30	
	Итого:	299	—	115	
	Всего:	1343	—	437[1]	

В 1703 г. было выработано 1.000 бочек. Это количество поташа было установлено для Починковских заводов указом Петра I в 1721 г. и для последующих лет — «по вся годы в деле и в продаже быть поташу по тысяче бочек».[2]

Эта производственная программа выполнялась в течение 1722—1732 г. г., однако «с немалым трудом», как подчеркивалось в докладе сената.[3]

В 1732 г. правительство Анны Ивановны заключило контракт с иностранными купцами Шифнером и Вульфом на поставку с Починковских заводов в течение пятилетия (1732—1737 г. г.) 2.000 бочек поташа ежегодно.[4] Такое увеличение вынудило коммерц-коллегию пересмотреть с точки зрения рентабельности всю существующую тогда сеть будных станов, а затем войти с ходатайством в сенат о дополнительной приписке к Починковским заводам ясачного населения.

Количество поташных заводов по ведомству Починковской конторы постепенно растет: в 1736 г. их насчитывается 18, в 1740 г.—20, причем состав их значительно (на 70%) обновляется по сравнению с началом XVIII в. Это и понятно: леса столь энергично вырубались, что по прошествии 5—7 лет заводы приходилось переносить на новые места. Однако установленная правительством программа, даже при наличии приписки 46 сел и деревень из Саранского у., выполнялась с величайшим трудом, не взирая на неослабный контроль и

1) Симсон, цит., соч., стр. 8—10.
2) Симсон, цит. соч., стр. 4—5.
3) Докум. и материалы по истории МАССР, т. III, ч. 1, стр. 252.
4) Там же, т. III, стр. 252.

нажим со стороны коммерц-коллегии. Последняя в своем отношении от 15/X—1741 г. ставила на вид Починковской конторе поташного правления, что «с апреля по август месяц, итого за 4 месяца, сделано крупного поташа только 1.196 бочек, тогда как не только две доли, но и более двух доль против указанного числа можно было сделать». Коммерц-коллегия предписывала, чтобы «по крайней возможности доброго поташа в нынешнем году (т. е. в 1741 г.) и впредь неотменно на заводах сделано и делать оной весь в самое благополучное время, а именно, с апреля по октябрь месяц».[1]

Общая выработка поташа за пятилетие (1736—1741 г. г.) представляется в следующем виде:

Наименование заводов	Количество выработанного поташа (в бочках)					
	1736	1737	1738	1739	1740	1741
1. Ахлеевский	116	108 и 4 уш.	104	106	100	122 и 6 уш.
2. Барахмановский	125	120	114	106	113	117
3. Кармалеевский	113	128	123 и 3 уш.	123	98	121 и 2 уш.
4. Керетлеевский	93	95	98	81	108	110 и 4 уш.
5. Корсаковский(*)[2]	100	107 и 7 уш.	102	86	91	131
6. Косогорский (*)	—	—	—	—	252 и 2 уш.	109, 8 уш. и 2 пуд.
7. Сосновский	—	—	—	—	—	103
8. Ковшеевский	115	111	105 и 5 уш.	99	107	119
9. Лашкаевский	134 и 4 уш.	135	135 и 8 уш.	133 и 5 уш.	132 и 3 уш.	138 и 3 уш.
10. Лухмиевский (*)	103	93	101	102 и 3 уш.	110 и 7 уш.	118 и 4 уш.
11. Ново-Сивинский	99	99	91	81	84	108

1) Центр. Архив МАССР, ф. 2, д. 60, л. 193.
2) Звёздочкой (*) обозначены „гарты", существовавшие с начала XVIII в.

Наименование заводов	Количество выработанного поташа (в бочках)					
	1736	1737	1738	1739	1740	1741
12. Пичкиряевский(*)	121	122	110	108 и 9 уш.	130 и 1 уш.	139 и 5 уш.
13. Рябкинский	128	140	110	101	121	147 и 6 уш.
14. Ст.-Сивинский(*)	106 и 7 уш.	112	102 и 5 уш.	94 и 2 уш.	103 и 2 уш.	190 и 1 уш.
15. Соколовский	123	137	130	190 и 9 уш.	126	125 и 2 уш.
16. Тольский	145 и 3 уш.	149	148	148 и 8 уш.	145 и 5 уш.	148
17. Тумолевский	111 и 9 уш.	108 и 5 уш.	109	100	97	123
18. Унуевский	107	110	107	95	93	103
19. Унуевский[1])	121	114 и 3 уш.	110 и 5 уш.	107 и 3 уш.	108 и 9 уш.	110 и 1 уш.
20. Харлеевский	108	108 и 4 уш.	107	104 и 4 уш.	111 и 4 уш.	105 и 2 уш.
Всего .	2069	2097	2008	1966	2230	2491 [2])

1) Барахманский М-н.—Б.-Игнатовского района, МАССР; Кармалеевский—б. Алатырского уезда, Симбирской губ.; Косогорский—с. Косогор, Б.-Березниковского района, МАССР; Сосновский— Сосновый Гарт, Б.-Березниковского района, МАССР; Лухмиский—Инсарского района, МАССР; Новый и Старый Сивинский—ныне с. Сивинь, Ст.-Сивдровского района, МАССР; Пичкиряевский—б. Спасского уезда, Тамбовской губ. Рябкинский—Старо-Сиидровского района, МАССР; Соколовский—Соколов Гарт, Чамзинского района, МАССР; Тольский—б. Лукояновского у., Нижегородской губ.; Тумолевский, — возможно, с. Тумолейка, Ельниковского района, МАССР; Унуевский — Кадошкинского района, МАССР; Учуевский — б. Лукояновского у., Нижегородской губ; Харлеевский (с 1741 г.), то же Н. - Шадымский, ныне с. Шадым, Колыкинского района, МАССР. На месте Шадымского гарта во время археологической разведки Мордовского Научно-исследовательского института в 1940 году был найден толстый слой золы и угля до трех метров высоты и до 20 метров длины.

2) Центральный архив МАССР, ф. 2, д. 60, л. 196 и след. (подсчёт наш).

Из этой таблицы видно, что, во-первых, выработка поташа к концу пятилетия (1741 г.) увеличилась на 19%, во-вторых, выход поташа был неравномерным по отдельным заводам. Это объясняется, с одной стороны, качеством золы, шедшей на выработку поташа, а с другой —недостаточной квалификацией основных кадров, в особенности мастеров, которые, по выражению главного инструктора Починковской поташной конторы мастера Ивана Пузикова, «совершенно дела своего не исполняют». [1])

Основным продуктом, шедшим на приготовление поташа, являлась зола, получавшаяся от пережога леса, по преимуществу таких пород, как вяз, клен и орешник.

Для обеспечения производства 18 заводам в 1736 г. потребовалось 87.579 четверт., т. е. в среднем на завод от 4.865 до 4.921 четверт. [2]) Однако, в действительности золы заводилось больше указанного количества, поэтому на всех заводах имелись остатки золы от прошлого производства: например, в 1741 г. на 18 гартах оказался запас в размере 9.655 четверт. [3])

Рабочие для поташных заводов набирались из числа приписного населения. Они делились на несколько категорий. Ведомость на выплату жалования будным работникам 1741 г. перечисляет следующие разряды рабочих: 1) поливачи, 2) бочкари, 3) подмастерья, 4) пристава (административный персонал), 5) корытники (будники).

Основными работниками поташного производства считались «поливачи». На их обязанности лежало обмачивать золу и поливать щёлоком костер. На Починковских заводах в 1700—1701 г. г. поливачей было 18. На жалование им было тогда же выдано 262 р. 20 алт., так что каждый поливач получил за год деньгами 14 р. 58 коп., хлебного жалования им полагалось по 10 четв. ржи, 3 пуда соли и крупы. Самую многочисленную группу рабочих составляли будники.

1) Центр. Архив МАССР, ф. 2, д. 60, л. 187—188.
2) Там же, ф. 2, д. 60, л. 34.
3) Там же, л. 190.

Они занимались устройством «буд»—заводов, а также и засыпкой золы в колоды. Число корытников в 1701 г. исчислялось 190, а в 1741 г.—120. Денежное и хлебное жалование они получали в зависимости от количества заготовленной под их наблюдением золы и «клёпки». В 1701 г. за доставку на заводы 22.450 четв. золы и 5.122 сажен клёпки им было выдано денежного жалования 1.130 р., т. е. по 5 р. 90 коп. с деньгой и за крупу и толокно деньгами 4 руб.

Приводим данные Ясинского (конец XVII и начало XVIII в.) о количестве рабочих на будных станах и о денежном их вознаграждении. [1])

1. Количество рабочих.

Наименование рабочих	Арзамасские зав.	Барминские	Починковские
1. Поливачи	9 чел.	2 чел.	18 чел.
2. Бочкари	8 „	2 „	15 „
3. Колесники	7 „	2 „	15 „
4. Кузнецы	4 „	1 „	6 „
5. Будники	171 „	117 „	190 „ [3])
6. Возчики	53 „	180 „	225 „
7. Конские мастера	1 „	—	—

2. Денежное вознаграждение. [2])

Наименование рабочих	Арзамасские зав.	Барминские	Починковские
1. Поливачи	13 р. 39 к.	10 р.	14 р. 58½ коп.
2. Бочкари	6 „ 19 „	2 р. 50 к.	5 р. 73 к. с 1 полуш.
3. Колесники	6 „ 14 „	2 „	6 „
4. Кузнецы	6 „ 50 „	4 „	6 „ 66½ коп.
5. Будники	5 „ 40 „	2 „ 06	5 „ 90½ коп.
6. Возчики	2 „ 40 „	1 „ 18 ½ к.	3 „
7. Конские мастера	3 „	—	—

1) Сборник № 7 студентов Киевского университета. К. 1915, стр. 72.
2) В 1741 г.—120 чел.
3) Подсчёт Ясинского.

3. Хлебное жалование.

Наименование рабочих	Заводы		
	Арзамасские	Барминские	Починковские
1. Поливачи	от 2-х руб. до 2 р. 15 к.	Около 46 к.	Около 2 р.
2. Бочкари			
3. Колесники			
4. Кузнецы			
5. Будники	1 р. 90 к.	„ „	„ „
6. Возчики	90 к.	Около 20 к.	Около 1 руб.
7. Конские мастера	70 к.	—	—

Больше других, таким образом, получали жалованье поливачи, бочкари, колесники, кузнецы, ближе стоявшие к производству.

«Работа на будных заводах,—пишет Ясинский,—вообще была очень тяжелой, на что указывают частые бегства рабочих. Под опасением остаться совершенно без рабочих правительство вынуждено было обратить внимание на их положение. Было постановлено: во-первых, взимать подушные деньги только с наличного числа душ, во-вторых, освободить население от обязательной поставки провианта». [1])

Все эти меры носили половинчатый характер и проводились в значительной мере под давлением обстоятельств.

Починковские заводы давали большую прибыль казне. Так, себестоимость одной бочки поташа (30—32 пуда) в начале XVIII в., по подсчётам Симсона, выражалась в сумме 6 р. 20 алт. ⅓ деньги. К 40-м г. г. себестоимость поднялась до 7 р. 65 к., продажная цена у Архангельского порта в 1741 г. составляла 36 ефимок или российской валютой 43 р. 02 к. По расчётам управителя Починковских поташных заводов асессора Чикина вся прибыль для 1741 г. исчислялась в 20.944 руб. [2])

1) Статья Ясинского в „Сборнике", стр. 79.
2) Симсон, цит. соч., стр. 16—17. Центр. Архив МАССР, ф. 2, д., 60, л. л. 170—171, 178.

ПОЛОЖЕНИЕ ПРИПИСНОГО К ПОТАШНЫМ ЗАВОДАМ НАСЕЛЕНИЯ.

К Починковским заводам приписывалось ясачное население (русское и мордовское). Какое количество приписных состояло в начале XVIII в., нам в точности неизвестно. Симсон в своей статье «Поташное производство в Московском государстве на пороге XVIII в.» перечисляет лишь несколько мордовских и русских деревень, как Печи, Лобаски, Азрапино, Шишадеево (Богословское), Сантовка и др.[1]). Поскольку эти деревни встречаются в более поздних списках (1719, 1732 г. г.), они являются таким образом самыми старинными приписными к заводам селениями. Приписка заметно увеличивается в начале XVIII в. ввиду расширения производства поташа при Петре I и непрерывно растёт почти на всем протяжении первой половины столетия. В 1707—1708 г. г. в ведомство Починковской поташной конторы передаются такие деревни и селения, как Никольское (Сучки), Летки (русские) и мордовские—Лемдяй и Тиризморги.[2])

Передача деревень Починковскому поташному правлению влекла за собой, с точки зрения ведомственных отношений, изъятие их из ведения той администрации, где они ранее состояли. В ведение поташной конторы переходили, естественно, и все земельные угодья.

На приписку населения к поташным заводам правительство смотрело как на какую-то льготу. На самом же деле ухудшение положения населения именно и начиналось с момента передачи его в ведомство поташного правления. С этого момента все долговые и иные обязательства, связывавшие население с прежними административными органами, казалось бы, прекращались, однако эти органы стремились взыскать все недоплаты «без остатку», передаваемое же население всеми путями старалось затягивать ликвидацию старой задолженности, надеясь в дальнейшем от нее отделаться. Все это служило источником многочисленных препирательств между двумя администрациями—старой и новой, и сопровождалось бесконечными издевательствами над населением. В 1712 г. Починковский комендант Федор Хрущов в своем отношении Саранскому воеводе Сабурову указывал, что Саранский подъячий Иван Мельников и пушкарь Никита Карпов «с служилыми людьми и с мордвой (разных деревень — Н. Р.) с рогатинами, и с бердышами и с дубьем» приезжали неоднократно в мордовские деревни Сурскую и Давыдову, переданные к тому времени в ведомство Починковской конторы, для взимания оброчных и заёмных денег по искам частных лиц.

К 30-м г. г. XVIII в. число приписных к Починковским заводам возросло до 17.000 человек (муж. пола). Это количество распределялось следующим образом по трем волостям, откуда преимущественно и бралось приписное население:

Наименование волостей	В них		В том числе мордовск.		
	селений	колич. душ. муж. п.	селений	в них колич. душ.	%%
Починковская	22	7101	6	1552	21,8
Сергацкая	8	4032	—	—	—
Вадская[1])	33	5770	10	2351	40,7
Итого . .	63	16903	16	3903	31,2[2])

Даже при наличии такого количества приписных крестьян установленная Петром I программа выработки поташа (1000 боч.) едва выполнялась.

Поэтому, когда в 30-х годах возник вопрос о доведении выработки поташа до 2000 бочек и более, то коммерц-коллегия сочла нужным поднять вопрос о новой приписке к Починковским заводам дополнительного количества населения. «Без прибавки крестьян,—замечала коллегия,—сделать того поташа, ныне определенного числа, безнадежно».[3]) Коммерц-коллегия ходатайствовала перед сенатом о приписке населения из ближайших к заводам уездов Саранского, Алатырского и других до 10.000 человек. Пра-

1) Симсон, цит. соч, стр. 36.
2) Рукописный фонд Мордовского Научно-исследовательского института, п № 2, л. 209, 219.

1) Включая Нижне-Ломовские, Кадомские и Шацкие Майданы.
2) Центр. Архив МАССР, ф. 2 д. 36, л. л. 114—116. (Подсчёт наш).
3) Там же, ф. 2, д. 36, л. 252.

вительство с мнением коллегии, поддержанным и сенатом, согласилось, и в 1733 г. последовало распоряжение о приписке из различных уездов указанного количества дворов, которые распределялись по уездам следующим образом:

Наименование уездов	Число сёл и деревень	Колич. душ муж. пола	В том числе мордвы		
			число селений	муж. пол.	%
1. Саранский	46	5306	36	4442	82,8
2. Краснослободский уезд, Макул. волость	11	2024	9	1351	64,4
3. Краснослободский уезд	6	946	2	24	9,9
4. Арзамасский уезд	4	738	4	738	100
5. Алатырский .	2	251	1	186	74,1
6. Инсарский .	14	560	12	504	90,0
7. Наровчатский .	2	86	2	86	100,0
Итого . .	85	9911	66	7331[1]	—

Таким образом, около 50% всего приписного по указу имп. Анны Ивановны населения взято было из числа ясачной мордвы Саранского уезда.

В 1735—1736 г., во время «генералитетской переписи», проведенной советником коммерц-коллегии Владыкиным и капитаном Топориным, общее число приписного к поташным заводам населения достигало 20.709 человек мужского пола.

1) Центральный Архив МАССР, ф. 2, д. 36, л. 116—118.

Это количество распределялось по волостям следующим образом:

1. В Починковской волости, включая Алатырские майданы . 7413 чел.
2. В Макуловской и в Вадской волостях . . . . . 5176 „
3. В Инсарских мордовских деревнях, включая Троицкое, Наровчатские и Краснослободские майданы . . . . . 1592 „
4. В Сергачской вол. и в Нижне-Ломовских майданах . 5421 „
5. В Шацких и Кадомских Майданах . . . . . 987 „
6. Разночинцев . . . . . 120 „

Итого . . 20.709 „[1]

Из приписного населения, как мы видели, набирались мастеровые и вообще «работные люди» для работы непосредственно на гартах, а также для всяких подсобных хозяйств, которыми обрастало производство поташа. В основном вся масса приписных, вместе с их семействами, использовалась для заготовки золы и «клёпки». Наряды на золу и клёпку исчислялись, подобно подушному окладу, по количеству мужского населения. Согласно развёрстке в 1742 г. Унуевский завод должен был собрать с мордвы д. Старой Болдовы 300 четвертей золы.

Еще большим оказался наряд для мордвы д. Семилей, приписанной к Унуевскому заводу. С 177 душ м. п. этой деревни требовалось собрать золы в 1742 г. 2478 четвертей, т. е. по 14 четвертей с каждой души мужского пола.[2] Правда, этот наряд был уменьшен на 1000 четвертей, но самый факт занесения подобного наряда в окладные книги говорит о чрезмерности установленных «уроков» для населения. Средний размер этого оброка составлял, повидимому, 4 четв. на душу, как это видно из челобитья мордвы Починковской волости 1736 г., приводимого нами ниже.[3]

Что касается наряда на клёпку, то мы располагаем лишь одним указанием в отношении мордовской деревни Наченал: мордва этой деревни должна была поставить в 1742 г. на Соколовский гарт со 113 душ м. п. 33 сажени дубовой клёпки. Была ли это обычная норма, за неимением данных судить трудно.

1) Центр. Архив МАССР, ф. 2, д. 36, л. 135.
2) Там же, л. 232.
3) См. статью Зевакина „Очерки по истории Мордвы XVIII в." Рукописный фонд института, п № 2/1, стр. 83.

Многое, конечно, зависело от администрации поташной конторы и прежде всего бригадиров, отвечавших за своевременную доставку материалов на заводы. Так, бригадир Жилин предписал надзирателю Унуевского гарта Навощенову взыскать с мордвы д. Семилей не 2478 четвертей, а всего лишь 1478. [1])

Произвол в деле взимания с населения золы и клёпки вошел вообще в привычки тогдашних администраторов. В 1735—1736 г. г. мордва Починковской волости, приписная к заводам, вынуждена была подать жалобу поташной конторе, в которой она суммировала все обиды и издевательства над ней со стороны заводской и конторской администрации. Мордва в своем челобитье писала: «...зело великие налоги и тягости принуждены нести, а именно: 1) жгут они, вместо (уплаты—Н. Р.) 4-х гривенного подушного сбору, по четыре четверти с души; 2) принуждены они поголовно и в самую рабочую летнюю пору, оставляя свою пашню, оную работу (жечь золу—Н. Р.) исправлять и на гарт возить; 3) у них же привозную золу поливщики у многих не принимают, а которую и примут, высыпают в овраг, а вместо того вторично принуждают выжигать по четыре четверти с души; которую в овраги высыпают, ту, собрав им же, крестьянам продают по две гривны за четверть». Нечего говорить, что в этом царстве насилия процветало взяточничество в самой неприкрытой форме: мордва той же волости в своем челобитье заявляла, что Починковская администрация берет с нее взятки деньгами, медом и лисицами, отчего «претерпевают несносную тягость, и многие от того разбежались, а многие от голоду и побой многие померли». [2])

Что такое положение приписного населения было известно правительству, свидетельствует и доклад самой коммерц-коллегии, поданный в сенат в 1732 г. В своем докладе коллегия прежде всего указывала, что круговая порука населения по выполнению подушных сборов и всяких трудповинностей (поставка рекрут, провианта, наряды на подводы под поташ и пр.) ложилась непосильным бременем на плечи населения. Многие крестьяне не в состоянии были нести все эти повинности и скрывались из своих деревень.

1) Центральный Архив МАССР, ф. 2, д. 60, л. 232.
2) Цитир. по статье Зевакина.

Вследствие этого положение оставшихся ухудшалось, так как они обязаны были выполнять все повинности не только за себя, но и за беглых, из-за чего «они пришли во всеконечное разорение и скудность и многие домов своих лишились». Коллегия доносила в сенат: «А в летнее время они бывают на работах при поташном деле, а жен и детей их вследствие неплатежа подушных денег держат под карaулом без выпуска, бьют на правеже батожьем, в зимнее время держат их, заклепав в колодках, человек по сту и более в студеных амбарах, а им за скудностью их и за пустотою платежем тех подушных денег за всех по переписки никаким образом исправиться невозможно, от той несносной тягости и оставшиеся крестьяне все бегут врознь». [1])

Одной из причин тяжёлого положения приписного населения служила, как мы видим, неясность в правовом положении последнего: по смыслу изданных еще приказом «Большие Казны» в 1694 г. грамоты, а также указа от 25/VIII—1707 г. приписное население изымалось из ведения местной администрации и поступало в распоряжение одной только Починковской конторы [2]). Сенатская инструкция от 4-го сентября 1740 г. решительно предписывала «никаких посторонних воевод и штабных офицеров в ведомство означенной поташной конторы ни для каких дел не впускать». Суд и расправу по всем делам поручалось производить одной лишь Починковской конторе [3]).

Однако на практике все эти узаконения оказались пустым звуком. В своей докладной записке от 19-го июня 1760 г. на имя государственной коммерц-коллегии управитель Починковских заводов надворный советник Ладыгин констатировал, что в период действия прежних государственных узаконений (1694, 1707,1740 г. г.) «команда Починковской поташной конторы, (т. е. крестьяне) состояла в добром порядке и под защищением оной конторы безразорительно» [4]). После того, как все дела, связанные с населением поташных заводов, начали разбираться в соответствующих городовых и провинциальных канцеляриях по

1) Цитир. по статье Ясинского, стр. 80.
2) Центр. Архив МАССР, ф. 2, д. 49, л. 176 (42).
3) Там же, дело 90, л. 40.
4) Это писалось для „красного словца", см. выше челобитье Починковской мордвы.

месту жительства приписных крестьян, «с того времени, — замечает Ладыгин,—Починковская контора от градских канцелярий крайние обиды претерпевает и обыватели во всеконечное разорение пришли». [1])

Находясь в ведении 3-х губернских (Казанской, Нижегородской, Воронежской), нескольких провинциальных и городских канцелярий и всяких иных (соляных, корчемных и др.) контор, приписное население до крайности было терроризировано множественностью этих административных инстанций, каждая из них грабила подчиненное им население. Управитель Починковской поташной конторы, известный по наказам Пензенской провинции 1767 г., Ладыгин в конце концов должен был признать свое бессилие что-либо сделать против этой ведомственной неразберихи. «Из оных городовых канцелярий,—пишет он в своем докладе коммерц-коллегии,—от разобрания в разные ведомства крестьяне и новокрещенные всеконечно многие разбегутся». [2])

Слова Ладыгина в данном случае не были пустой угрозой, факт массовых побегов приписного крестьянства для первой половины XVIII в. подтверждается ведомостью, относящейся к 30-м годам XVIII в. Приведем имеющийся у нас материал, распределив его по волостям и уездам.

Наименование волостей и уездов	Колич. насел. по сказкам.				Убыль		В т. ч. мордвы	
	1719	1736	в т. ч. мордвы		в абс. цифр.	в %	в абс. цифр.	в %
			1719	1736				
Починковская вол.	7101	3412	1552	616	3689	51,9	936	70,3
Сергацкая „	4032	1832	—	—	2200	54,5	—	—
Падская „	5167	2391	2351	1207	2776	53,7	1144	48,6
Саранский уезд	4434	1153	3589	941	3281	73,9	2648	73,7
Макуловская вол.	1746	522	1001	205	1224	70,1	796	79,5
Краснослободский уезд	887	414	94	42	473	53,3	52	55,3
Алатырский уезд	251	142	251	142	109	43,4	86	46,2
Арзамасский уезд	738	328	738	328	410	55,5	410	55,5
Итого . .	24356 [3])	10194	9576	3481	14162	58,1	6072	—

1) Центр. Архив МАССР, ф. 2, д. 90, л. 43.
2) Там же, ф. 2, д. 90, л. 42—43.
3) Там же ф. 2, д. 60, л. 116—118.

Из этой таблицы видно, что наибольший процент бежавших приходился на Саранский уезд и Макуловскую волость, т. е. именно на те районы, где мордва составляла наиболее значительный контингент населения. Средний процент, выведенный нами по волостям и уездам, не дает еще ясного представления об убыли населения по отдельным деревням, которая была гораздо выше. Например, по Саранскому уезду в мордовской д. Кочкурово из 314 душ (в 1719 г.) в 1736 г. осталось всего лишь 40 (т. е. убыль равнялась 87,3%), в д. Пермиси из 139 чел. осталось к 1736 г. лишь 7 чел., т. е. убыль составляла 97,8%. В связи с побегами приписного населения правительство принимало меры к розыску: в 1741 г. был командирован в Пензенский уезд для сыска беглых с будных станов надзиратель Ковшеевского и Барахмановского гартов, но осязательных результатов он не добился [1]). Мало-помалу сопротивление населения начинает принимать более активную форму. Мордва Починковской волости в 1735—1736 г. г. оказалась замешанной «в противностях в платеже подушных налогов и заготовлении на дело поташа золы и в поставке клёпочных дров на гарты». Посланного из Починковской поташной конторы солдата для сбора денег мордва била по щёкам и намеревалась убить, заявляя, что подушных денег с них взыскивать не велено, поэтому «платить оных и золы и дров на гарты ставить не будут же». [2])

Кроме чисто заводской работы по заготовке золы и клёпки, приписное население выполняло ряд хозяйственных работ, имевших подсобное значение в хозяйстве поташной конторы. К таким подсобным хозяйствам следует отнести десятинную пашню, существовавшую издавна при с. Кармалеях, Починковской волости. Для выполнения всех работ на Кармалеевской десятинной пашне были приписаны такие русские села, как Тагаево, Усад и Старое Рождественское (все Починковской волости) с населением в 827 душ [3]). На десятинной пашне ежегодно высевалось ржи 350, овса 650 четвертей. Если принять за основу расчётов нормы высева, указанные Гераклитовым [4]) и Готье, то количество ежегодно

1) Центр. Архив МАССР, ф. 2, д. 60, л. 259.
2) Цитир. по статье Зевакина, стр. 34.
3) Центр. Архив МАССР, ф. 2, д. 36, листы 137—138.
4) Гераклитов — „Арзамасская мордва," стр. 38—39.

засеваемых десятин составит примерно 337½ десятин: ржи — 175 и овса 162½ дес. Для заведывания десятинной пашней был выделен от Починковской поташной конторы подъячий, а в помощь к нему от мирских людей по выбору от сёл Ильинского, Наруксова, Дураковки и др. были приставлены еще два целовальника.

Работы на заводе не избавляли приписное население от выполнения трудовых государственных повинностей. В 1734 г. для строительства Азовской крепости с Московской, Казанской и Нижегородской губ. требовалось собрать 10 тысяч человек, в том числе с Казанской—плотников 300, каменщиков 100, работников пеших—1946 и конных 200 человек [1]). Часть этого наряда ложилась на ясачное население, приписанное в Починковской поташной конторе.

Многочисленные указы требовали присылки всё новых и новых партий рабочих с Починковской, Сергацкой, Вадской и Макуловской волостей и с ново-приписных уездов Инсарского, Наровчатского и Троицкого [2]).Починковское поташное управление в своем донесении на имя государственной коммерц-коллегии вынуждено было указать в 1738 г. на чрезмерную нагрузку, испытываемую населением, приписанным к заводам. Поэтому поташная контора выражала серьезное опасение в отношении выполнения производственной программы: «... если впредь,—писала контора,—работные люди из поташного ведомства востребуются, то за несостоятельностью оставшихся обывателей и за платежем подушных денег и за поставкой провианта и драгунских лошадей, в приуготовлении на поташное дело материалов, конечно, учинится остановка, отчего поташная контора в том имеет немалую опасность» [3]).

Придавленное тяжелой работой, испытывая на себе гнёт заводской администрации, приписное население представляло готовый горючий материал: недовольство это, как мы видели, проявлялось в форме стихийного возмущения, «непослушания», что влекло за собою «истязания» и другие последствия. Неудивительно, что постоянно вокруг этих заводов и приписных сел бродили «воровские» отряды и

1) Рукописн. фонд Мордовского Научно—исследовательского института, п № 21/1, стр. 274.
2) Центр. Архив МАССР, ф. 2, д. 36, л. 515.
3) Там же, л. 517.

всякий «беглый люд», готовый на выступление против помещиков, воеводской и иной администрации. Сочувствие к ним приписного населения было обеспечено.

Починковская поташная контора, с причисленными к ней поташными заводами, просуществовала до 1760 г., когда указом сената от 15 сентября была закрыта. [1])

Часть заводов, состоявших ранее в ведомстве Починковской конторы, продолжала работать и в дальнейшем.

Что касается прежних «будников», то одни по-прежнему остались при поташных заводах, другие закрепились за конноазаводским ведомством, наконец, третьи были переведены на положение лашманов для разработки корабельных лесов.

1) Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. III, ч. 1, стр. 105.

П. Степанов.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В МОРДОВСКОЙ АССР В 1940-1941 г.г.

В июне 1941 г. была организована Мордовским Научно-исследовательским институтом разведочная археологическая экспедиция. Экспедиция имела узкую цель — отыскать в бассейне реки Алатырь памятник, который можно было бы впоследствии раскопать и всесторонне изучить. Территория, взятая для разведочного обследования, никогда ранее не обследовалась и не изучалась, поэтому в распоряжении исследователя не было никаких данных не только о характере, но ничего не было известно о наличии древностей.

Экспедиция находилась в пути с 12 по 19 июня и фактически состояла из одного человека, автора данного очерка.

Обследование началось с районного центра—с. Ичалки и продолжалось по маршруту: Кемля, Лобаски, Кендя, Гуляево, Кергуды, Крутая Гора, Нов.-Ичалки, Популево — все пункты в пределах Ичалковского района МАССР.

В пределах обследованной территории протекают две реки: Алатырь, текущий с запада на восток, впадающий в р. Суру и река Инсар, текущая с юга на север, впадающая в реку Алатырь около с. Ичалки. В основном обследование велось по правому высокому берегу реки Алатырь с очень ограниченным захватом района р. Инсар при самом ее впадении в р. Алатырь.

Порядок обследования и результаты подробно излагаются в публикуемых ниже дневниках. Здесь же мы остановимся на характеристике отдельных вещей и памятников, обнаруженных экспедицией. Памятники расположены в их хронологической последовательности.

Древнейшим памятником обследованного района следует считать дюнную стоянку «Зимняя Шишка», находящуюся на пойме реки Алатырь, к северу от села Крутая Гора, на расстоянии 0,5 км. Стоянка расположена на высокой (5—6 м. над поймой) дюне и полой водой сейчас никогда не заливается. Поверхность дюны хорошо задернована, и лишь с западной стороны дерновый слой, а также подстилающий темный песчаный слой с культурными остатками, размыты, да с северной стороны край дюны разрушен дорогой. Подле дюны находятся два озера, остатки р. Алатырь, когда-то подходившей к самой дюне. В центре дюны находятся следы смолокурной ямы.

На дюне на размытом участке собран подъемный материал в виде поделок из кремня: проколка, несколько скребков округлой формы и один с выемчатой полукруглой рабочей частью, обломок наконечника копья или дротика, аналогичный кремневому наконечнику, полученному в с. Ичалках, точильный камень и большое количество керамики двух типов—гладкостенной — поздней и более древней, с ямочным и штампованным орнаментом. Найдено также одно грузильце, сделанное из черепка. В одном месте размытой площадки обнаружено большое скопление обломков речных раковин (таб. I, рис. 1—8).

Аналогичный указанному выше кремневый скребок в сопровождении керамики древних типов найден на дюне «Пешке Сева» близ с. Кендя.

К этому же комплексу древнейших вещей, собранных экспедицией, следует отнести, полученный в дар в с. Ичалки кремневый наконечник копья или дротика прекрасной формы (длина 10 см., шир. 5 см., толщина 0,8 см.), найденный 20 лет тому назад в районе впадения р. Инсар в р. Алатырь (таб. I, рис. 9).

Все упомянутые вещи должны быть отнесены к эпохе неолита или к самому начальному этапу бронзовой эпохи. Человек, судя по находкам, в это время обитал, главным образом, в речной долине на высоких песчаных дюнах, где располагались его постоянные или временные, более или менее длительные стоянки. Ввиду того, что на указанных стоянках не обнаружены костные остатки, можно думать, что рыболовство было одним из основных занятий обитателей стоянок. Наличие таких вещей, как крупные наконеч-

ники копий или дротиков, заставляет предполагать, что основным занятием человека этой эпохи была охота. Отсутствие же костных остатков на описываемой стоянке «Зимняя Шишка» объясняется тем, что эта стоянка была сезонной и служила местом жилья в сезон рыбной ловли. О том же говорит обнаруженное скопление речных раковин. Пищу в указанную эпоху человек готовил в глиняных горшках, остатки которых весьма многочисленны. Эти горшки он изготовлял сам. Как характер орнамента — ямочный и штампованный, покрывавший сплошь стенки сосудов, так и отсутствие донных частей горшков заставляют думать, что горшки были круглодонные или остродонные, т. е. типично неолитические.

Последующая, бронзовая, эпоха характеризуется в указанном районе типами керамики, собранной на селище «Гладкое», расположенном поблизости от «Зимней Шишки». Селище «Гладкое» расположено в урочище «Гладкое», находящемся к югу от села Крутая Гора на расстоянии 0,5 км. Селище расположено на ровной, почти горизонтальной, площадке в форме равностороннего треугольника, примыкающей к возвышенности, обращенной лицом к р. р. Инсар и Алатырь. Стороны площадки равняются 250—300 метрам.

С двух сторон к площадке селища примыкают озера, причем озеро с южной стороны когда-то было глубоким и рыбным. Площадь селища полой водой сейчас не заливается и возвышается над поймой на 4 м.

По всей площади селища в изобилии встречаются обломки горшков, костей, обожженной глины. Наибольшее скопление культурных остатков наблюдалось в западном конце селища, на самом мысу, где, кроме того, обнаружены следы глинобитных печей, разрушенных при пахоте плугом.

Подобранный на селище материал позволяет утверждать, что мы имеем дело с памятником, сохранившим остатки двух эпох. Древнейший слой, судя по керамике, должен быть отнесен к бронзовой эпохе, т. к. керамика украшена штампованным орнаментом, типичным для бронзовой эпохи лесной полосы в ее срубно-хвалынской стадии. Вероятнее всего допустить, что этот слой соответствует древним слоям, какие встречаются на городищах типа Городецких (Городецкое городище в б. Спасском уезде, Рязанской губ.), которые относятся исследователями к концу бронзы.

Ввиду того, что имеется только подъемный керамический материал, мы затрудняемся дать подробную характеристику как памятнику, так и людям, оставившим селище «Гладкое». Близкое расположение памятника от «Зимней Шишки» — стоянки эпохи неолита — и наличие на селище «Гладкое» второго, более позднего, слоя, что определяет хронологические рамки, делает этот памятник чрезвычайно ценным и интересным.

Следующий хронологический период, характеризуемый находками экспедиции, будет период XIII—XIV в. в., к которому относятся: селище «Гладкое»—его верхний культурный слой и одиночное женское погребение на дюне близ с. Кендя.

Керамика из верхнего слоя селища «Гладкое», в изобилии встреченная на всей площади селища, гладкостенная, красноватого обжига, близка к керамике, открытой в могильнике с. Паньжа в 1940 г., а также близка к керамике других мордовских могильников той же эпохи. Датирующими предметами являются найденные глиняные пряслица, одно целое и одно в обломках, формы, типичной для мордовских могильников и селищ XIII—XIV в. в. Многочисленные находки вещей на поверхности, а также остатки глинобитных печей, делают этот памятник особенно интересным для истории мордвы XIII—XIV в. в. К тому же, не исключена возможность того, что перед нами место мордовского поселения, через которое в 1489 г. ехали послы из ногайской орды: «...А сказывают государь... возился под Черемшаны... а провожали их государь, полем до Суры, до Популы до мордвина. А оттоле, государь, сказывают, ехали на князя на Ромадана, да на кирданову мордву, да на Саканы». [1])

Как село Популево, так и с. Ромоданово находятся поблизости от найденного селища, и могут служить ориентирами для определения пути послов.

Хронологически близким указанному селищу будет одиночное женское погребение, найденное на дюне «Пешкс Сева», расположенной в 1 км. к северу от с. Кендя. На дюне собрано небольшое количество обломков гладкостенных

1) Документы и материалы по ист. МАССР, т. 1, стр. 139. Известия из отписки Муромского наместника кн. Федора Хованского, 1489 г., сентябрь м-ц.

горшков не очень хорошего обжига, близких по форме сосудам, найденным на селище «Гладкое».

Примерно на середине дюны было обнаружено, частично развеянное и разрушенное, погребение. На поверхности песка лежали кости черепа (раздавленного), конец бронзового браслета, в стороне лежали обломки железного ножа и бронзовой кольцевой сюлгамы малого размера. Костяк был очищен от засыпки, в результате чего оказалась следующая картина.

Костяк лежал на левом боку, головой на З-СЗ, лицом к С-СВ. Руки были согнуты в локтях и кисти лежали против лица. Ноги были согнуты в коленях. Положение костяка было строго на боку, так что тазовые кости приходились одна над другой и не развалились. Кости плохой сохранности. Костяк принадлежал взрослой женщине, возраст которой определить не удалось.

При костяке оказались: 2 бронзовых браслета, из которых один витой из круглой бронзовой проволоки, а другой массивный, круглого сечения, причем концы его оформлены в виде утиной головы. Кроме того найдено пять штук кольцевых бронзовых сюлгам разного размера, а также одна бронзовая лопастная сюлгама с тонкими большими лопастями, но без орнамента. Все вещи располагались против груди и живота покойницы, за исключением обломка ножа и обломка сюлгамы, лежавших за спиной.

По характеру вещей, а также по ориентировке и по положению костяка в скорченном положении, на боку, погребение следует отнести к XIV в. и принадлежит мордве.

Аналогичное положение занимают костяки женщин при той же ориентировке и с такими же вещами в Гагинском, Ефаевском, Паньжинском и других мордовских могильниках, датируемых XIII—XIV в. в. Наше погребение следует отнести к более поздним, судя по форме лопастной сюлгамы, являющейся переходной от лопастных сюлгам XIII века к орнаментированным сюлгамам XVI—XVII в.в.

Никаких других следов погребений на дюне не оказалось, поэтому можно думать, что перед нами одиночное захоронение близ временной стоянки мордвы.

Описанные выше находки на селище «Гладкое» и погребение мордовской женщины далеко к востоку от реки Мокши являются свидетельством того, что мордва в период

владычества Золотой Орды жила не только в районах реки Мокши, где найдены многочисленные памятники этого периода, но и в районе р. среднего Алатыря, где памятники этого периода пока были неизвестны.

Последнюю группу памятников, открытых экспедицией, составляют мордовские могильники XVII—XVIII в.в. Здесь следует остановиться на раскопанном кургане в с. Лобаски. К востоку от села, на левом берегу оврага «Орлатка» на расстоянии 1—1,5 км. от села, располагается древнее мордовское кладбище «Калмазырь», с хорошо сохранившимися курганными насыпями. Правда, значительная часть погребений разрушена любительскими раскопками, которые велись с 1928 г. местными учителями и учащимися, но несколько курганов сохранились нетронутыми.

Экспедиция вскрыла два кургана, из которых курган № 1 был разрушен любителями и потому дал только обломки разбросанных костей, остатки кожаной обуви и одну раковину *„Ciprea moneta"*.

Курган № 2, имевший диаметр 6,2 м. и высоту 0,4 м., был раскопан колодцем 3×3 м.

Могила была ориентирована З—В и имела в длину 2,35 м., в глубину 1,25 м. от вершины кургана.

В могиле лежали два костяка, в вытянутом положении на спине, головой к западу. Левый костяк принадлежал женщине, а правый — мужчине. Покойники были положены в невысоком срубе, состоящем из досок шириной 0,15 м. и толщиной 0,04 м. Покрыты покойники были лубом.

Обнаруженные при костяках вещи: ножи, кресало, сюлгамы, перстни, браслеты и ушные привески из серебряных монет аналогичны вещам из поздних могильников XVII в. Терюшевской мордвы, раскопанных Е. И. Горюновой в 1926—1927 г.г. Кроме того могильники датируются русскими серебряными монетами начала XVII в.

Интерес могильника заключается в том, что он относится к группе курганных и принадлежит, несомненно, эрзе.

Таким образом, основываясь на материале экспедиции, мы считаем возможным говорить о длительном пребывании человека в районе среднего течения р. Алатырь, начиная с эпохи неолита и кончая настоящим временем. Характерной особенностью района является отсутствие городищ, хотя последние имеются в верховьи р. Алатырь и на р. Суре.

Стационарные работы по обследованию некоторых из указанных памятников не были осуществлены.

Гораздо богаче результатами был 1940 г., когда на территории МАССР были проведены 2 разведочных экспедиции и стационарные раскопки селища «Полянки» и Паньжинского могильника. Отчет о разведочной экспедиции по р. р. Мокше и Иссе опубликован в «Записках» № 2. Ниже мы публикуем материалы из отчета и дневник экспедиции, руководимой научным сотрудником Центрального музея МАССР—С. П. Вернером, погибшим в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками на одном из фронтов Великой Отечественной войны. При жизни руководителя экспедиции С. П. Вернера отчет не был опубликован, хотя он содержит весьма ценный материал по обследованию остатков оборонительной черты XVII в. от Саранска до Атемара, а также материал по обследованию Ширингушского района МАССР. Опубликование указанных выше материалов расширит наши знания о древностях Мордовской АССР и внесет вклад в историческую науку нашей великой Родины.

В составе экспедиции были: заведующий историческим сектором музея (начальник экспедиции), научный сотрудник музея Ануфриев (пом. начальника экспедиции) и 8 человек учащихся старших классов средней школы г. Саранска.

Экспедиция наметила обследование Атемарского острога, памятника XVII в. в Саранском районе и обследование ряда памятников в Ширингушском районе МАССР. Свою работу экспедиция начала 10 июня 1940 г.

Атемарский острог и сторожевой вал в XVII в.

Из государственных актов XVII в. известно, что между Симбирском (Ульяновск) и Тамбовом в начале XVII в. была построена сторожевая «черта». Эта «черта» в значительной части проходила через территорию современной Мордовской АССР, а именно: через пункты, являвшиеся в свое время сторожевыми острогами: с. Атемар, с. Потижский острог и г. Инсар. Далее линия уходит за пределы МАССР в направлении на Ломов—Керенск.

Наиболее полно сохранились остатки «черты» между с. с. Посоп и Атемар. Этот участок «черты» строил воевода Богдан Хитрово, которому «по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича указу, велено быть на службе в Атемаре и на атемарской засурской Засеке, для строения засечных крепостей».

Экспедиция установила, что на восток от с. Посоп тянутся довольно хорошо сохранившиеся остатки сторожевого вала в виде земляной насыпи и рва.

Сторожевой вал начинается непосредственно с юго-восточной окраины с. Посоп, пересекает глубокий овраг и затем выходит на равнину. На расстоянии 266 м. от оврага имеется земляное основание башни (№ 1). Через 546 м. расположено второе основание такой же башни (№ 2). Всего таких башенных оснований от села до ближайшего леса имеется семь, причем расстояние между башнями не одинаковое. От башни № 2 до № 3—375 м., между башнями № 3 и № 4—800 м., от № 4 до № 5—350 м., от № 5 до № 6—310 м., от № 6 до № 7—850 м. Таким образом, длина вала с башнями от с. Посоп до «засеки» в лесу равняется 4,5 км.

От башни № 4 вал проходит лесом и зарос кустарником и деревьями. За башней № 7 вал прерывается и начинается старый Атемарский лес, где была «засека».

Профиль вала очень ровный и хорошей сохранности. Признаков тына не обнаружено. Вдоль всего вала с южной стороны идет ров, местами заплывший, а местами сохранивший глубину до 2 м. Высота вала от уровня почвы с северной стороны—2 м., а с южной со дна рва 4 м.

В конце Атемарского леса на расстоянии 3,5 км. встретилось основание башни № 8. До этого места вал совершенно отсутствует, вместо него была «засека», т. е. был срублен лес и повален вершинами на «ногайскую» сторону. Длина этой «засеки» равна расстоянию между башнями № 7 и № 8, т. е. 3,5 км. Между башней № 8 и Атемарским острогом вновь проходит вал, на котором, кроме башни № 8 имеется еще три башенных основания с расстоянием между ними от 700 до 750 м.

Общая длина вала, таким образом, между Инзерским острогом (с. Посоп) и Атемарским острогом (с. Атемар) равняется, считая и длину «засеки»,—10 км., в т. ч. 6,5 км. падает на вал с башнями.

Все башенные основания однообразны и имеют диаметр 20 м. Строились они по определенному плану в виде круглого выступа в сторону «дикого поля».

Часть вала в с. Атемар в настоящее время застроена жилыми домами.

Атемарский острог расположен на возвышенности, известной по актам XVII в. под именем «Атемарские вершины». Высота этой возвышенности над уровнем долины р. Атемарки—15 м., но и это небольшое возвышение позволяет далеко просмотреть «дикое поле» на «ногайской» стороне, т. е. к югу от острога.

Хорошо сохранившиеся крепостные валы и башенные основания позволили составить план острога. Крепость представляла из себя замкнутый четырехугольник, южная сторона которого несколько шире, что придает крепости форму трапеции, с площадью в 57.600 кв. м. По углам крепости были башни, причем три земляных основания этих башен по форме и размерам одинаковые с башнями по валу. Одно же основание четвертой башни отличается тем, что располагается несколько в стороне, а кроме того оно значительно массивнее и выше других, достигая высоты 6 м.

В документах Мордовского государственного архива говорится о том, что в Атемарском остроге было «три башни липовых и одна дубовая». Поэтому более массивное основание надо считать основанием этой «дубовой» башни, которая, вероятно, была наблюдательной башней.

В центре валов между башнями имеются прорезы со следами деревянного крепления, что дает право считать их местом бывших крепостных ворот.

Против башни № 1 на территории Атемарского острога имеется огромная яма продолговатой формы, вероятно, от бывшего порохового погреба. По словам жителей, лет 50—70 тому назад в этой яме были следы деревянного сруба. Благодаря тому, что в одном месте крепостного вала сделана выемка для стрелкового тира, удалось хорошо проследить устройство вала. Вал имеет высоту 2 м., ширину основания 4 м. и глубину рва—1,6 м. Вал насыпался без деревянного каркаса, слоями, примерно по 20 см. каждый из чернозема и местного трепела, запасы которого имеются в 2-х км. от острога. После насыпки слои трепела обжигались при помощи костров, угли от которых находятся в слоях вала. Трепельная прослойка после обжига придавала валу прочность и крепость.

На восточной и южной стороне за валом обнаружены следы деревянного тына в виде остатков забитых в землю дубовых бревен. Площадь острога в настоящее время занята под кладбище. Здесь собраны обломки керамики, черной и

серой лощеной, приготовленной на гончарном круге, которая типична для XVII в. За валом, на южном склоне, на террасе обнаружен культурный слой глубиной до 60 см. В верхней части этого слоя обнаружены обломки сосуда с волнистым орнаментом, близким орнаменту на славянской керамике. В нижней части культурного слоя обнаружена более грубая и древняя керамика, сделанная от руки, без орнамента.

Ввиду того, что Атемарский острог—единственный памятник XVII в. на территории МАССР, к тому же, прекрасно сохранившийся, Совнарком МАССР счел возможным объявить его государственным заповедником и запретить его разрушение.

Памятники Ширингушского района.

На юго-запад от поселка Ширингуши между большим трактом и реками Вад (на юго-востоке) и Ширка (на юге) на расстоянии в 261 м. находится дюна, на которой обнаружены следы пребывания человека. Судя по расположению болот и озер, река Вад когда-то вплотную подходила к дюне.

Дюна представляет продолговатое песчаное возвышение дл. 268 м., которое систематически размывается водой, вследствие чего возвышенность распадается на четыре бугра, из которых только один в настоящее время не заливается полой водой.

На незатопляемом участке дюны сохранился культурный слой от 1,20 до 1,40 м. мощности, что говорит о длительном пребывании здесь человека. К сожалению, дюна сильно испорчена и изрыта огромными ямами (14 ям), откуда брали песок на строительство дороги.

Для выяснения условий залегания культурного слоя была произведена зачистка ямы (№ 10 на плане). При этом было обнаружено два слоя—один темно-серый с примесью золы и редких угольков и другой—темно-бурый с большой примесью золы и углей.

С северо-западной стороны в яме проходила значительная прослойка и скопление угля в ямках, где наряду с углем обнаружены обожженные кости, что позволяет эти ямки считать остатками очагов. В юго-восточной стороне ямы также обнаружены два, находящиеся рядом, очага со скоплением угля, золы и жженой глины. При дальнейшей расчистке ямы была выявлена землянка, на дне которой обнаружено пять ямок—три в центре и две в стороне, вероятно, место столбов.

Среди вещевого материала, собранного в засыпке ямы,

имеются кремневые наконечники стрел, дротиков, скребки и обломки глиняных сосудов. Находок было больше всего в темно-буром слое на глубине 60—80 см. в районе очагов. Расчистка ямы № 1 дала меньше материала, хотя в ней были обнаружены очаги. Характер и структура культурных слоев здесь та же, как и в первой раскопке.

На окраинах дюны мощность культурного слоя снижается до 35 см., причем слой здесь темно-пепельного цвета с редкими вкраплениями угля.

Всего собрано на дюне: 21 кремневый наконечник стрел, 12 кремневых наконечников дротиков, несколько скребков и обломки шлифованных каменных орудий. Кроме того собраны обломки глиняных сосудов с ямочно-гребенчатым орнаментом (таб. II.).

Наконечники стрел двух типов: одни листовидные, дл. 6—6,5 см., другие в форме удлиненного треугольника, черешковые. Стороны стрелок тщательно отретушированы. На поделки шел кремень светло и темно-коричневого цвета. Обработка велась на стоянке, т. к. в землянке были найдены отщепы кремня (таб. II, рис.1—6).

Наконечники дротиков большей частью треугольной формы, черешковые. Один обломок наконечника скорее принадлежит копью и близок аналогичному орудию, находящемуся в центральном музее МАССР и доставленному из того же района (таб. II, рис. 7, 8).

Скребки имеют разнообразный размер и форму. Имеется несколько мелких треугольной и трапецевидной формы. Кроме того собраны обломки шлифованных орудий, среди которых имеются: обломок тесла с хорошо сохранившимся рабочим краем и кремневое долото (таб. II, рис. 9, 11).

Керамический материал весьма разнообразен. Большинство обломков принадлежит сосудам с сильно вздутыми боками. Керамика в основном с гребенчатым орнаментом, причем часть орнаментирована ёлочкой. Ямочный орнамент отличается от такового же неолитической эпохи из района р. Оки (таб. II, рис. 10, 12, 14, 15, 16).

Судя по типу керамики, полированным орудиям и наконечникам стрел, эта стоянка является поздней и должна быть отнесена к эпохе бронзы.

Следующими памятниками, обследованными экспедицией, являются Ширингушское и Жуковское городища.

Ширингушское городище находится между селами Жуковкой и Ширингушами, в 2-х км. от первого и в 11 км. — от второго. Городище расположено на высоком мысу между двух оврагов. Валы и часть площадки городища заросли кустарником. Городище замкнуто со всех сторон земляными валами с весьма неровной площадкой. Со стороны поля городище имеет широкий и высокий вал и ров. За первым валом находится площадка дл. 70 м., а затем имеется еще один небольшой вал.

Главный вал и ров хорошо сохранились и имеют: вал высоту над уровнем городища 3,5 м., над уровнем дна рва—7 м. Длина вала 65 м., ширина основания 23 м., ширина верхней площадки вала 4 м.

Боковые валы, идущие вдоль склонов оврага, имеют высоту от 3-х до 6,5 м. На линии боковых валов, в 30 м. от главного вала, имеются земляные башенные основания в виде правильных округлых возвышенностей с ямой в центре.

Склоны оврагов круты, ровны и сплошь заросли кустарником. Глубина оврагов—11 м., ширина до 35 м.

Культурный слой на городище отсутствует, и все попытки экспедиции обнаружить его на площади городища или на склонах не дали никаких результатов. Поэтому в руках исследователей нет ни одного предмета, датирующего городище.

Между тем это городище давно фигурирует в литературе. О нем писали И. И. Дубасов, С. К. Кузнецов и Смирнов и Большая Советская Энциклопедия (т. 62, изд. 1939 г.). По словам этих исследователей на городище была масса кирпича и камней. Будто бы местное население помнило подвалы из камня. На городище как будто находили: жернова, медную посуду, горшки, копья, топоры и кремневые молотки. Все это оказалось вымыслом. И. И. Дубасов, со слов которого говорили и другие ученые, на городище никогда не был, т. к. его прогнала Жуковская мордва, которая считала это место—священным местом жительства родителей.

Жуковское городище расположено в двух км. к северу от с. Жуковки и 6 км. от Ширингушского городища. Расположено оно на стрелке между оврагами «Потмонлей» и своим мысом выходит на восток, к долине р. Вад. Площадь городища—10496 кв. м. Площадка городища отделена от поля двумя поперечными валами, находящимися друг от друга на расстоянии 70 м. Главный вал имеет форму полумесяца, ров около него совершенно заплыл. Площадь городища цели-

ком занята колхозным садом. При очистке площадки городища под сад колхозники собрали всю керамику и выбросили в овраг (?).

На северном склоне имеется обнажение культурного слоя, который здесь состоит из темно-серой глины, насыщенной большим количеством угля и обломками обожженных бревен. Точно такой же слой покрывает, по словам колхозников, всю площадку городища.

Северная сторона центрального вала прорезана дорогой и слои вала обнажены. Верхний слой вала составляет светло-серая глина с прослойкой угля, затем на глубине 1 м. идет слой темно-серой глины — 40 см. толщиной и, наконец, слой глины с примесью песка, насыщенный углями и обломками сожженных бревен.

На городище найдено всего несколько обломков гладкостенных сосудов грубой выделки и плохого обжига, по которым нет возможности датировать городище. [1])

Экспедицией обнаружено также и несколько древних мест поселений.

Ширингушское селище расположено в 400 м. от р. Вад, в 1500 м. от Ст.-Бадиково и в 25 м. от лесной дороги в с. Вадову Сосновку. Культурный слой 20—25 см. глубины. На поверхности собраны два обломка горшков очень грубых с ёлочным орнаментом.

Киселевское селище расположено в 700 м. на северо-восток от с. Киселевки и в 500 м. от леса. Культурный слой отсутствует. На поверхности собрано четыре обломка глиняных горшков из темно-серой глины, без орнамента, со следами сглаживания травой с внутренней стороны и 2 обломка стенки и венчика сосуда, украшенные ёлочным орнаментом.

Пичпандовское селище расположено между селами Пичпанда, Ачадово, большим трактом и р. Чиуш. На поверхности собраны обломки сосудов, гладкостенных, сделанных на гончарном круге. На шейке сосуда—ленточный орнамент. Здесь же найдено два глиняных пряслица, серебряная сюлгама с зерью и с ушами и обломок синей стеклянной бусины.

Мордовское Пимбурское селище находится рядом со школой и церковью, на окраине села. На поверхности собраны обломки глиняных сосудов черного обжига, без орнамента, с лощеной поверхностью.

В районе работ экспедиции обнаружены также и могильники.

Старо-Бадиковский могильник расположен в 500 м. на юго-восток от с. Ст.-Бадиково, недалеко от дороги, идущей на Ново-Бадиково. Могильник расположен на небольшой суглинистой возвышенности в поле рядом с конским кладбищем. На поверхности обнаружены обломки человеческого черепа, втулка от глиняной лячки, обломки горшков, сделанных без гончарного круга. Было вскрыто на окраине могильника 3 погребения. В могилах были обнаружены обломки обожженных костей и скопление угля. В погребении № 2 найден обломок железного кресала и два железных ножа, а в погребении № 3—обломки глиняного сосуда баночной формы. Могилы ориентированы на СЗ—ЮВ. Датировка по найденным вещам невозможна.

Пичпандовский могильник находится к востоку от с. Пичпанды и в 200 м. от р. Чиуш. Могильник занят посевами и не был обследован. [1])

Подводя итог работам экспедиции, мы, следовательно, можем отметить факт обитания человека в районе р. Вад, начиная с древнейшей, возможно, неолитической эпохи. Что касается городищ и могильников, то их принадлежность и датировка возможны после проведения стационарных работ.

В том же 1940 г. были произведены раскопки селища «Полянки», открытого разведочной экспедицией, руководимой П. Д. Степановым. Селище, а также синхроничный мордовский могильник XIII—XIV в. в. располагаются близ с. Паньжа, Ковылкинского района МАССР. Раскопки производились под руководством научного сотрудника института археологии Академии Наук СССР Е. И. Горюновой. Материалы раскопок селища и могильника находятся в стадии обработки.

Ниже мы помещаем дневник разведочной экспедиции 1941 г., руководимой П.Д. Степановым, и экспедиции 1940 г., руководимой С. П. Вернером.

---

1) По всем данным района городищ нуждаются в более тщательном исследовании.

1) Этот могильник был раскопан А. А. Спицыным и в литературе упоминается как „Чиушский", относится к XIII—XIV в. в.

ДНЕВНИК

разведочной археологической экспедиции Мордовского Научно-исследовательского института по р. Алатырь в пределах Ичалковского района Мордовской АССР, летом 1941 г.

11 июня 1941 г.

Выехали из Саранска. В составе экспедиции: старший научный сотрудник Степанов П. Д.—руководитель и мл. научный сотрудник Потешкин—помощник.

С. Ичалки.

Осмотрено урочище «Вачимская Гора» вверх по реке Вачиму и урочище «Каменицъ лисьма» вверх по реке «Кемлятка», в районе которого, по рассказам, находили вещи. Никаких следов древних памятников не обнаружено. В 2-х км. от с. Ичалки, вверх по р. Реуч—Рождественская Кемлятка, не доходя до урочища «Покш Куст», в 200—300 м. от реки находится древнее мордовское кладбище «Калмазырь». Могильник расположен между двух оврагов. Не осматривался.

13 июня.

Получен в дар от колхозника Винтина Ивана Яковлевича (ул. Революции, № 23) хороший кремневый наконечник копья или дротика. Эту вещь нашла его мать 20 лет назад в районе с. Ичалок, но где—точно указать не мог. Осматривалось урочище «Ченге». Никаких памятников древности не обнаружено.

С. Лобаски.

В урочище «Калмазырь» на овраге «Орлатка» в 1,5 км. от села к В. располагается мордовский могильник. Над многими могилами сохранились высокие насыпи. Всего зарегистрировано 35 насыпей разного диаметра и высоты. Фактически насыпей значительно больше, но часть их распахана и незаметна для глаза. Могильник располагается на З. склоне, выдающегося вперед мыса. С северной, восточной и южной сторон хорошо сохранились остатки кладбищенской ограды, в виде правильного уступа, возвышающегося над уровнем склона. Некоторые могильные насыпи заходят одна на другую, давая форму длинного кургана.

Большинство могильных насыпей раскопано любителями. Раскапывать начали систематически с 1926 г. школьники под руководством местных учителей. В раскопанных могилах находили, по рассказам, сюлгамы овальные, кольца, бусы, жетоны, старинные пятаки, браслеты. Покойники находились в колодах и лежали головой к В. (?). Однажды при раскопках было собрано 2 короба разных вещей, которые были куда-то отправлены.

В 1941 г. директор средней школы включил в план летней работы со школьниками также раскопку могильника. Сделано предупреждение о недопустимости раскопок в дальнейшем.

На указанном могильнике было вскрыто две курганных насыпи.

14 июня, курган № 1.

Высота 0,5 мт., диам. 8,5 м.—7,5 мт. В центре насыпи провал от ямы воронкообразной формы. Глубина провала 0,55 мт., диаметр 4,3 мт. Раскопка была начата с северной стороны, причем раскопка велась «на снос». В насыпи кургана обнаружены на первом штыке куски глины, обломок человеческого черепа, гнилое обугленное дерево. Одна деревянная плашка шириной 0,17 мт. была прослежена на расстоянии 1,4 мт., лежала она на глинистой прослойке на глубине 0,2 мт. Ориентирована плашка С—Ю. Так как плашка лежала на краю провала и на глинистой прослойке, то это свидетельствует о том, что она была выброшена при раскопке могилы. На глубине 0,36 мт. обнаружены в насыпи кургана: обломки глиняного горшка, отдельные куски глины, обломок коровьего черепа с основанием рога, коровьи ребра, деревянные плахи, лежащие концами крест на крест и ориентированные СЗ—СВ и СВ—ЮЗ. Около плах лежали обломки черепа человека. Плахи могли быть обкладкой могилы.

На глубине 0,67 м. обнаружено могильное пятно, продолговатой формы, ориентированное З—В. Могила была очищена. Глубина могилы 0,9 м., длина 2,26 м. В могиле оказалось: в конце обломки разбитого черепа, обломки голенной и бедренной кости. Близко к центру лежали обломки локтевой и плечевой кости. Второй обломок плечевой кости лежал ближе в З. конце могилы. В В. конце могилы найдена одна раковина „*Ciprea moneta*". Аналогичная раковина найдена в З. конце могилы. В З. половине могилы, кро-

ме того, найдены остатки кожаных сапог, в виде больших кусков кожи. Других находок не обнаружено. Могила была когда-то разрушена любительской раскопкой. Все вещи изъяты, а кости поломаны и выброшены. Ориентировку покойника установить по имеющимся остаткам невозможно. Ввиду явного разрушения могилы дальнейшие раскопки были прекращены.

Курган № 2.

Высота 0,4 мт., диаметр 6.2 мт. Раскопка производилась колодцем 3×3 мт. На первом штыке (глубина 0,23 мт.) обнаружена лежащая вдоль С. стены обугленная плаха, а в юго-западном углу—уголек. На глубине 0,75 мт. обнаружено пятно продолговатой формы, ориентированное З—В. Близ З. конца в центре могилы обнаружен след деревянного столбика. Длина пятна 2,4 мт., ширина 1,35 мт., плаха обнаруженная вдоль С. стенки колодца, находилась на расстоянии 0,55 мт. к северу от края могилы и на 0,35 мт. над уровнем пятна могилы. Длина плахи 2,28 мт., толщина 0,05 мт. Оба конца у плахи обожжены. Могила имеет глубину 1,25 мт. от верха кургана, длину 2,35 мт., ширину 1,3 мт. Вдоль всех четырех сторон могила имела обкладку из деревянных досок шириною 0,15 м., и толщиною около 0,04 м. Углы обкладки сгнили.

На дне могилы под лубяным покрытием лежали два костяка на спине в вытянутом положении головой на З. Правый костяк, по всем данным, принадлежал мужчине. На лобной части и под черепом сохранилась часть головного убора—шапки из черного сукна, нижняя часть которой была обшита тесьмой в виде ёлочки, сделанной из медной канители. С правой стороны на пояснице лежала бронзовая пряжка без языка, прямоугольной формы. Слева от костяка, между головкой левого бедра и кистью левой руки лежали: железный черешковый нож с толстым горбатым обушком, пусат, напоминающий по форме камертон с замкнутыми концами, русская серебряная монета нач. XVII в. плохой сохранности. Длина костяка 1,7 мт., кости плохой сохранности.

Левый костяк принадлежал женщине. Справа от черепа обнаружена ушная привеска в виде несомкнутого кольца из бронзовой проволоки, один конец которой закручен спиралью. К этой привеске прикреплена была подвеска из серебряных монет начала XVII в., нашитых чешуеобразно. Здесь же рядом

обнаружено 14 шт. раковин. „*Cipraea moneta*" и кисточки из шерсти, вероятно, подвеска от головного убора. С левой стороны от черепа обнаружена привеска, аналогичная вышеописанной, с четырьмя серебряными монетками. В центре груди находилась сюлгамы овальной формы из медного прута, имитированные под крученую проволоку. Концы сюлгамы расплюснуты и на них напаяны коробочки с темными глазками. К сюлгаме на шерстяной нитке привешена серебряная монета начала XVII в. Сюлгама служила для заколки ворота рубахи. Немного ниже находилась вторая такая же сюлгама, но без монетки.

Еще ниже, несколько правее, лежала такая же сюлгама с надетым, в качестве привески, бронзовым перстнем с кокошникообразным щитком. На правом боку против правого локтя лежал бронзовый крючок (кечказ) от сумочки для шитья.

На левой стороне живота лежала бронзовая проволочная сюлгама с закрученными концами. В самом центре живота над тазовыми костями лежали две сюлгамы с глазками, аналогичными вышеописанным. Лежали они одна над другой концами в разные стороны. На локтевом суставе правой руки был надет бронзовый плоский браслет со штампованным орнаментом. На трех пальцах правой руки было надето по одному бронзовому перстню с кокошникообразным щитком с орнаментом. На локтевом суставе левой руки было надето три штуки браслетов, аналогичных описанному выше. На двух пальцах правой руки были надеты два перстня. Один с кокошникообразным щитком, а другой с припаянным сплюснутым полушарием (полушарие сломалось и лежало в стороне).

С внутренней стороны правого бедра лежала железная округлая пряжка, 7 шт. серебряных монет начала XVII в., без отверстий, 2 человеческих зуба. Немного ниже лежала вторая железная пряжка. На локтевых суставах близ кистей хорошо сохранились обшлага одежды, вышитые сплошь красной, синей, черной, зеленой шерстью. Вышивка похожа на вышивку «покая» или «руця». Длина костяка 1,55 м., кости плохой сохранности.

15 июня, с. Кендя.

По рассказам жителей, поблизости от села есть «Калмазырь», где находили только человеческие кости. За р. Пелькой по дороге на с. Кочкари в 200 м. от дороги к З. находится более древний «Калмазырь», принадлежавший Кендин-

ской мордве. Раскопок там никто не производил и вещей не находили.

В урочище «Курмуз Улу» в 10 км. к С. за рекой Алатырем есть песчаное место. Там находили какие-то вещи. К С-В от села за рекой Алатырем на расстоянии километра находится дюна «Пешкс Сева», длиной 1 км. и шириной около 100 мт. Высота над уровнем болота 10—15 мт. К дюне подходит сосновый лес. На восточном конце дюны собрано небольшое количество черепков. Почти в центре дюны обнаружено разрушенное одиночное женское погребение.

Женское погребение. Ни формы, ни величины могилы установить оказалось невозможным. В могиле лежал костяк женщины в скорченном положении на левом боку, головой к С-З. Руки были согнуты в локтях, и кисти находились против лица. Кости очень плохой сохранности, череп разрушен. На запястье правой руки находился литой бронзовый, круглого сечения, браслет, концы которого имели форму утиного носа, сверху была напайка из бронзы. На запястье левой руки был надет бронзовый браслет, витой из проволоки. Концы его были расплюснуты. Прямо от сгиба локтя лежала проволочная сюлгама с закрученными концами и иглой. Под ней лежала лопастная сюлгама, лопастями вниз. Против живота лежали в разном положении 4 проволочных бронзовых сюлгамы разного размера. Между позвоночником и локтем лежал одиночный уголек. Вне могилы, но очень близко к костяку, на поверхности песка лежал железный нож и половинка кольцевой проволочной сюлгамы. Около браслетов на руках обнаружены остатки шерстяной ткани и вышивки. Следов подстилки под покойницей не обнаружено, также не было и следов покрытия. Длина покойницы в согнутом положении 1,26 мт.

Западная часть основной дюны не имеет никаких следов пребывания человека. К этому концу дюны примыкает небольшое песчаное возвышение, на котором были найдены древние черепки, обломки кремня и 1 кремневый скребок.

С. Гуляево.

При въезде в село из с. Кендя, на задах домов Цибаниных Федора и Кузьмы, на высоте расположен мордовский могильник. В данное время территория его вся распахана. Вешние воды, размывая склон, разрушают погребения. При осмотре

местности на пашне были обнаружены: человеческие кости, раковины «Кумбря», бусины и бронзовый браслет со штампованным рисунком, аналогичный Лобаскинским браслетам XVII в.

По словам колхозников, кости располагаются на небольшой глубине и разрушаются при пахоте.

16-17 июля, с. Крутая Гора.

К С-З от села на расстоянии 0,5 км., за рекой Алатырем находится песчаная дюна «Зимняя Шишка». Через эту дюну проходит дорога к кордону «Песочному», до которого 0,3 км. От берега Алатыря дюна находится в 100 мт. Дюна хорошо задернована, за исключением западной части, которая размыта, но песок очень крепкий. В центре дюны находятся остатки смоляной ямы. С северной и восточной стороны к дюне примыкают озера. Высота дюны над поймой 5—6 мт. На размытой части поверхности собраны: кремневая проколка, обломок наконечника дротика, аналогичный Ичалковскому (см.выше), несколько скребков хорошей полукруглой и других форм, нуклеус и обломки кремня. Собраны обломки керамики грубой работы с ямочным и чеканным орнаментом. Верхний задернованный слой содержит большое количество зольных остатков и гладкостенную керамику. На границе, заливаемой полой водой, находится в одном месте размытое скопление речных раковин «беззубок».

К югу от села в 0,5 км. в урочище «Гладкое» находится селище. Занимает оно почти ровную площадку на мысу, выдающемся на пойму. Высота площадки над поймой—4 мт. С северо-восточного конца площадки, близ склона горы, расположено небольшое озеро. Полой водой площадка не заливается. Площадка имеет треугольную форму и стороны площадки равняются примерно 250—300 мт. Осмотрены северо—западная и южная часть площадки. Повсеместно в изобилии валяются черепки от горшков, гладкие, толстостенные, нескольких типов. На самом мысу подобрана более древняя керамика с чеканным орнаментом. В этом же районе находится скопление костей домашних животных и остатки глинобитных печей, в виде скопления обломков обожженной глины. Поблизости найдено глиняное пряслице. Площадь селища начата распашкой и брошена. По рассказам жителей, дальше к югу от селища, между оврагами «Поликарповым»

и «Мокшень Рак» находят человеческие кости. От селища «Гладкое» до места находки костей около 0,5 клм.

13 июня, с. Нов. Ичалки.

Получен в дар железный круглообушный топор без бородки, типа XIII—XIV в. в. Найден он более 20 лет тому назад при раскорчевке леса в 2-х км. за «Плотовым оврагом». Передал топор Вечканов Алексей Васильевич. Недалеко от села (в овраге «Каменном») находили каменную стамеску и каменный топор. Находил их Назаров Владимир Давидович, проживающий сейчас в с. Апухтино. Под кордоном «Крутец» на пойме есть дюна «Матвей Грива», а по пути от «Зимней Шишки» к кордону еще одна дюна. Эти дюны не осматривал. Осмотрен овраг «Явлейка». Следов городищ и селищ не обнаружено.

18 июня, с. Троицкое.

По дороге из села Апухтино на с. Популево, вправо от дороги, близ мельницы-ветрянки, курган, занятый в настоящее время кладбищем.

С. Популево.

К западу от села на расстоянии 3-х км., в урочище «Мокша Лисьма» на покатом склоне двух мысков, разделенных небольшой балкой, обращенных к реке Алатырь, располагается древнее селище. Собран керамический материал. Посуда исключительно гладкостенная, с прямой, маловыраженной шейкой. В одном месте в канаве обнаружены следы земляночной ямы. Шурфовка не производилась.

На реке Пиченлейке, в 3-х км. от села и в 1 км. от с. Болдасева, в урочище «Попонь Лисьма» расположено селище. Большая часть селища распахана. Собрана керамика.

На левом берегу той же речки ниже селища есть древний мордовский могильник «Калма-потма». Располагается могильник на склоне, обращенном к реке. С одного конца могильник примыкает к оврагу, в котором в отвалах иногда показывались человеческие кости. На площади могильника имеется 4 курганообразных возвышения, два из которых раскопаны

любителями, а одно занято под скотское кладбище. Значительную часть территории могильника занимает скотское кладбище, обрытое канавой. При рытье могил для скота в занятом скотским кладбищем кургане находили человеческие кости, но без вещей. Один из курганов был раскопан в 1927 г. уроженцем с. Популево Денисовым Николаем Павловичем, который был преподавателем в гор. Ардатове и Лунышеве. Где находятся взятые им вещи—неизвестно. По рассказам участников, раскопанный покойник лежал в колоде, рядом с которой лежали конские кости со стременами. Ориентирован покойник головой к С (?). При умершем были: копье, топор, шашка, колчан с трехгранными (?) стрелами, медный котелок, бляшки серебряные с пояса с изображением крокодила(?) и кольцо. Кости человека были плохой сохранности. В засыпке могилы встречались кости барана. Глубина могилы 1 мт. Об этих раскопках напечатана статья в газ. «Трудовая коммуна» гор. Ардатова (?).

Второй курган разрыт в то же время. В нем были найдены предметы женских украшений: кумбря, бусы, бисер, сюлгамы овальной формы. Глубина могилы 0,6 мт. В обрыве оврага с 3 стороны могильника находили: колоды, кости, кумбря, сюлгамы, цепочки.

На усадьбе Камайкина Владимира находили кости человеческие, бусы. По дороге из села Набер. Сыреси есть одиночный курган, который не распахивается.

В 8 км. от села в Ведянском развале (близ села Ведянцы) находили кости мамонта.

За рекой Алатырем есть песчаная дюна, наз. «Лобанiха».

Некоторые жители в окрестностях села находили кремневые тесла и каменные молотки. Получить ничего не удалось. По рассказам, недалеко от деревни Любимовки (1—1,5 км.) и в 5 км. от с. Горка, Б.-Игнатовского р-на, есть овраг «Соколова Вершина», где находится «кладовый лес», заросший кустарником. Этот овраг вправо от дороги на Киржеман.

Против села Тарханова в пойме на опушке леса в 168 квартале есть урочище «Татарская Просека». Там схоронен татарин с лошадью. В с. Болдасеве около колхозного правления в овраге «Пичилейка» находили горшки.

ДНЕВНИК

археологической экспедиции Центрального Музея Мордовской АССР в 1940 г.

10-го июня.

Экспедиция приступила к обследованию сторожевого вала XVII века по трассе Саранск—Атемар.

С юго-восточной стороны села Посоп обнаружены остатки сторожевого вала в виде отдельных холмов, оползших и изрезанных дорогами. На расстоянии 266 мт. от оврага встречено земляное основание башни, резко выступающее на южном склоне по линии вала. Занумеровали башню под № 1 и промерили ее. Вдоль всего вала с южной стороны имеется неглубокий ров.

Через 546 метров встречена вторая башня. Промер показал одинаковый диаметр земляного основания обеих башен—20 метров. Через 575 метров встречена башня № 3, через 800 метров встречена башня № 4, а через 350 метров—башня № 5, спустя 310 метров—башня № 6 и через 850 метров—башня № 7. От башни № 4 вал тянется лесом и сам зарос кустарником и деревьями. От башни № 7 вал прекращается. Отсюда начинается старый Атемарский лес, где была вместо вала «засека».

В конце леса обнаружена башня № 8 и от нее шел вал по направлению к с. Атемар. Расстояние между башнями № 7 и № 8, где была «засека», составляет 3,5 км.

До Атемарского острога встречаем еще три башни на расстоянии 700—750 мт. друг от друга. План башен одинаковый. Таким образом, как вал, так и все башни, находящиеся на валу, строились по определенному стандарту и почти на определенном расстоянии друг от друга.

11-го июня.

Приступили к обследованию Атемарского острога. Следы крепости, т. е. земляного вала—основание деревянного острога—сохранились хорошо, что дало возможность снять точный план острога. Площадь острога занята жителями села Атемар под кладбище. Культурный слой уничтожен. Однако, устройство кладбища помогло сохранности земляных валов, которые оставлены жителями, как готовое ограждение

кладбища. Крепость имеет форму неправильного четырехугольника, вернее трапеции, по углам было четыре башни. В центре валов между башнями прорезы, расположенные симметрично на всех четырех сторонах, на определенном расстоянии. Здесь, вероятно, были ворота. Три башни (земляные основания) одинаковые, размер тот же, что и на валу в поле, т. е. диаметр 20 мт. Четвертая башня несколько выдалась в сторону, имеет большее возвышение, с высоты которого видна вся окружающая местность. Здесь, вероятно, была сторожевая, наблюдательная башня.

Против башни № 1 ближе к центру—большая яма несколько продолговатой формы, вероятно, был пороховой погреб. Общая площадь острога 57600 кв. мт. Расстояние между углами в трех сторонах по 180 мт., в четвертой стороне — 910 мт. Ширина прорезей ворот—10 мт.

12-го июня.

Измерили профиль южного склона, установив, таким образом, что крепость находилась на высоте 15 метров над уровнем реки Атемарки.

На площади острога и вдоль валов крепости собраны образцы керамики черной лощеной и светлой московской керамики XVII века.

На северной стороне острога, в валу отстроен тир. Зачистили разрез и измерили слои вала. Вал насыпной, слоями из чернозема и обожженного трепела. Последний в большом количестве имеется в 2 км. от Атемара. Там работает завод трепельного кирпича.

Перед валом и на южном склоне имеется небольшая терраса, на которой собрана керамика, резко отличающаяся от керамики, собранной в центре острога. Керамика более старая, грубая, сделанная от руки, часть Золотоордынской. Обнаружен культурный слой. Зачистили обнажение, культурный слой оказался темным гумусным, насыщенным обломками сосудов. Таким образом, здесь жили люди примерно в XIII и XIV в. в., т. е. до построения русскими острога.

13-го июня.

Осмотрен завод трепельного кирпича и месторождение трепела. Сравнили образцы трепельного слоя из вала острога с образцами месторождения трепела. Те и другие одинаковые. Таким образом, еще раз подтвердилось предположение

о том, что трепел добывался в XVII-веке для устройства земляного основания крепости в этом месте и являлся связывающим веществом.

Вблизи с. Атемар никаких других памятников материальной культуры не обнаружено.

3-го июля, Ширингушский район МАССР.

Приступили к обследованию Ширингушской дюнной стоянки, находящейся на южной стороне поселка Ширингуши. Дюна расположена между реками Вад и Ширка. Раньше дюна, вероятно, представляла сплошную гряду песков, но вследствие весеннего разлива полыми водами была размыта и разорвана на четыре холма. Крайний холм № 1—самый высокий и широкий—имеет культурный слой. Дюна оказалась сильно попорченой, сплошь изрыта глубокими ямами (всего 14 ям). По словам местных жителей, из дюны брали песок во время дорожного строительства.

Расчистили несколько обнажений культурного слоя по склонам. Культурный слой—темно-серый песок с вкраплениями угля. Местами культурный слой с большой примесью угля, почти черный.

На поверхности по ямам собрали кремневые стрелы, наконечники дротиков и обломки грубой керамики. Часть керамики—ёлочная, некоторая имеет орнамент, типичный для эпохи бронзы. Дюна была когда-то расположена на берегу залива р. Вад или озера.

В связи с тем, что дюна значительно испорчена ямами и через некоторое время окончательно погибнет, решено произвести закладку на яме правильного квадратного раскопа.

4-го июля.

На яме № 1 и 10 заложили раскоп, расчищаем ямы слоями по 20 см.

При расчистке ямы № 10 на глубине 40 см. обнаружен культурный слой—темно-серый песок, содержащий много осколков гребенчатой керамики и кремневого материала. На глубине 60 см. находки увеличились. Найдено прекрасное шлифованное долото и обломок тесла, наконечники стрел листовидной формы. На глубине 80 см. культурный слой местами черный. В квадрате № 1 отмечается густота находок керамики ямочно-гребенчатой, стрел черешковых типа балахнинских стоянок. Обнаружено два очага. На этой же глубине в

квадрате №3 и № 4 находки редки, культурный слой пропадает. На глубине 100 см. находок почти нет. Обнаружены еще два очага. Несомненно яма была в центре древней землянки. Расчищаем по границе пятна землянки. На дне три ямки, идущие вдоль всей землянки, напротив две таких же ямки, вероятно, от столбов. Обнаруженные очаги и ямки дают возможность составить план землянки. Следы столбов в центре землянки свидетельствуют о том, что крыша землянки была двухскатная.

При расчистке ямы № 1 обнаружен глубокий культурный слой. В южной стороне ямы на глубине 80 см. обнаружен очаг и скопление углей. В северной стороне ямы очаг и скопление золы. Керамика та же, что в яме № 10.

6-го июля, Ширингуши.

Городище находится между с. Жуковкой и пос. Ширингуши, в 4-х км. от Ширингушей и в 2-х км. от Жуковки.

Городище расположено на мысу, окруженном с трех сторон глубоким оврагом. Валы и часть площади городища сильно заросли крупным кустарником и лесом. Площадь городища окружена валами. Главный вал, отделяющий городище от поля, очень большой, перед ним глубокий ров, затем площадка и опять вал, но уже меньшего размера. Обмерили площадь, составили план городища и обследовали склоны городища. Найден маленький железный серп. Керамика отсутствует за исключением двух-трех обломков. Ввиду отсутствия обнажений культурного слоя, заложили пробный раскоп, который не дал никаких результатов.

Никаких следов «каменных построек», как указано Дубасовым, тоже не оказалось.

В боковых валах имеются симметрично расположенные выступы, вероятно, основание башен. После полудня произвели съемку профилей городища и валов.

Тов. Ануфриев в с. Жуковке собрал интересные легенды о городище и принес косу-горбушу типа булгарской косы, которая, по словам крестьян, была когда-то найдена на городище.

7-го июля, с. Жуковка.

Вышли на обследование Жуковского городища, которое расположено на северо-западе от Ширингушского городища. Городище на высоком мысу, с двух сторон овраги, стрелка мыса выступает на равнину р. Вад, которая находится в 500

метрах от городища. Городище от поля отделяет вал. Площадь городища занята под колхозный сад. В центре вала—избушка (омшанник). При посадке фруктовых деревьев культурный слой был перемешан. Подъемный материал отсутствует. Имеется значительное обнажение культурного слоя. Зачистили обнажение и ямки, приготовленные для посадки новых плодовых деревьев. Культурный слой неглубокий, состоит из сплошных углей, обожженных обломков бревен. По словам колхозников, при рытье ям под яблони, местами попадались точно такие же угли и обожженные куски дерева. Никаких предметов и образцов керамики не найдено. Произвели обмер площадки вала и профиля городища. [1])

9-го июля.

Вышли на разведку по второму маршруту вдоль р. Вад в районе сел Старое и Новое Бадиково.

В районе с. Н. Бадиково ничего не обнаружено. Вышли из Н.-Бадиково на Старо-Бадиково и недалеко от дороги обнаружили следы большого ровного вала, вероятно, остатки сторожевого вала Керенск—Шацк XVII в.

В с. Ст. Бадиково сообщили, что метрах в 500 имеется в поле могильник, попадаются обломки человеческих костей и обломки сосудов. Могильник найден. Он расположен возле конского кладбища и дороги на Н. Бадиково и в 500 мт. на юго-восток от Ст. Бадиково. Могильник занимает небольшую суглинистую возвышенность. На поверхности действительно обнаружены обломки человеческих черепов и обломки керамики, сравнительно грубой, горшки типа банок из серой и плохо обожженной глины. Сосуды сделаны от руки. Вскрыли три погребения, одно на южной стороне предполагаемой территории могильника. Могильные ямы овальные, находятся на глубине 20—30 см., заполнены углем и обломками обожженных костей. Все признаки трупосожжения. Никаких предметов, кроме железного ножа и шила, не найдено. Установить датировку по указанным материалам невозможно. Возможно, что

[1]) В дневнике С. П. Вернера никаких данных о величине городищ, валов, рвов не дано. По имеющимся чертежам, приложенным к работе, Ширингушское городище имеет длину 301 мт., ширину 65 мт. Высот главного вала 5 мт., ширину основания вала 31 мт., Глубину рва 3,5 мт. Отдельно длина площадки основного городка 196 мт., длина площадки между валами 70 мт.
Жуковское городище: длина 158 мт., ширина 64 мт.

вскрытые погребения просто разрушенные, однако, наличие угля дает возможность предполагать трупосожжение. Так как обследование могильника не предусмотрено ни планом, ни открытым листом, от дальнейшего вскрытия погребений воздержались. [1])

10-го июля.

Вышли на разведку по третьему маршруту, в бассейне реки Вад по направлению к деревне Вадова-Сосновка. Недалеко от поселка Ширингуши, в 1.500 метрах севернее села Ст.-Бадиково, в 25 метрах от леса и 400 мт. от реки Вад обнаружено селище. На поверхности собрана очень грубая и ранняя керамика эпохи бронзы. Культурный слой слабый.

Против деревни Киселевка обнаружено второе селище в 700 метрах на северо-восток от дер. Киселевки и р. Вад и в 500 метрах от леса. На поверхности собраны обломки керамики с елочным орнаментом. Культурный слой слабый. Пробный шурф не дал никаких результатов.

Выше с. Киселевки вплоть до села Вадова-Сосновка никаких памятников не обнаружено.

12-го июля.

В с. Пичпанда, по рассказам населения, имеется могильник возле реки Чиуш. Вышли на обследование могильника и селища. Территория могильника занята под посевой. По словам стариков, здесь находили кости, бусы, сюлгамы и даже лет 40 тому назад кто-то приезжал копать могильник. Предполагаемый могильник находится возле оврага «Ошпомлей». Поблизости находится селище. Территория селища вспахана. Культурный слой перемешан с растительным слоем. На поверхности собраны обломки керамики из светло-серой глины с ленточным орнаментом. Селище у оврага в километре от села Ачадова.

14-го июля, с. Пимбур.

Возле школы, где остановилась экспедиция—овраг. По всему склону имеется обнажение культурного слоя и россыпи обломков керамики с ленточным орнаментом типа славянской. По словам колхозников, на этой территории возле школы попадаются человеческие кости.

[1]) Дневника раскопок могил не имеется.

Таб. I. 1. Стоянка „Зимняя Шишка." №№ 1—8;
2. Случайная находка, с. Ичалки, № 9.
3. Селище „Гладкое", нижний слой, №№ 10—13.
4. —„— —„— верхний слой №№ 14—19.
5. Погребенье на дюне с. Кендя, №№ 20—24.

Таб. II. Ширингушская дюнная стоянка.

Лауреат Сталинской премии, член-корреспондент Академии Наук СССР, проф. ***А. И. Яковлев.***

В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ

(1841—1911).

I.

Зима 1895/6 г. Мы, кончающие Ульяновскую (тогда Симбирскую) классическую гимназию, ученики 8 класса, абитуриенты, как тогда говорили на официальном языке, с замиранием сердца думаем о недалеком уже дне, когда простимся с казенными стенами губернского храма науки и окажемся в аудиториях, намеченных нами высших учебных заведений. Мы живем в атмосфере радостных надежд и стараемся из расспросов наших старших товарищей, приезжающих на каникулы в Ульяновск (тогда Симбирск), узнать подробнее о наших будущих профессорах и о порядке занятий в высшей школе. Удовлетворяя мою просьбу, один из старших товарищей прислал мне в письме из Москвы целый очерк работы на тогдашнем историко-филологическом факультете Московского Университета. С горячим интересом прочитанное письмо содержало описание лекций и семинаров П. Г. Виноградова, В. И. Герье, Н. Я. Грота и других ученых, тогда работавших в нашем старейшем университете. Наиболее яркая страница письма была посвящена описанию преподавания самого славного из наших будущих профессоров — Василия Осиповича Ключевского.

«... Как описать тебе впечатление от лекции этого удивительного ученого и профессора?»—гласило заботливо мною сохраненное письмо моего приятеля.—«Случалось ли тебе, — продолжал писавший,—замереть над увлекшей тебя книгой, когда ты сидишь всю ночь напролет, глотая волнующие тебя художественной кистью начертанные страницы? Вот то впечатление, которое мы, слушатели Василия Осиповича, выносим из его лекций. Ты обращаешься целиком в слух и внимание, боишься проронить хотя бы одно слово, один жест лектора,

своим образным словом, переменой интонации, движением брови, жестом руки воскрешающего перед нами дела, давно минувшие, и заставляющего нас как бы снова присутствовать при их совершении. Интерес усугубляется тем, что слушаешь это не в виде популярного рассказа, только повторяющего ту или иную уже напечатанную книгу, а слушаешь живого человека, несравненного знатока подлинных источников, первого авторитета нашего века в этих вопросах, всю жизнь потратившего на глубочайшее проникновение в родное русское прошлое... »

Таковы были впечатления не только моего приятеля, но и многих десятков поколений студентов, прошедших через аудитории В. О. В сентябре 1896 г., нарушая порядок расписания, вопреки строгому надзору органов тогдашней университетской инспекции, мы, первокурсники, влились вместе со студентами 2-го курса в малоуютную аудиторию, в которой должен был читать В. О., и с волнением ждали его прихода. Педель открыл дверь, и в дверях показалась согбенная, но быстрая в движениях, худощавая фигура с тем замечательным простым русским лицом, которое теперь известно всякому грамотному русскому человеку. В. О. быстро поднялся на кафедру, жестом остановил грянувшие было при его появлении восторженные аплодисменты, и с кафедры послышалась его спокойная, мерная, необыкновенно отчетливая речь, отчеканивавшая каждое предложение и, особенно, окончания произносимых им слов, так что для внимательного слушателя не мог пропасть ни один звук, ни одна интонация негромко, но необыкновенно ясно звучавшего голоса. Построение каждой фразы было неизменно правильным: никаких оговорок, повторений, никаких вводных словечек, которыми изобилует речь огромного большинства ораторов, в свободной, изящной, пластичной лекции В. О. не было. Понятно, что сидевшая перед его кафедрой аудитория, внимала его рассказу с неослабным вниманием. Неторопливость лекции была такова, что при небольшом навыке можно было многие места лекции записывать, не пользуясь стенографией, буквально слово в слово, как она произносилась.

Но главная привлекательность чтения В. О. была не в этом, а в умении необычайно просто изложить самые трудные сюжеты вроде, например, вопроса о возникновении земских соборов, вопроса о происхождении крепостного права и т. д. Слушающему лекцию В. О. казалось, что никакого

иного решения данной исторической задачи, кроме предлагаемого лектором, даже и быть не может. После нескольких минут спокойного повествования, В. О. давал обычно общее заключение, бросал какой-нибудь яркий штрих, освещал изложение изящной метафорой, оживляя его тонкой шуткой, не лишенной иногда нотки грустного насмешливого юмора. По аудитории пробегал шелест сдержанного смеха, внимание освежалось, и слушатели опять настораживались.

Вот те впечатления, которые мы испытали в аудитории Ключевского. Понятно, что студенты всех факультетов, когда этому не клало препятствий университетское начальство [1]), стремительной толпой вливались в аудитории Ключевского, и долго после окончания лекции слушатели продолжали обсуждать только-что прослушанные слова профессора. Да, перед нами был чародей живой человеческой речи, владевший ею так, как мастер скрипичной или клавиатурной игры владеет своим инструментом. Мудрено-ли, что на молодежь его лекция производила такое чарующее впечатление, а сам мастер—учитель, умеющий из ничтожных остатков прошлого воссоздать живые образы людей и человеческих отношений, казался чем-то вроде колдуна и чародея.

Таковы были наши первые впечатления от речи профессора, своим негромким спокойным голосом воскрешавшего перед нами картины древне-русской жизни и показавшего нам вместо сухих манекенов, о которых нам говорили доселе учебники русской истории, подлинных русских людей, окруженных живым трепетанием жизни, среди которой они родились и действовали.

Так сбылась наша мечта слушать в аудитории Московского Университета самого Ключевского и стать его непосредственным учеником. Неудивительно, что многие из моих товарищей, да и я сам, слушали один и тот же курс В. О. по нескольку раз; прослушав на первом курсе, вторично слушали его уже в законном порядке на втором, а потом и на третьем. Лектор варьировал свое изложение, изменял композицию отдельных лекций, оживлял свой рассказ новой метафорой, новой параллелью, и эти искры тут же на наших глазах вспыхивавшего творчества сообщали иной раз заранее

[1]) Во второй половине 1890-х годов студентов с других курсов даже историко-филологического факультета, а, тем более, студентов с других факультетов просто не пускали на лекции В. О.

нам известному, ранее уже прослушанному тексту лекции прелесть свежести и новизны, чего-то неожиданного и ранее нами неслышанного. Эти блески вдохновения лектора обладали особой чарующей силой, магически действовавшей на слушателя: лектор—художник как бы вскрывал перед нами живой процесс своего творчества и вводил нас во внутреннюю интимную лабораторию своей работы.

II.

Василий Осипович Ключевский родился 16 января 1841 г. в селе Воскресенском, Пензенского уезда, где служил отец его Иосиф Васильевич.

Детство В. О. было нерадостным. Своего отца, скромного сельского священника, по происхождению из крестьян мордовского племени мокша, как живого человека, он едва помнил, хотя и хранил любовно в памяти то, что знал от окружающих об этом добром и хорошем человеке. «Поп Осип», как его звали крестьяне, происходил не из духовного сословия, а из крестьян, и крестьяне—мордвины из села Селиксы хорошо его помнили почти через 50 лет после его преждевременной смерти, произошедшей от того, что он на дороге с базара придавлен был опрокинутым возом и захлебнулся в бурном стремительном дождевом потоке, вызванном летним ливнем, накрывшим его на пути. Мальчик, привезенный кем-то на место катастрофы, застал труп отца еще лежавшим в грязи в наполненной водою канаве. По воспоминаниям В. О., отец Иосиф был простой и кроткий человек, отличавшийся от собратий по сословию тем, что он никогда не посылал работать на своем поле псаломщика и пономарей,—вспомним, что это происходило в пору крепостного права, и все лица, имевшие какую-либо власть, даже сельские священники, подражали крепостным душевладельцам—помещикам. Причт его сельской церкви, ему подчиненный, высоко ценил деликатность своего «попа Осипа». В свободные часы он любил переписывать церковную историю, а его почитатель—помещик соседнего села—заказал написать с него образ Христа. Мать В. О. отличалась крутым и жестким характером, и нежных отношений у нее с сыном не было. Когда в возрасте 20 лет В. О. пришлось решать трудный для него вопрос о выборе дальнейшего пути, мать и материнская родня толкали его на путь церковного служения, как на ближайшую дорогу к материальному (ко-

нечно, очень относительному) благополучию. Уход из семинарии для поступления в университет стоил В. О., поэтому, большой внутренней и внешней борьбы, так как его разрыв с миром духовенства шел вразрез с желаниями и интересами очень настойчивой в своих желаниях матери, на вдовьем положении бившейся много лет с горькой нуждой и мечтавшей, после посвящения сына в священники, получить материальное облегчение. Но В. О. понимал, что требуемая с него за это благополучие цена слишком высока, так как заставит его похоронить те могучие силы творчества, которые он ощущал в себе. Как тяжело было положение семьи, можно судить по тому, что свои первые сапоги В. О. надел только в 10 лет, а заниматься по вечерам приходилось при свете убогой лампадки, в которой горело конопляное масло, забираясь, чтобы не коченеть от холода, поглубже на печку. Нравственную и материальную поддержку принятому решению ехать учиться в Москву мальчик нашел только в своем дяде священнике Европейцеве.

Это было время, когда молодая Россия, только что стряхнувшая вековое крепостное иго, начинала расправлять свои могучие плечи, и богато одаренный юноша смело бросился в жизненный поток, навсегда оторвавший его от постылой для него церковно-амвонной карьеры. Летом 1861 г., преодолев сопротивление своему решению со стороны семинарско-епархиального начальства, В. О. отправился в дальний и страшный, для материально необеспеченного юноши, путь в Москву. Для того, чтобы попасть в те времена в Москву, надо было сначала сделать свыше 500 километров на лошадях от Пензы до Владимира; из Владимира путник попадал уже на новую Московско-Нижегородскую железную дорогу. Эти 500 километров В. О. должен был сделать чуть ли не на облучке, прицепившись к каким-то спутникам, ехавшим из Пензы во Владимир. Уезжая из родного города, В. О. простился с матерью и с Пензой навсегда. Как глубоко переживал двадцатилетний юноша свой переезд и выход на новый путь, можно судить по тому, что уже перед самой кончиной, через целое полстолетие после своего ломоносовского путешествия, В. О. нарочно съездил во Владимир, чтобы взглянуть на площадь города и на те здания, около которых его в 1861 году высадили случайные попутчики. Но узнать Владимир через 50 лет было трудно,—так изменилась там вся обстановка.

III.

Безродного и безденежного студентика в дырявых сапогах и заплатанной одежде Москва встретила неласково. Студент в те времена должен был изворачиваться сам, как умел. Стипендий почти не было и даже так называемые студенческие благотворительные концерты, из которых кое-что перепадало впоследствии и действительно нуждающимся студентам, в ходу еще не были. Первый учебный год в университете В. О. пришлось прожить рублей на 60—70, кое-как сколоченных грошевыми уроками. По выражению самого В. О., вспоминавшего это трудное время своей жизни, московский студент в те времена был совершенно беспомощен и предоставлен самому себе. По заведенному порядку, бедняки-студенты жили в жалких комнатушках где-нибудь в районе Бронных и Козих, человека по три-по четыре в одной комнате, обычно холодной и сырой. Считавшийся относительно выгодным урок, дававший В. О. право на стакан чаю с куском хлеба и на 15 рублей ежемесячного заработка, ему приходилось давать в Сокольниках в семье местного лесничего. Не только трамвая, но и конки тогда еще не существовало, и студенту Ключевскому приходилось промеривать 7-верстное расстояние с Козихи до Сокольничьей рощи в своих дырявых сапогах без галош (тогда тоже предмет роскоши), шлепая по лужам и по осенней грязи, так как в Сокольники не было проведено даже шоссе. Жена лесничего была любительницей чтения, и мальчику-студенту, только что обучившему ее сына гимназическим наукам, надо было затем некоторое время читать вслух какой-нибудь бульварный роман хозяйке дома, так что возвращаться в козихинские палестины В. О. приходилось уже иной раз за полночь, шагая в темноте по пустырям и по размокшей дороге, лишенной всякого освещения. Отмерить четыре километра от местопребывания лесничего до района освещенных улиц было не только трудно, но даже небезопасно из-за возможных встреч с ютившимся по окраинам столицы бездомным людом, но лесничий успокаивал репетитора таким напутствием: «Если на вас нападут, вы только скажите, что идете от меня. Тогда вас не только не тронут, но даже еще проводят». Так невыгодно было народу, укрывавшемуся под сенью густого Сокольничьего бора, ссориться с охранителем порядка в этом районе—лесничим.

Первый московский благотворительный концерт в пользу студентов был устроен только в 1863 г., и В. О. получил из вырученных на нем сумм 15 рублей. Вот и вся помощь тогдашней культурной Москвы учащейся молодежи. В студенческом кружке пензяков, к которому естественно примкнул Ключевский, он пришел в соприкосновение с будущими террористами каракозовцами,—обстоятельство, которое могло легко погубить его. Брат Каракозова, стрелявшего позднее в императора Александра II, был даже пензенским учеником В. О. Ключевского по латинскому языку. Но попытка втянуть Ключевского в ряды каракозовцев, этого далеко оторвавшегося вперед авангарда русской революции, вскоре скошенного царской полицией, была пресечена одним из виднейших участников кружка—Ишутиным, ближайшим приятелем Каракозова. Ишутин, волосатый силач в красной рубахе, ходивший, как истый студент—нигилист 60-х годов, с огромной палкой-дубиной, положил мощную длань на жиденькое плечо В. О. и твердо заявил: «Вы его оставьте! У него другая дорога. Он будет ученым», чем и показал свою прозорливость.

Первым из профессоров, понявшим и оценившим В. О., был классик С. М. Леонтьев, еще на вступительном экзамене в университет заметивший в пензенском семинаристе хорошее знание латинского языка, давшее В. О. возможность перевести на экзамене наудачу любую главу такого трудного автора, как Тацит. Тонкий знаток греческих и латинских классиков, впоследствии любовно описанный В. О. в его воспоминаниях, Леонтьев сумел угадать дарования Ключевского с первой же встречи. Так же быстро оценил его дарования другой знаменитый профессор Московского Университета —Ф. И. Буслаев, о котором сам В. О. вспоминал всегда с глубокой признательностью и восхищением. Облюбованных им студентов, Буслаев любил приглашать по известным дням к себе на квартиру, усаживал посетителей в гостиной, обставленной по стенам шкапами с книгами. Студентам предоставлялась полная возможность доставать из шкапов интересовавшие их книги, читать их либо тут же в гостиной, либо уносить с ведома хозяина к себе на дом. В. О. поражался разнообразием книг Буслаева, среди которых был, например, знаменитый Космос Гумбольдта и вообще немало книг по естествознанию. Буслаев настойчиво рекомендовал своим посетителям ознакомление с названным трудом Гумбольдта. Чтение и тихая студенческая беседа за стаканом чая прерывались появлением из кабинета самого Федора Ивановича, выходившего к молодым посетителям, чтобы поделиться с ними впечатлениями от новой прочитанной им самим книги или статьи. Беседа оживлялась, разгоралась и происходил особый неформальный семинар, часто более плодотворный и живой, чем настоящий учебный семинар в университетской аудитории.

В этих беседах Буслаев пригоршнями разбрасывал идеи, соображения, планы и замечания, нередко совершенно новые в науке, и слушателям оставалось только запоминать или записывать их. Один из таких слушателей, впоследствии сам профессор Московского Университета, схватил налету изложенную Буслаевым идею, превратил ее в ученый реферат, каковой и поднес Буслаеву, как свое собственное оригинальное достижение. Через некоторое время, когда та же самая студенческая компания мирно заседала в квартире Буслаева, Федор Иванович вышел из кабинета, оживленный и заинтересованный только-что прочитанным им рефератом своего слушателя, и, цитируя его с видимым удовольствием, делился своим впечатлением:

«Какая новая верная мысль, какое интересное наблюдение»,—повторял Буслаев, излагая только-что им прочитанный реферат. Слушатели переглянулись: это была одна из тех идей, которые Буслаев сам развивал перед ними месяца за два до сегодняшней встречи, и которую автор статьи, слушавший его похвалы со скромно опущенными глазами, перехватил у самого же Буслаева, откровенно ее изложившего своим посетителям, а теперь опубликовал, как свою собственную.

Другой раз Буслаев вышел из кабинета к сидевшим в гостиной студентам с новой книжкой «Современника», в которой была напечатана статья самого Чернышевского, против Буслаева направленная. Показывая со смехом студентам статью, Буслаев говорил: «В «Современнике» пишут, что я дурак, да ведь это и без его статьи давно известно и совсем не новость!». По этим двум эпизодам можно судить, как просты и непринужденны были отношения между мальчиками-студентами и тогда уже немолодым и прославленным ученым—руководителем их занятий.

Центральное место в университетских впечатлениях Ключевского занимал, конечно, его ближайший и главный по влиянию на него учитель—С. М. Соловьев. В отличие от Леонтьева и Буслаева, Соловьев не сразу заметил дарования сво-

его гениального слушателя, да и немудрено: В. О. никогда сам не напрашивался на внимание, а семинарских занятий Соловьев не вел, и своей аудитории, которой он читал 30 лет, как это ни странно, в глаза никогда не видал, потому что от некоторого смущения, им на кафедре испытываемого, и от привычки уходить во время лекции в самого себя, Соловьев читал всегда с опущенными глазами, никогда не поднимая их на слушателей, и поэтому не знал их в лицо. Но, когда со своей всегдашней добросовестностью Соловьев прочитал превосходную кандидатскую работу Ключевского, посвященную «Сказаниям иностранцев о Московском Государстве», он сразу оценил дарования и мастерство ученика, выделил его из массы других слушателей и наметил, как кандидата для приготовления к профессорскому званию. Между Соловьевым и Леонтьевым произошло даже как бы некоторое соревнование, кому из них оставить при своей кафедре В. О. Уговаривая Ключевского посвятить себя латинской словесности, Леонтьев приводил такой аргумент: русской историей заниматься может всякий, а латынь—дело избранных!

Но выбор Ключевского был сделан, хотя Соловьев, державшийся вообще несколько отдаленно от слушателей и обычно только снисходивший к ним, не сразу привел в исполнение свое внутреннее решение оставить Ключевского при кафедре русской истории. Не знавший еще намерения своего учителя, Ключевский успел даже взять место учителя истории в 1-й Московской гимназии, и Соловьеву, медлившему с решением, пришлось уговаривать В. О. отказаться от принятого им перед 1-й гимназией обязательства работать в ней в качестве преподавателя, и целиком посвятить себя подготовке к магистерскому экзамену, обязательному этапу тогдашней академической карьеры. Подчинившись решению Соловьева, Ключевский отказался от гимназических уроков, получил небольшую магистрантскую стипендию, и целиком погрузился в приготовление к магистерскому экзамену.

Отчасти по духу того времени, отчасти по складу своего характера и своему возвышенному взгляду на звание профессора, Соловьев держался и обращался с учениками не так, как держались и обращались с младшим поколением профессора следующей эпохи. Так, посещение Соловьева по праздникам было как бы одной из обязательных черт тогдашнего этикета учеников Соловьева, даже тогда, когда он проживал на даче вне Москвы, и ехать к нему приходилось довольно

далеко. Последние годы жизни Соловьев проводил свои лета в Покровском-Глебове, и В. О. ездил туда совместно с другим русским историком, будущим профессором, Н. А. Поповым на извозчике, так как иного вида транспорта в Москве в те времена еще не было. Соловьев принимал гостей в аллеях сада, окружавшего дачу. В один из таких приездов общий разговор как-то затронул только-что перед тем прочитанный Ключевским недавно вышедший 4-й том «Римской истории» Моммзена. В. О. отозвался с похвалой о некоторых понравившихся ему страницах этого тома, в частности, о положении в Риме Цезаря после его победы над соперниками. Выразив свое удовольствие от изложения Моммзена, Ключевский сравнил его с Гизо, которого учеником и почитателем был Соловьев. Соловьев вспылил. «Ничего похожего! Моммзена и сравнивать нельзя с Гизо. Ваш Моммзен просто дубина. Я и не так еще с вами поступлю, если вы будете утверждать подобные вещи!». Резкий тон Соловьева задел Ключевского.— «Я и так могу уйти, Сергей Михайлович!», — ответил гость на неделикатную фразу хозяина дома. Соловьев сконфузился, смягчился, заметил, что он не имел намерения задеть В. О., и покрыл инцидент шуткой.

К своему живому, впечатлительному и подвижному ученику, тогда автору только «Сказаний о Московском государстве» и «Житий святых», сам Соловьев, творец 30 томов научных исследований и монументального труда «Истории России», относился чуть-чуть свысока и на меткие и острые замечания молодого собрата по науке любил отвечать ходячей и грубоватой русской прибауткой: «Эх, пятачка не случилось» (который можно было бы дать собеседнику за вовремя сказанное меткое слово).

Соловьев держал своих учеников в строгости и, когда истекли положенные для подготовки к магистерскому экзамену два года (хотя практика давно к двум годам прибавила дополнительный третий год), категорически потребовал, чтобы В. О. немедленно приступал к сдаче. Указанию Соловьева Ключевский был обязан и малоудачным для его дарований выбором темы для магистерской диссертации, потребовавшей пять лет упорного труда над скучными трафаретными житиями святых, почти не оправдавшими ожиданий ни Соловьева, ни самого автора, так как ценного бытового материала в них оказалось очень немного, но сказать это молодой ученый получил научное право только после исследования несколь-

ких тысяч образцов древне-русской житийной литературы. Такова, впрочем, судьба многих научных исследований в разных областях: предсказать наверняка положительные ценные результаты иной раз многолетних и кропотливых разысканий — никто заранее не в состоянии.

В. О. с честью одолел поставленную Соловьевым задачу и приобрел, кроме массы мелких наблюдений, полезных для него в его последующей конструктивной деятельности, ту замечательную школу тонкой и надежной критической работы, которая будет отличать все его научные и популярные труды.

В. О. застал в живых давнего учителя, а потом антагониста Соловьева — М. П. Погодина, маститого старца, доживавшего на покое свои дни на улице и доныне носящей название Погодинской (за клиническим городком). Давая частные уроки в какой-то московской семье, Ключевский встретил выходившего из гостиной Погодина, покосившегося на молодого человека, профессию которого ему назвали. Не глядя на Ключевского, Погодин ворчливо обронил: «Ведь знает, небось, что я на Девичьем поле живу, а никогда не зайдет!».

Когда при свидании с Соловьевым В. О. рассказал ему об этой встрече, Соловьев посоветовал Ключевскому посетить старика. «Зайдите к нему. Между нами были счеты, но вас они не касаются».

Посещение Ключевским Погодина ограничилось вручением экземпляра тогда только-что вышедших «Житий», но к более близкому знакомству между ними не повело и никаких симпатий у В. О. к Погодину не пробудило.

Иначе отнесся к молодому Ключевскому знаменитый деятель крестьянской реформы 1861 г. Н. А. Милютин, в доме которого Ключевский тоже давал урок. Разбитый тогда параличем и почти недвижимый, Милютин своим проницательным взглядом сразу заметил в невзрачном и неловком семинаристе ум и талант и приблизил его к себе. После каждого урока он приглашал В. О. к креслу, в котором его возили, и подолгу с ним беседовал. Когда приблизился день диспута Ключевского, защищавшего «Жития», Милютин просил его тотчас после диспута приехать к нему на ул. Воровского (тогда Поварскую), чтобы он мог одним из первых поздравить его магистром русской истории.

Выполняя данное Милютиным обещание, Ключевский прямо из университета, до традиционного диспутационного обеда, явился на квартиру Милютина, но застал общее смятение: Милютин скончался в тот самый час, когда в университете шел диспут молодого ученого.

IV.

В январе 1871 года В. О. Ключевский защитил свою магистерскую диссертацию на тему «Древне-русские жития святых, как исторический источник». Это первое выступление на широкую общественную дорогу молодого ученого имело, однако, немного резонанса за пределами узкого факультетского круга учителей и товарищей нового магистра. Книга имела мало успеха и осталась нераспроданной почти до смерти автора, несмотря на последующую его славу: так специален и малособлазнителен был сюжет книги. Но защита эта имела весьма большое значение в личной жизни автора «Житий»: крупнейшие ученые авторитеты того времени, прежде всего, сам учитель С. М. Соловьев, затем Буслаев, Горский и вообще все настоящие ценители и знатоки поняли и определили ее научный вес, о чем будет речь в следующей главе. Защита превратила В. О. из преподавателя, работавшего по частному найму и державшегося в учебных заведениях, например, в Александровском военном училище, на вторых ролях, — в штатного преподавателя-доцента Московской (в Загорске) духовной академии. Эта должность обеспечивала В. О. 2.000 руб. в год, избавляла его от заботы о куске насущного хлеба, от лишних дополнительных заработков и открывала ему возможность использовать все силы на работе над задуманным им новым исследованием о боярской думе древней Руси, а, главное, над курсом русской истории, сделавшимся главным предметом любви и забот молодого профессора. Сорокалетняя работа над этим курсом привела к выработке серии классических лекций по русской истории, ныне известных каждому грамотному человеку и переведенных на главные европейские языки.

В первые годы преподавания, параллельно с лекциями по русской истории, В. О. должен был читать в Александровском училище юнкерам курс и по истории Западной Европы. В своей непосредственной специальности В. О. сразу стал твердо на ноги, как глубокий знаток первоисточников

русского прошлого, но во всеобщей истории, главным образом новой, В. О. должен был опираться на готовые пособия и составлять лекции в виде конспектов чужих трудов. Впоследствии, пользовавшийся неизменным успехом при чтении и этих курсов, В. О. нередко вспоминал, как тяжело ему было читать не по первоисточникам, а по готовым пособиям, полагаясь не на свои, а на чужие наблюдения и заключения. Мы можем по этому примеру оценить всю строгость предъявлявшихся молодым ученым требований к себе, в этой потребности все знать непременно из первых рук, непосредственно соприкасаясь в первоисточниках с подлинными людьми, эти источники нам оставившими. Овладеть же всем кругом источников по новой истории молодому преподавателю, конечно, не было возможности, так как для этого нужны долгие годы упорного труда. Не спешил, повидимому, оценить блестящий лекторско-художественный талант своего ученика и С. М. Соловьев, продолжавший целиком сам вести преподавание, как профессор в аудитории, куда по наряду инспекции сажали человек 5—6 обязательных слушателей, так как сам Соловьев при всей своей колоссальной эрудиции был лишен лекторского дара и никогда не мог оживить и зажечь огнем художественного вдохновения ни одного своего слушателя, и вкоренял в своей аудитории твердое убеждение, что русская история — предмет безнадежно скучный. Не то было на лекциях молодого Ключевского. Судьба не дала ему звонкого и громкого голоса, от природы он даже страдал заиканием, но упорная работа над дикцией, приучение себя к медленному и отчетливому произношению каждого слова, особенно окончаний слов, важных для того, чтобы слушатели улавливали все оттенки синтаксического и этимологического сцепления фразы, обеспечили первое и основное для всякого лектора требование — понятность дикции для слушателей, сидящих в любом уголке аудитории. Постоянное самонаблюдение над чистотой речи гарантировало лекцию В. О. от всяких лишних словечек и присказок, которыми грешит говор небрежных ораторов, вкрапливающих в свое изложение огромное количество ненужных «мусорных» присказок вроде: «так сказать, изволите-ли видеть, и тому подобное, я бы сказал, знаете-ли, и так далее», засоряющих дикцию, раздражающих и нервирующих слушателя и мешающих ему следить за существом дела, если, конечно, оно в лекции даже иной раз и есть. Речь В. О. была избавлена и от другого, к сожалению,

тоже нередкого недостатка — изобилия бессодержательных общих мест и общих деклараций и шаблонов.

Но самое главное заключалось в том, что, при прозрачности звуковой стороны изложения, речь В. О., после нескольких минут замечательного по точности и законченности изложения какого-либо трудного и запутанного вопроса, оживлялась меткой шуткой, блестящей метафорой, его умением схватить и изобразить самого живого человека, действовавшего в веках давно минувших, среди обстановки, нам уже непосредственно незнакомой, руководимого побуждениями, нам чуждыми и даже странными, вроде декларации в. князя Олега, явившегося в Киев с тем, чтобы изгнать из этого города засевших там непринадлежавших к его княжескому роду Аскольда и Дира. Изображая конфликт между Олегом и Аскольдом—Диром, В. О. умел изобразить столкновение, происходившее между «законным» и «незаконнымн» представителями княжеской власти, самой интонацией голоса и игрой выразительного лица.

Так, благодаря творческой работе в течение десяти лет (1870—1880), В. О. вырос в того несравненного мастера живого слова, который занял одно из первых мест среди представителей ораторского искусства России, подняв на огромную высоту труднейший вид этого искусства — лекционный, так как на лекции нет места обычным ресурсам оратора — пафосу, обращению к чувствам и страстям аудитории, и все строится на одном только изображении, рисунке, штриховке и гравировке. Мастером этой гравировки и стал В. О. Отсюда понятен его поразительный успех, когда по защите диссертации о Боярской Думе В. О. стал законным во всех смыслах преемником в Московском университете Соловьева, умершего осенью 1879 года. После смерти Соловьева и речи быть не могло о том, чтобы на его кафедру могло выступить претендентом другое лицо: блестящая защита В. О. докторской диссертации, упрочившая сложившуюся в предыдущее десятилетие славу В. О., как профессора, исключала всякую конкуренцию, и последующие годы едва-ли что прибавили к этому мастерству, но ничего и не убавили в нем до конца жизни В. О.: тридцать лет аудитория, сменявшаяся с каждыми новыми поколениями слушателей В. О., оставалась в том же очаровании перед неторопливой чеканной профессорской речью первого лектора нашей страны. Каким был В. О. на кафедре в свои молодые годы со сверкающим огнем взгля-

дом своих проницательных, глубоко смотревших, умных глаз, отраженных его портретами начала 1880-х годов, таким он оставался до своей последней лекции, прочитанной осенью 1910 года, когда, страдая смертельным недугом, он прочел свою последнюю лекцию перед увозом в больницу на операцию, после которой он уже не встал.

Лекционная деятельность была для В. О. не долгом, не службой, а призванием, такой же страстью, какой для артиста является художественное творчество на сцене, с тою разницей, что старый профессор видел награду не в материальных результатах своего лекторского успеха, ибо таковых не было и не могло быть. Беспримерный успех В. О., привлекавший в московские аудитории тысячи слушателей, оплачивался университетом по, так называемой, гонорарной системе максимум одной тысячей рублей в год, тогда как лекционный гонорар многих профессоров, не имевших никакой реальной аудитории слушателей, особенно некоторых профессоров юристов, достигал полутора десятка тысяч рублей, — такова была в русских условиях уродливая гонорарная система вознаграждения. Награда лектора была и не в аплодисментах наэлектризованной аудитории, от которых В. О. всегда хмуро и досадливо отмахивался, а только в пробуждении в молодых слушателях живого интереса к родному прошлому, к созидавшим русскую жизнь героям, подвижникам и мученикам русского народа, одним метким словом, жестом, игрой лица, интонацией произношения снова возрождаемых гениальным лектором, превращаемых им из смутных теней в живых людей, которые сами вот тут, только-что перед нами действовали и говорили со слушателями голосом лектора-художника.

«Я так и умру, как моллюска, приросшая к кафедре», — говорил В. О. в последний год своей жизни, когда болезнь приближала его роковую разлуку с трибуной.

V.

Дадим обзор главных ученых трудов Василия Осиповича.

Работа, за которую он получил степень магистра русской истории, носит название «Древне-русские жития святых, как исторический источник» и представляет собою объемистую книгу, имеющую 472 страницы убористого текста. Она содержит обзор материала житий северно-русских святых

XIII—XVII и даже в некоторых случаях XVIII века. Тема была задана, как сказано, молодому ученому самим С. М. Соловьевым. И ученому руководителю и его даровитому ученику задание это казалось соблазнительным исторически, т. е. полезным для изображения некоторых бытовых черт русской жизни, особенно для изображения хода русской колонизации, в которой значительную роль играли как раз монастыри и их основатели, впоследствии канонизированные и удостоенные житийных биографий. Но так только казалось... Пустившись в изучение колоссального житийного материала, в своей массе остававшегося неизданным и покоившимся либо в рукописных архивных хранилищах Москвы, Петербурга, Казани, Сергиева посада (ныне Загорска) и др. крупных центров, либо в собраниях частных лиц, молодой автор скоро убедился, что никакого реально осязательного материала в этом своеобразном виде литературы почти не оказалось, что самое большое, на что историк может там и сям рассчитывать—это скудные черточки, выглядывавшие нечаянно из-под шаблонного витийства составителей житий, занятых прежде всего тем, чтобы сделать свое повествование назидательным и риторически внушительным и для этого отлитым в трафаретные бесцветные фразы, казавшиеся в те времена занятными орнаментами словесного характера. Но беда с критической точки зрения была в том, что кое-что, все-таки, из житий можно было выудить и потому просто отвергнуть этот материал было тоже нельзя. Как золотоносный песок, его, очевидно, надо было «промыть». И вот молодой ученый погружается в дебри рукописной житийной литературы, ездит для этого в Петербург и Казань, обследует тысячи житийных текстов, сворачивает с намеченной дороги извлечения—выборки из житий нужного реального исторического материала и задается уже другой самостоятельной задачей раскрытия литературной эволюции житий, изучением того, как, начав с первоначального безыскусственного неловкого и наивного рассказа, они развивались, разбухали в пышные букеты душеспасательных, исторически совершенно бесплодных, бумажных цветов, разросшихся в русской житийной литературе XV—XVI вв. под влиянием южно-славянских образцов. Вследствие недостаточного внимания к постановке темы со стороны Соловьева, пламенной преданности В. О. научной работе и его железной выдержки в труде, на это малоплодотворное исследование, где просто негде было развернуться таланту Ключевского, ушло целых пять

лет. Впоследствии В. О. не без горечи вспоминал, как много труда и молодых сил им было положено на эту скудную тему. «Я нырнул в это море материала, говаривал он, да и не знал, вынырну ли». Но Ключевский вынырнул, вынеся из этого первого крупного исследовательского опыта закал «чернорабочего науки», как он любил сам называть себя, и этого «чернорабочего» в дальнейшем не испугают никакие трудности и никакая скучная процедура исторического исследования, если преодоление встреченных трудностей окажется необходимым для решения научного вопроса. Но, конечно, при большей осторожности и зоркости учителя молодой ученый мог бы быть направлен на более плодотворную, пусть даже не менее трудную, тему, связанную с изучением такой же массы архивного материала.

Пять лет напряженного обследования в десятке древлехранилищ житийного материала и овладение критическим искусством разложения текстов сделали В. О. мастером исторической критики и научили его снимать с замечательным искусством позднейшие наслоения литературной орнаментации с первоначальных примитивных рассказов, по своему полезных в качестве исторического материала для овладения бытом эпохи, к которой данное житие относится, например, для изображения картины жизни подмосковного района около Радонежа, включенного в биографию основателя бывшей Троицкой лавры Сергия. Иной затерянный среди агиографического материала бытовой рассказ является подчас драгоценным источником, проливающим свет на быт неведомого уголка древней Руси, о котором не сохранилось никаких сведений в других источниках. Как ни скуден этот материал, но историк не в праве им пренебрегать, потому что никаких других данных зачастую у него просто нет и взять их неоткуда.

После трудной работы над житиями В. О. перешел немедленно к теме, избранной им самим, работая над которой он мог в полной мере развернуть присущий ему талант проникновения в дух и характер людей и отношений отдаленных эпох, талант умения прочитать в источниках то, что незаметно для тысяч читателей таится иной раз между строк древнего документа, талант умения связать и скомбинировать разрозненные данные в целую картину, понять изучаемые отношения в их диалектическом развитии.

Такой темой для своей докторской диссертации, появление которой было крупным событием в русской историогра-

фии, В. О. избрал историю боярской думы, то есть того княжеского и царского совета, который был важнейшим административным, совещательным и законодательным органом древней Руси на протяжении многих столетий нашей истории.

В «Боярской думе древней Руси» автор поставил своей задачей изучить древне-русское учреждение, совет из бояр при князе, в связи с историей классов и стремился раскрыть генетическую связь между эволюцией классового уклада древне-русского общества и высшим правительственным органом. Такая постановка задачи опиралась на общую мысль о том, что боярская дума была как бы отражением эволюции самого общества, что состав ее определялся не капризным усмотрением отдельного князя (в некоторых случаях так могло быть и, конечно, бывало), а общей структурой окружающей князя социальной среды. Задача В. О. состояла в том, чтобы понять развитие этого учреждения, а не судить и не оценивать его с точки зрения его функционирования и его положительной или отрицательной роли. Такая постановка приводила исследователя к изучению классового строения и классового развития общества древней Руси.

Исследование истории боярской думы, которому он отдал целых десять лет, В. О. начинает с древнейших до-княжеских времен, усматривая исторический корень этого учреждения в упоминаемом летописью обычае князей, ими унаследованном от глубокой древности, созывать на совет «старцев градских» вместе со старшими княжескими дружинниками, еще в X веке. По мнению В. О., эти старцы градские были представителями старой до-княжеской городской аристократии торгово-промышленного характера, правившей до появления на Руси княжеской династии рюриковичей. В таком подходе к теме сказалось мастерское умение автора по нескольким немногословным и тусклым упоминаниям летописи разгадать характеризующий русское общество X века социальный дуализм его верхнего слоя, подтверждаемый глубоким внутренним пониманием всего уклада Киевской Руси. Для внутреннего понимания этого явления автор обращается к истории древне-русской колонизации, начавшейся около VII века на восточных склонах Карпат и идущей безостановочно вплоть до наших дней. Переселяясь с Карпат на Днепр и далее на восток, восточные славяне распростились с родовым строем, державшимся у них до того многие тысячелетия, и перешли к подворному укладу, который, в свою

очередь, породил на Днепровском речном пути появление укрепленных городских центров, служивших убежищами от нападения для обитателей отдельных разрозненных дворищ, органом их защиты и военной опоры, а затем ставших политической властью над защищаемой ими округой. В этих условиях сложилась торгово-промышленная городская аристократия, которую князья уже застали. Эта аристократия была прочной социальной силой и князья должны были с ней ладить и представителей ее должны были привлекать на совет в свою боярскую думу.

Такое понимание социальной динамики русской жизни в IX—X вв. вполне объясняет дуализм власти, наблюдаемый нами в многочисленных внешних проявлениях: власть князя, даже такого сильного, как Владимир Ярославич (так наз. «святой») и Ярослав Владимирович, прозванный Мудрым, действует все время рука об руку с представителями городской военной организации, с командирами так называемой «тысячи», то-есть полков городского ополчения, без участия которого князь не может предпринимать никаких серьезных военных предприятий, не может проводить каких-либо важных внутренних мер. Но, благодаря укреплению городов и благодаря их военной организации, области этих городов попадают в подчиненное положение, и решение всех важных политических вопросов происходит в княжеской думе в на городском вече. Действие княжеской власти постепенно вызывает разложение социальной и военной силы городов, так как часть городовой аристократии («старцы градские») и часть военно-городских элементов постепенно сближаются с княжеским боярским советом и княжеской дружиной. Так решалась на основании глубокого изучения и общего синтетического соображения источников эпохи задача реконструкции социально-динамического процесса, шедшего на Руси в IX—XII вв. Это искусное гармоническое сопоставление объясняет характер и роль боярской думы в тогдашней социальной обстановке, а при помощи наблюдений над самой думой автор устанавливает ряд ценных черт, показательных для понимания общего хода социального процесса.

В связи с наступившим в конце XII века разложением княжеского рода и с последовавшим в первую половину XIII века татарским погромом, тяжко опустошившим южную и западную Русь, происходит отлив населения на северо-восток, в область верхней Волги, где население становится в новые

сравнительно с Днепром условия, ибо князья упрочивают свое положение прежде, чем южные колонисты-земледельцы и звероловы, бортники и ремесленники успевают здесь обосноваться. Князья сами заселяют освоенные ими территории, сами собирают, приманивают колонистов на ими, князьями, уже освоенные земли, поселяя пришельцев в своих княжеских слободах. С исключительной настойчивостью и присущей ему чуткостью в расшифровке скудных и сбивчивых источников XIII—XV вв., В. О. вскрывает новые здесь складывающиеся отношения, показывая, что в основе всей системы социально-экономического уклада лежит, как его модель и прототип, личное хозяйство князя, его дворец. Дворцовое хозяйство — главный питомник всех административных навыков и понятий княжеской администрации, и управление территорией удельного князя есть только расширенное повторение схемы управления княжескими дворцовыми землями и их населением. Подобно тому, как управление боярской дворцовой вотчиной держалось на княжеских холопах, точно так же и управление областями княжества поручалось княжеским слугам, судившим и рядившим подчиненные им территории при помощи своих холопов и тиунов, как правило тоже вербовавшихся из состава невольных слуг посланного на кормление княжеского приказчика. Но постепенно в удельном княжестве нарождается класс слуг уже в государственном смысле, возникающий из разряда, так называемых, «больших бояр», называвшихся боярами путными или введеными: это и был зародыш будущего круга правителей русской земли на основе не частного, а государственного права. При помощи ряда тонких наблюдений автор устанавливает нарождение из первоначально неустойчивого и непостоянного состава княжеского, боярского совета удельно-феодальной Руси новой боярской думы, т. е. совета постоянного учреждения уже нового государственного типа. Процесс этот шел быстрее и увереннее всего именно в Москве, оформившей свой боярский совет ранее других, соперничавших с нею, княжений северо-восточной Руси (Тверского, Ярославского, Нижегородского, Рязанского и других более мелких княжеств).

Иной характер имело развитие боярства, как класса, и боярской думы, как его политического органа, в наших северных народоправствах, в Новгороде и Пскове.

В Новгороде история боярства и возникавшей из него, как социального класса, боярской думы, шла иначе. Новгородское боярство, правившее Новгородом, состояло не из землевладельцев, как в Суздальской верхне-волжской Руси, а из крупных торговых капиталистов банкирского типа, ссужавших свои капиталы торговым предпринимателям меньшего финансового калибра. Этот боярский совет в политическом смысле зависел от избирателей, т. е. ото всех новгородских граждан, собиравшихся на вече. Но сама народная масса была орудием его агентов, так как она работала на капиталы боярства и политически обычно была игрушкой в руках боярских клевретов и агентов.

Боевым заданием автора была часть «Боярской думы», посвященная истории ее в Москве XV—XVI вв. Ключевский различает два периода в истории московской боярской думы. В первом периоде от XIV до XVI века московское боярство сложилось и действовало, как сильный и властный класс, охраняемый политическим весом своих членов, окруженных холопьими дворами и сильных таким могучим в древней Руси фактором, как обычай. Во втором периоде, поколебленный гонениями Грозного и бурными событиями эпохи Первой Крестьянской Войны (Смутного времени) боярский класс старается укрепить свое пошатнувшееся положение при помощи политического договора. Но с XVII века руководящее значение принадлежит уже не боярской корпорации, как таковой, а индивидуальной службе отдельных лиц, значение которой часто расходится с корпоративными понятиями и интересами: худородные, генеалогически имеющие мало общего со старым боярством XIV—XV вв., элементы быстро и смело продвигаются в боярскую думу, наперекор традициям и связям старого боярского круга. Изучая списки членов боярской думы XV и XVI веков, автор «Боярской думы» выясняет классовые наслоения в его составе: слой потомков бывших великих князей (ярославских, тверских, литовских и др.) низведенных до положения московского служилого люда, в котором на равных служебных правах удержался только один род из состава старого московского боярства XIV—XV веков (Кошкины — предки позднейших бояр Романовых). Затем шел слой потомков бывших удельных князей и все остальное первостепенное нетитулованное московское боярство XIV—XV веков. В третий слой вошли потомки мелких и второстепенных удельных князей и второстепенное туземное московское боярство. Политически вес и престиж этого боярского класса в совокупности определялся его землевладельческим положением, отрядами его вооруженных слуг-холопов и глубокой традицией, разделяемой всеми членами боярского круга и самими московскими государями. Московское государство составилось через объединение отдельных княжений, в которых предки московского боярства владели всеми правами верховной власти и распоряжались всем механизмом суда и управления. Собранные теперь в Москву потомки прежних носителей власти стали как бы носителями коллективных прав на управление уже во всей объединенной Москвой восточной половине Руси. «Окруженные остатками удельных отношений, не видя со стороны московского государя решительного отрицания удельных преданий, встречая, напротив, во многом прямое признание этих преданий, бояре XVI—XVII вв. взглянули на свой круг, как на собрание подчиненных московскому государю исконных властей русской земли, а на боярскую думу, как на сборное место, откуда они будут продолжать править русскою землей, как отцы их правили, сидя или служа по уделам, частями этой земли».

Дальнейшее развитие отношений между московскими государями, превращаемыми общим историческим процессом с середины XVI века в представителей интересов всей великорусской народности, вызывает ряд конфликтов с аристократическими претензиями, от которых не умело и не хотело отказаться насыщенное удельными традициями старинное московское боярство. Но его положение было так подрыто огромным экономическим кризисом XVI века, что политически претенциозное боярство стало фактически беззащитным перед центральной московской властью.

В отпор аристократическим претензиям боярства московский государь в лице Ивана IV делает кратковременную попытку вернуться к старой удельной традиции, когда боярской думой был совет дворцовых управителей, вытесненных боярской знатью XV и XVI веков из думы, и создает свой архаический (с точки зрения общей эволюции учреждений) орган — опричину, возрождавшую старую, забытую в половине XVI века, традицию привлечения к высшим государственным делам житейски наиболее близких государю дворцовых слуг его. Поводом для такого конфликта был вечный вопрос монархий о престолонаследии. В XVII веке боярство не вернуло своего былого политического значения и сошло на роль

должностных лиц, служебное положение которых определялось только правительственным назначением и не могло быть потребовано носителем той или иной боярской фамилии по прирожденному ему праву.

Боярская дума Ключевского была первым законченным опытом классового изучения учреждения в связи со всей историей служилого сословия. Исследование это было проведено с замечательной выдержкой, тонкостью наблюдения и силой в сопоставлениях и антитезах. В трактовке Ключевского учреждение боярской думы перестало висеть в воздухе, как какой-то мираж, а было показано как дериват, производный от общего хода развития классового строя русского общества. «Боярская дума» была не только ценнейшим вкладом в историческое понимание именно данного учреждения, но и весьма важным подходом к пониманию эволюции русского народа вообще и отличным методологическим уроком, как следует изучать историю учреждений в связи с эволюцией социально-экономического строя.

Перейдем теперь к другим важнейшим работам В. О. Мы остановимся на вопросах о прикреплении крестьян, о земских соборах и на Курсе русской истории, ставшем школой русских историков на долгое время.

В небольшой по объему (около 6 печат. листов) работе о «Происхождении крепостного права в России» Ключевский сделал весьма важный шаг вперед в изучении вопроса о прикреплении владельческих крестьян, вскрыв одну сторону процесса, доселе остававшуюся в тени. Исследователь задался целью показать, как, независимо от тех или иных правительственных указов, крестьянин, живший на владельческой, вотчинной или поместной земле, постепенно подпадал под власть служилого землевладельца и понемногу становился в положение древне-русского холопа, т. е. невольника, являвшегося собственностью своего господина-государя, собственностью, которую можно было передать по наследству, подарить, продать, заложить и т. д. В. О. выставил тезис, что крепостное право на владельческих крестьян было переносом на них правовых понятий, привычек и претензий, сложившихся в течение многих столетий в рабовладельческой служилой среде около распоряжения своими холопами. Вопрос о происхождении крепостного строя в понимании В. О. состоял в том: «Чем было крепостное холопское право в древней Руси, как это право было привито крестьянству и

как переродилось вследствие этой пересадки на новую чуждую ему почву». Такая постановка задачи ставила на первый план вопрос о том, как государственная власть допустила перенос на владельческих крестьян крепостного холопьего права, хотя владельческие крестьяне, наравне с государственными черносошными и дворцовыми крестьянами, продолжали нести государственные повинности и должны были защищать государство вооруженной силой.

Для ответа на вопрос о том, как развивалось в древней Руси холопство, Ключевский устанавливает сначала момент появления и утверждения в обороте древне-русской жизни возле старинного полного холопства (потомственного для детей холопа и наследственного для детей холоповладельца) нового вида холопства «холопства по кабале за рост служити» или «холопства кабального», широко распространившегося на Руси в третьей четверти XVI века. Кабальное холопство было вначале действительно с займом и было холопством укороченным, кончаясь обычно со смертью господина, на имя которого была выдана такая «кабала за рост служити» или служилая. Наряду с кабальным холопством появляется и другая смягченная форма холопьей зависимости—холопство докладное, а затем еще более слабая форма прикрепления—жилая запись. Но, кроме таких все же юридически оформленных видов зависимости, в быту жили всевозможные отношения по специальным договорным сделкам, например, так называемое, добровольное холопство без всякого письменного документа. Словом, древне-русская жизнь XVI—XVII вв. была насыщена пестрыми комбинациями всяких видов неволи временной или постоянной. Пестрая сеть градаций и оттенков зависимости показывает, что закабалительные тенденции властных слоев тогдашнего русского общества имели наступательный и агрессивный характер, ибо все эти юридические снадобья изготовлялись, конечно, самими закабалителями и имели тенденцию охватить наибольшее количество людей для использования их в хозяйстве закабалителя или для услужения, особенно боевого. В такой-то атмосфере и родилась идея уже общего принципиального прикрепительного охвата всех крестьян, живших на владельческой земле.

Распространение холопьей зависимости и образование промежуточных форм отразилось на характере договорных отношений между землевладельцами и крестьянами: старинное полное холопство не могло влиять на отношения землевла-

дельцев с их крестьянами, но смягченные формы холопьего права такое влияние оказывать могли.

В юридических чертах, определявших положение крестьянина, сидевшего на владельческой земле, и кабального холопа, продававшегося во временную и условную зависимость от своего кредитора, было сходство: оба они были должниками своих контрагентов. И практика и закон стали постепенно приравнивать крестьянина кабальному холопу и в силу этого стали считать его не вольным арендатором владельческой земли, которую он мог покинуть при расторжении или прекращении срочной договорной сделки, а лицом, находящимся в более прочной юридической зависимости от своего кредитора. Крестьянин-арендатор владельческой земли, садившийся на арендованный участок с денежной ссудой и хлебной подмогой, да еще получавший нередко в кредит и надворные постройки, становился экономически и юридически все более и более зависимым от землевладельца. Бродячесть таких крестьян-арендаторов, когда-то выгодная, именно, для московских владений в силу притягательного влияния московской территории для постепенно ею всасываемых чужих крестьян, начинает в конце XVI века рассматриваться как явление невыгодное и вредное в податном отношении, так как при массовых передвижениях крестьян исполнение ими государственных и владельческих повинностей должно было страдать, чем неизбежно подрывались интересы царской казны и ее военных слуг. Указная практика московского приказа не вмешивалась в эти отношения, поскольку они не задевали казенного интереса и оберегали только интересы тягла, предоставляя владельцам и крестьянам самим регулировать свои счеты и отношения так, как они хотят и умеют это делать.

Разрешая договаривавшимся сторонам самим устанавливать свои отношения, московский закон отдавал договаривавшегося с владельцем крестьянина на произвол последнего, так как владелец в таких договорах был сильной стороной. Московский закон еще в первой половине XVII в. начинает уже поддерживать претензии владельцев сделать договоры землевладельцев с крестьянами нерасторжимыми, так как московская власть в прочном закреплении таких сделок видит более надежное обеспечение своих податных интересов, чем при сделках текучих и изменчивых. Ближайшей наиболее легкой добычей для захвата в крепостную неволю становятся

нетяглые крестьянские дети, которых владелец сам должен был устраивать на пашню и которые поэтому легко приравнивались в бытовой практике детям холопов, считавшихся по принятому тогда взгляду крепкими владельцу, если они родились во дворе господина, и являвшихся холопами уже в силу самого факта своего рождения во владельческой усадьбе.

Так, по толкованию Василия Осиповича, сделались в «крестьянской крепости» к концу XVII века частнодоговорные и государственно-правовые мотивы, и крепость эта сделала крестьянина, вольного арендатора XV и даже XVI вв. (не говоря уже о более ранних временах), наследственной и потомственной собственностью его крепостных владельцев.

Вскрыв эту, дотоле находившуюся в тени, сторону процесса, исследователь выявил сложность этих отношений и показал весьма значительную роль в оформлении крепостного права на крестьян права холоповладельческого, долгое время приучавшего и в конце концов действительно приучившего и самих владельцев и московское правительство смотреть на владельческого вотчинного или поместного крестьянина, как на холопа, издавна, по общему взгляду древней Руси, составлявшего собственность своего владельца.

Вопрос о земских соборах в Московском государстве давно занимал русских историков и на эту тему была написана не одна хорошая ученая работа. В земских соборах видели и преемников древне-русского веча и новую форму совещания великого князя со своими дружинниками и т. д. Каждое из предлагавшихся решений имело некоторое правдоподобие, но ни одно не имело за собою полной исторической доказательности. Земские соборы начинают фигурировать в московских памятниках с 1550 года, когда молодой царь Иван IV стал править государством сам, а тогда уже давным давно забыли и о широком всенародном вече и о совещаниях между князьями и их дружинами: великие князья московские с XIV века правят государством, совещаясь только со своими боярами и ближайшими советниками, а не с дружиною и не с вечем. Неудовлетворенный такими общими, до него предлагавшимися расплывчатыми решениями, В. О. поставил задачу по иному: за отсутствием каких-нибудь общих уставов, учреждений, положений, даже простых разъяснений в грамотах о смысле созывавшихся земских соборов, надо было угадывать мысль, полагавшуюся в

основу нового учреждения, сбираемого в Москве, по косвенным признакам. Таким признаком В. О. считал самый состав представительства и по характеру состава старался угадать мысль, руководившую царем Иваном и его окружением при созыве земского собора. Первым собором, состав которого историкам известен, является, так называемый, Ливонский собор, созванный Иваном в один из трудных моментов войны за выход к Балтийскому морю в 1566 г. На этом соборе царь выслушал голоса разных групп служилых людей, твердо, даже резко, выразивших свое мнение о необходимости продолжать тяжелую и кровавую борьбу за Ливонию и за выход России к Балтийскому морю. Служилые люди разных уездов и разрядов ответили царю, что «за одну десятину Озерищского повета» (местности, прилегающей к Полоцку, тогда только-что завоеванному) они готовы «с коня служить и с коня головы свои положить». Анализируя списки членов этого собора 1566 г., В. О. выяснил, что участники его были приглашены на собор не по полномочию населения, как избираются в наше время участники представительных учреждений, а по своему должностному положению, как представители военного командования, как начальники отдельных частей войск, командный состав, и что это был род широкого военного совета, на котором подававшие свои голоса служилые люди выступали как эксперты относительно положения дел на фронте и как начальники, бравшие на себя моральную и служебную ответственность за правильное выполнение взятых ими от лица им подчиненных воинских частей обязательств.

Собор 1566 г. был, следовательно, собранием не политических уполномоченных от русского общества, а собранием правительственных агентов, призванных по должности, в качестве экспертов высказаться относительно годности предлагаемой правительством меры.

Несколько иной характер имел собор, избравший на царство Бориса Годунова в 1598 г. Путем тщательного анализа состава этого собора (а от него тоже сохранилась только грамота об избрании Бориса царем да рукоприкладства членов собора), Ключевский приходит к выводу, что и этот собор по своему составу на десять десятых был повторением собора 1566 г., т. е. собранием должностных лиц, со включением, как и в первом случае, боярской думы в полном составе и, так называемого, «освященного собора,» т. е. патриарха с архиереями, архимандритами и другими духовными лицами. Но на соборе 1598 г. заметно и присутствие уже настоящих выборных представителей в нашем смысле слова, посланных из среды уездного дворянства, которому в данном случае первому изо всего московского населения досталось право иметь своих политических представителей в позднейшем государственно-правовом смысле слова. Мы ничего не можем сказать ни о настроении членов этого избирательного собора, ни о выступлениях на его заседаниях, но путем микроскопического анализа Ключевский установил сказавшуюся в подборе членов собора 1598 г. общую эволюцию учреждения, пополненного в придаток к лицам, явившимся на собор по военной или административной должности, еще и представителями правившего уездными делами городового дворянства. Но придаток этот количественно очень незначителен: в нем можно насчитать человек 49 на весь состав собора, в котором сам Ключевский насчитал 512 человек, а другие исследователи (Соловьев, Беляев, Загоскин, Латкин) насчитывали и того меньше — только 456—474 человека [1]).

В созыве земских соборов Ключевский видел одно из проявлений новой в истории Московского государства мысли о государственно-правовой ответственности всей московской администрации. Ранее эта идея ответственности в московском обычном обиходе известна мало: из прежнего вотчинного порядка Московское княжение превращается в порядок, заслуживающий названия уже порядка государственного в нашем современном смысле слова путем длинного ряда мер. Эти новые меры состояли в переходе к общественно-государственной борьбе с уголовными преступлениями, в укреплении системы ответственности населения за исправное несение военной и финансовой повинностей, в переходе к денежному вознаграждению служилых людей за счет государственных сборов, в отмене кормлений и т. д. — словом земский собор XVI в. был лишь одним из звеньев новой общей системы, настойчиво проводимой Иваном IV в течение трех с лишком десятков лет при постоянном тяжелом напряжении русского народа для ведения шедшей на западном фронте Ливонской войны.

Так была поставлена задача изучения земских соборов Ключевским: вместо глазомерных подходов импрессионист-

[1]) Разногласие это является следствием сбивчивости дошедших до нас документов.

ского характера, преобладавших у прежних исследователей, среди которых можно назвать весьма высоко стоящие в науке имена Соловьева, Чичерина, Загоскина, — автор исследования «О составе представительства земских соборов» подошел к теме гистологически, изучая ту сторону, на которую сравнительно мало обращали внимания, и которая была ключем к самой идее учреждения.

Обратимся теперь к наиболее известному и наиболее яркому труду Ключевского, его знаменитому «Курсу русской истории», давно переведенному на многие европейские языки и заслужившему себе почетную мировую известность.

Этот гениальный труд Ключевского охватывает в своих изданных частях русскую историю от древнейших времен до середины XVIII века. К сожалению, автор не успел обработать вторую половину XVIII и первую часть (до 1861 года включительно) XIX в., закрепленную только в очень несовершенных студенческих литографиях.

Курс Ключевского установил новую для того времени периодизацию основных процессов русской истории, построенную на географических и экономических признаках, характерных для отдельных периодов. «Периоды нашей истории, — говоря словами самого Ключевского, — этапы, последовательно пройденные нашим народом в занятии и разработке доставшейся ему страны до самой той поры, когда, наконец, он посредством естественного нарождения и поглощения встречных инородцев распространился по всей равнине и даже перешел за ее пределы. Ряд этих периодов — это ряд привалов или стоянок, которыми прерывалось движение русского народа по равнине, и на каждой из которых наше общежитие устроялось иначе, чем оно было устроено на прежней стоянке». Ключевский различает четыре таких этапа: 1) Русь Днепровская, городовая, торговая с VIII по XIII в., 2) Русь Верхне-волжская, удельно-княжеская, вольно-земледельческая с XIII по XV в., 3) Русь великая, Московская, царско-боярская, военно-земледельческая с XV по XVIII в., 4) Всероссийская империя, императорско-дворянский период хозяйства крепостного, земледельческого и фабрично-заводского. Отсюда видно, что Ключевский, скончавшийся в 1911 году, не считал еще возможным включить в свою периодизацию того 5-го периода, который начался с первой революции 1905 года и не успел найти своего оформления

до кончины автора, на шесть с половиной лет упредившей нарождение Советской власти и Советского строя, сказавшего вскоре затем на весь мир свое мощное слово. Незаконченным осталось в Курсе даже изображение четвертого периода истории Всероссийской империи с ее крепостным хозяйством и нарождением в ней фабрично-заводской промышленности: автор не успел дать очерка второй половины XVIII века, остановившись перед моментом полного оформления дворянского строя при Екатерине II, ибо изданный после смерти автора 5-й том Курса уже не отличается мастерской отделкой, свойственной первым четырем томам Курса. [1])

I-й том охватывает обзор русской истории, начиная с расселения восточных славян из своих карпатских гнезд, полагаемых Ключевским за их исконное местожительство, на восток по просторам великой русской равнины. Автор изучает социально-экономические и юридические последствия этого расселения: распад родового строя, замену его новым дуалистическим княжеско-городовым укладом, в котором над раскиданными в бесчисленном количестве отдельными дворами, объединявшими уже не родовые, а крупносемейные единицы, стали подниматься более крепкие и политически более притязательные организации торговых городов, разбросавшихся по «речному хребту» западной части нашей равнины — Днепру и его притокам. Новый экономический и социальный строй породил и новый политический уклад, в котором главную роль играли торговые города. Деятельность первых русских князей — рюриковичей определяется заданиями, возникающими из их роли защитников и проводников торговой политики городов, выросших к X веку длинной цепью от Балтики на юг, по Днепру и его главным притокам.

Для изучения гражданского строя русского общества Ключевский широко использует юридическое содержание Русской Правды, в которой он видит кодекс правившего тогда русским городом, а через город и селом, денежного капитала. Такое значение капитала в Русской Правде, замечает Ключевский, сообщает ей черствый мещанский характер. Легко заметить ту общественную среду, которая выраба-

[1]) Советская власть уже дважды переиздавала Курс Ключевского — в 1918 г. и в 1936 г.

тала право, послужившее основанием Русской Правды: это был большой торговый город. Село в Русской Правде остается в тени, на заднем плане: ограждению сельской собственности отведен короткий ряд позднейших статей Правды. В политической жизни руководящей силой был торговый город со своим вечем и здесь, в частном гражданском общежитии, является тот же город с тем, что он работал — с торгово-промышленным капиталом.

Вторая половина первого тома Курса посвящена изображению глубокого кризиса, пережитого днепровской Русью в XII веке, вызвавшего ее запустение и уход массы населения на дальний северо-восток, на верховья Волги и Оки. Эта мощная миграция, «колонизационный перелет», как его любил называть сам Ключевский, вызвал к жизни огромную область на северо-востоке равнины и породил, так называемый, удельно-вечевой или, как мы теперь обычно говорим, феодальный порядок.

Наиболее существенными чертами этого нового порядка, сложившегося в XIII—XIV вв. на северо-востоке нашей равнины, с центрами сначала в Ростове-Суздале, потом Владимире, и, наконец, прочно в Москве, Ключевский считал образование великорусской народности, явившейся сплавом из основного ядра славян, пришедших сюда с юго-запада и прочно сросшихся и спаявшихся с местными урало-алтайскими племенами, часть которых, обрусев, полностью вошла в состав великорусской народности. Политическими следствиями были — образование удельных владений, прочно, из поколения в поколение, принадлежащих данной княжеской веточке, размножившихся к XV в. до нескольких тысяч человек рюриковичей, из которых многие линии постепенно растеряли свои наследственные владения и попали в служебную зависимость от более удачливых представителей того же княжеского рода. Крестьянство не было прикреплено и могло передвигаться по всей территории тогдашней Руси, странствуя из удела в удел в качестве вольных арендаторов княжеской или боярской земли, благо границы отдельных уделов перепутывались и пересекались между собою самым причудливым образом. Боярство и вообще военные слуги, служившие удельным и великим князьям, связаны были со своими династическими возглавителями—рюриковичами только отношениями договора, а не неразрывного и не могущего быть по произволу прекращенным политического подданства, и могли, поэтому, менять своих договорных хозяев. Отрицательными следствиями этого нового уклада были разъединение и распадение тогдашнего общества на отдельные ячейки и его культурное одичание: интересы направлены на самооборону или на подстерегание слабого соседа, на захват его владений и т. п., а забота об общем благе чувствуется очень слабо, татарское иго, накрывшее это морально опустившееся общество, вызвало обострение внутренней борьбы и еще большее ожесточение в сведении личных счетов.

На смену этому порядку, органически вырастая из него, развивается новый державный строй с центром в Москве, постепенно объединяющий уже всю великорусскую народность, овладевающий водной артерией Волги и постепенно втягивающий в орбиту своего централизованного строя и западную, украинскую, ветвь русского народа. Это новое мощное державное объединение нашло свою программу и определило свой политический путь в XVI в. В царствование Ивана IV было сокрушено мешавшее этому ходу дел своими настроениями и выступлениями старое феодальное боярство, неспособное изжить свои удельные претензии, и Московское государство создало новый мощный, состоявший из нескольких десятков тысяч человек, служилый класс дворян и детей боярских. Москва постепенно провела в систему местного и центрального управления мотивы ответственности за исполнение служебных обязанностей по государственным поручениям в отпор старому феодальному взгляду на суд и на администрацию, как на частно-правовое соглашение, в котором на первом месте был вопрос о содержании сажаемого на кормление должностного лица, а не исполнение государственных функций. Новый строй Московского государства оказался достаточно силен, чтобы поставить и решить вопрос о присоединении к общему центру западной ветви русского народа, украинцев, в пределах восточного берега Днепра с городом Киевом на правом, отбить напор татар и турок и энергично выдвинуть, хотя пока (в XVII в.) еще не решить, задачу овладения побережьем Финского залива. Последнюю задачу поставила и решила уже централизованная империя Петра, располагавшая мощной регулярной армией, флотом и бюрократически организованным классом специально подготовленных исполнителей — чиновников. Укрепление этого нового имперского строя повлекло за собой порабощение крепостным ярмом многомиллионной массы владельческих крестьян, соз-

дание класса посессионно-заводских рабочих и расцвет дворянско-буржуазной Российской империи второй половины XVIII и первой половины XIX века. Ключевский ограничился в своем печатном издании Курса половиной XVIII века, хотя в литографированных изданиях лекций его блестящим рассказом охвачена даже реформа 19 февраля 1861 г.

Курс Ключевского равно захватывает читателя как логической стройностью схемы, опирающейся на общую социально-экономическую характеристику данной социальной формации, так и тонким и глубоким анализом отдельных действующих лиц, щедро разбросанным на протяжении Курса и иллюстрирующим его общее изложение. Эти свойства Курса широко известны и давно сделали Курс одной из любимых настольных книг советской читающей публики.

Научное и литературное наследие Ключевского далеко не исчерпывается теми работами, общий обзор которых мы сейчас сделали: ему принадлежит многое множество исследований, очерков, речей, статей литературного характера, из которых отметим, как наиболее яркие, статьи: «Евгений Онегин и его предки», «Добрые люди древней Руси», «Значение преп. Сергия для русского народа и государства», «Недоросль Фонвизина», «Грусть» (Лермонтов), «Императрица Екатерина II», «Петр Великий среди своих сотрудников». В этих статьях отразилась вся многогранность и гибкость таланта Ключевского: он показал себя в них не только тонким аналитиком-исследователем, но и виртуозом стиля, умевшим передать любой оттенок изучаемого им характера, подобно тому, как живописец умеет несколькими штрихами наметить характерные особенности изображаемой фигуры или лица. Читая эти статьи трудно решить, что в них сильнее, глубина ли проникновенного анализа, вскрытие ли внутренней природы характеров, действовавших в истории лиц, или мастерство в передаче сделанных исследователем наблюдений образным пером мастера-историка.

На образцах аналитической работы Василия Осиповича и на его художественных приемах воспроизведения прошлого долго и плодотворно будут учиться понимать, ценить и любить свое родное прошлое русские люди. Значение его произведений высоко оценено Советской властью, издавшей отлично в типографском отношении выполненное и комментированное учениками В. О. (с точки зрения использования Ключевским источников) издание Курса русской истории.

Нельзя не поражаться огромной начитанности Ключевского в использованных им в Курсе источниках. Без преувеличения можно сказать, что нет такого документа древней, средней и даже новой русской истории, который не был бы учтен и при случае использован автором Курса. Какое-нибудь забытое житие святого XIV века, случайная приписка на полях летописи, дремучий лес писцовых книг и т. д. — все используется автором Курса, если в документе чувствуется биение жизни и если памятник может дать полезные для изобразителя краски. Вся эта пестрая мозаика бесконечно разнообразных сведений синтезируется, ставится в перспективу, складывается с несравненным мозаическим искусством историком в картину, дышащую правдой и играющую яркими красками подлинной жизни.

VI.

До конца своих дней, будучи уже знаменитым ученым с мировой славой, общепризнанным главой всей современной русской историографии, Ключевский сохранил в своем обиходе привычки бедной и невзыскательной молодости: ездил по железной дороге в 3-м классе, останавливался при поездках на лекции в Загорск (в Духовную Академию) в том же номере гостиницы, в котором начал останавливаться молодым доцентом Академии в 1870 г., в 50 коп. ценою, одевался у дешевого домашнего портного, шившего на него его диковинные куртки и панталоны уездно-сельского облика, так что по внешнему виду знаменитый, всей России известный, ученый не отличался от любого опрятно одетого мастерового.

В практической жизни Ключевский был совершенно беспомощен: погруженный в свою научную и преподавательскую работу, он не знал этой практической стороны жизни и не умел справляться с нею. До тонкости изучив стоимость денег в Киевской или Московской Руси, он, вероятно, не знал цен продуктов на современном рынке. Его опекуном и защитником от докуки житейских мелочей, наплыва непрошенных посетителей и поклонников была его скромнейшая старушка жена Анисия Михайловна, с которой в мире и ладу он прожил сорок лет, сумевшая создать ему тепло и уют для научной работы в годы, когда ей приходилось держать на строгом учете каждую копейку, чтобы только как-нибудь

свести концы с концами и не заставить В. О. обременять себя дополнительной работой ради житейских надобностей. Единственным нарядным украшением невзрачного и холодного домика на Житной улице (ныне уже давно не существующего) был довольно значительный для Москвы садик в глубине двора. Это была обстановка скромного преподавателя средней школы, лишенная всякого намека не только на роскошь, но даже и на простой комфорт, к которому В. О. относился почему-то с враждебностью, точно подвижник церкви в изученных им житиях святых. До своей предсмертной болезни он обходился даже без особой кровати и спал всегда в кабинете на диване и сам раскидывал для ночлега скатанную на день постель. На столе его не было никакого особого письменного прибора, а стоял простой 5-ти копеечный пузырек с чернилами. Эта скромность отнюдь не была связана со скупостью: Ключевский всегда готов был помочь нуждающемуся студенту или курсистке, а просто была впитана им в дни его бедной молодости и стала как бы его натурой. Единственной роскошью скромной квартирки, если это можно назвать словом роскошь, В. О. был большой портрет масляными красками, написанный с него московским художником Шервудом, принесенный им в дар своей модели и висевший в комнате Анисии Михайловны.

До 1901 года, пока он занимал должность профессора Московского университета, Ключевский являлся в аудиторию всегда в обязательном в те времена виц-мундире (синем очень потертом форменном фраке с бронзовыми пуговицами). Превратившись в заслуженного сверхштатного профессора, он стал читать лекции, по тогдашнему положению на правах приват-доцента, в сюртуке и никогда не имел того костюма, который носит название пиджака. Дома В. О. ходил всегда в домодельной не то тужурке, не то кофте, спускавшейся на его худенькой фигурке чуть не до колен. Невзыскательность, скромность, глубокая органическая, безыскусственная нетребовательность проглядывала во всем домашнем обиходе, в его старенькой, поношенной до предела шубе, в его дешевой шапке, в его обуви, купленной, вероятно, в ближайшем магазине, а не там, где ее покупали разборчивые люди, на Кузнецком или на Неглинном. В. О. курил ходячие студенческие папиросы, писал на самой дешевой бумаге и часто довольствовался томительным передвижением на убогой московской конке с ее бесконечными простоями чуть не на каждом разъ-

езде, забираясь, если не было дождя и снега, на «империал». За столом у Ключевского иногда подавали дешевое кахетинское вино, которое привозилось из погребка на Тверской и смешивалось самим В. О. по какому-то особому им изобретенному рецепту. Разбавляя кисленькое красное вино сладковатым белым, В. О. получал этим способом смесь, которую шутя именовал своей «мадерой».

Значение научных исследований В. О. весьма велико. Его зоркий глаз умел находить и фокусировать незамечавшиеся ранее другими исследователями задания, подвергать их тонкой, как говорится, микроскопической обработке и находить ключ к историческому пониманию там, где раньше и не искали его. Так, он умел вылавливать из трафаретных сказаний и житий какого-нибудь русского святого ценнейший бытовой материал, в шаблонных крестьянских порядных находить решение вопроса о возникновении крепостного права, бросающее свет на ту сторону жизненных явлений древней Руси, на которую до него не обращали внимания. Совершенно также, на основании списка членов земского собора 1566 г., путем сопоставления этого учреждения с рядом других учреждений Московского государства, В. О. умел раскрыть одну из сторон древне-русского государственно-правового миросозерцания, ранее не обращавшую на себя должного внимания исследователей истории этого учреждения. Велико было мастерство В. О. и в умении интерпретировать органически всякое изучаемое явление в связи и сцеплении с другими жизненными процессами, характеризующими данный период русской истории. Параллельно с тонким и глубоким анализом Ключевский мастерски умел выявить самые характеры людей той эпохи, к которой данное учреждение или данный правовой уклад относились. Это искусство проникновения в глубины народных переживаний сообщает удивительную прелесть многим вдохновенным страницам его Курса русской истории и многим его статьям литературного характера. Напомню читателям яркие характеристики царей Ивана IV, Алексея, Петра I, патриарха Никона, Евгения Онегина, как литературного типа, Лермонтова, как представителя известного настроения русского общества, Фонвизина с его Недорослем и Бригадиром, Болтина и многое множество этюдов, отдельных штрихов, глубоких проникновений, мелких обобщений, разбросанных по многочисленным трудам В. О. и навсегда сделавших его произведения классической шко-

лой творческой и пытливой научной мысли, а его блестящее, столь простое и бесхитростное по виду, но захватывающее читателя своим изяществом и тонкостью изложение — классическим образцом русской прозы.

В личной жизни Ключевский был высоким примером независимого от мелочных и корыстных соображений расчета научного работника, ничего в смысле своего личного благополучия не добивавшегося. На однажды адресованное ему горячее приветствие студентов (в 1902 г.), призывавший своих слушателей к пытливому научному исследованию, Ключевский мог с полным правом сказать, что его поколение всегда высоко держало скрижали свободного научного исследования и ни перед кем не склоняло знамени независимой мысли. Независимости принципов научного искания соответствовала и независимость жизненной позиции В. О.: он никогда ничего не искал в смысле служебного возвышения и никакими выгодами положения или звания не интересовался, даже от звания академика он фактически отказался,[1]) а свой курс, который десятки лет в литографиях был одной из самых популярных и заманчивых для читающей публики книг, он начал издавать уже под самый конец жизни, хотя мог легко сделать это гораздо раньше, пожав в свое время сторицею выгоды от его продажи в России и от его переводов на иностранные языки. Не искал он популярности и внешнего успеха, довольствуясь своей «домашней» студенческой аудиторией и неизменно отказываясь за последние 20 лет жизни от каких бы то ни было публичных лекций, в 1880-х и 1890-х годах сопровождавшихся всегда громадным успехом. Чрезвычайно впечатлительный, он боялся и избегал всякого личного столкновения, стремясь осторожностью и сдержанностью отклонить все, что могло вызвать конфликт и возбудить неудовольствие в людях, с которыми ему приходилось иметь дело. Трудно было представить себе человека осторожнее, скромнее и деликатнее В. О. в его личном обращении.

Ключевский жил и действовал в течение четырех десятилетий, когда быстро шел к упадку и развалу старый строй императорской России. Ключевский видел и чувствовал признаки падения, но он вырос и сложился в уверенности, что как ни безобразен строй и режим царской России, сломить этого строя при его жизни, да может быть и при жизни сле-

[1]) Он удовольствовался званием „сверхштатного члена Академии Наук"

дующего поколения, все же не удастся, и людям его склада надо терпеливо ждать, пока падение этого режима не будет подготовлено ходом его собственного внутреннего разложения, многочисленные признаки которого были налицо. В этом была его научная и политическая ошибка: ясно понимая, что царско-дворянская Россия доживает последние сроки, возмужавший еще в 60-е годы, он долго не видел и не чувствовал близости окончательного ее кризиса. 1904 и 1905 годы многое ему открыли, и В. О., традиционно всегда очень сдержанный, особенно в вопросах большой политики, после получения известий о первых больших катастрофах царских армий и флота в войне с Японией, с глубокой скорбью воскликнул: «Они все, все погубят!», разумея под этим «они» Николая II и его жалкое окружение. Но откуда ждать решения? В этом вопросе Ключевский уже разбирался, ибо начинал понимать, что ни либерально-интеллигентское, ни буржуазное решение никакого серьезного выхода народу не обещают. Когда после роспуска I-й Государственной Думы в 1906 г., вместо революционного выступления, которого он ждал, властвовавшая в Думе либеральная «кадетская» партия не придумала ничего, кроме смехотворного Выборгского воззвания, В. О. с глубокой горечью говорил: «Пропущен ценнейший исторический случай свергнуть прогнивший порядок. Такие моменты не повторяются столетиями. Никакого противодействия со стороны петербургской своры бы и не было: они (окружение Николая II) сюртуков на депутатах не решились бы изорвать! А наши молодцы сумели только сочинить Выборгское воззвание!».[1])

Чутко понимая величие надвигавшейся революции (отдаленной от года смерти В. О. только шестью годами), глубоко сочувствуя ее наступлению, В. О. Ключевский, родившийся и выросший еще в безвременье эпохи Николая I, при крепостном строе, не мог вполне уловить грозного рокота молодых революционных сил, бурливших тогда в среде фабрично-заводского пролетариата, хотя они успели уже в предреволюционную эпоху, когда жил Ключевский, найти своих великих вождей, Ленина и Сталина, ныне ставших мировыми символами обновленной жизни всего человечества.

[1]) Выборгское воззвание 1906 г. призывало не платить царской власти податей и т. д., в то время, как фактическая власть оставалась полностью в руках еще не свергнутой тогда царской администрации, располагавшей всеми видами административного и военного оружия.

Кандидат исторических наук,
доцент ***О. А. Яковлева.***

К ИСТОРИИ ПСКОВСКИХ ЛЕТОПИСЕЙ

История одного важнейшего для истории СССР источника—рукописи XVII века, принадлежавшей В. Н. Собакину и Н. Н. Бантыш-Каменскому (хранящейся в Москве в Центральном Государственном Архиве Древних Актов в фонде Библиотеки Архива Иностранных Дел). *)

I.

В XVII веке в Москве жил окольничий Василий Никифорович Собакин.[1]) Он принадлежал к древнему служилому роду Собакиных, из которого происходила Марфа Васильевна Собакина — третья жена Ивана Грозного.[2]) Брак Грозного осенью 1571 года с Марфой Собакиной (которая умерла отравленной через две недели после заключения ее брака с царем) ввел Собакиных в придворный круг русского общества XVI—XVII веков, дав родне царицы Марфы высокие чины (боярина, окольничих, кравчего).[3]) Родная бабушка Василья Никифоровича Собакина (мать Никифора Сергеевича Собакина) — Ульяна Степановна Собакина — была мамкой царя Алексея Михайловича.[4]) Отец Василья Никифоровича Собакина — Никифор Сергеевич Собакин — дослужился до чина окольничего и умер в 1656 году.[5]) Брат Василья Никифоровича Собакина — Григорий Никифорович Собакин — дослужился до чина боярина.[6]) Окольничий Василий Никифорович Собакин умер в 1677 году и был погребен в Московском кремле в Чудове монастыре.[7]) Василий Никифорович был человеком просвещенным, любителем и собирателем рукописей.[8]) Среди рукописей его собрания находилась рукопись размером в четверть листа, заключающая в себе около 400 листов, писанная чернилами и киноварью различными почерками XVII в. и переплетенная в доски, обтянутые коричневой кожей, покрытой вытесненным орнаментом. Рукопись эта была снабжена застежками, сделанными из ремешков и металлических частей. Первая часть этой рукописи (три восьмых части ее) содержала в себе различные исторические известия (из которых многие касались г. Пскова) и копии с различных грамот.[9]) Вторая часть этой рукописи (пять восьмых частей ее) содержала в себе погодный Псковский летописец.[10]) В этой рукописи В. Н. Собакина различными почерками сделаны были следующие надписи чернилами и киноварью, дошедшие вместе со всей рукописью до наших дней: перед началом первой части рукописи написано: «Книга сия о начале княжении руския земля Стольника Василия Никифоровича Сабакина» и «Труды Козины» (последняя надпись повторена дважды); на нижних полях листов 1, 2, 7, 15, 23, 29, 38 и 39 этой же первой части рукописи—видимо рукою самого Собакина—написано: «Книга летописец перечневой Василья Микифоровича (другим почерком: «Никифоровича») Сабакина»; перед началом второй части рукописи написано: «Книга сия летописец стольника Василья Никифоровича Собакина. Тщание и труды грешнаго раба Богоявленского дьячка из Бродов Ондрюшке Ильина по реклу Пофы» и сверху над словом «Пофы» написано «Козы» («Пофа» есть написанное тайнописью слово «Коза»)[11]).

В 1647—1650 годах окольничий Никифор Сергеевич Собакин был воеводою во Пскове.[12]) Вероятно молодой сын его — Василий Никифорович Собакин, находившийся в это время в чине стольника — жил в эту эпоху вместе с отцом во Пскове и здесь приобрел данную рукопись. «Бродами» называлось урочище во Пскове.[13]) Псковская церковь Богоявления в Бродах упоминается в летописи.[14]) Андрей Ильин по прозвищу «Коза» («Пофа») был дьячком этой церкви — вероятно в то самое время, когда Никифор Сергеевич и Василий Никифорович Собакины жили во Пскове. Один из тех почерков, которыми писана эта — принадлежавшая В. Н. Собакину рукопись — должен быть почерком дьячка Андрея Ильина по прозвищу «Козы»; кроме того, Андрей «Коза» возможно собрал воедино и остальные части рукописи, писанные различными почерками (может быть по его же заказу) — и поэтому вся рукопись считалась «тщанием и трудами» богоявленского дьячка Андрея Ильина по прозвищу «Козы»,

*) Примечания см. в конце статьи.

или «трудами Козиными». В XIX—XX веках эта Собакинская рукопись стала знаменита в качестве источника истории нашей Родины. Кому досталась эта рукопись после смерти в 1677 году Василья Никифоровича Собакина — мы не знаем. Во второй половине XVIII века рукопись эта принадлежала нашему знаменитому архивисту Николаю Николаевичу Бантыш-Каменскому. В 1791 году Н. Н. Бантыш-Каменский подарил эту рукопись Библиотеке Московского Архива Иностранных Дел. При этом он перенумеровал листы рукописи арабскими цифрами (391 лист) и вклеил между верхней доской переплета рукописи и ее началом лист голубоватой бумаги. На этом листе он написал: «Перечневая Российская Летопись из Библиотеки Стольника Василья Никифоровича Собакина, содержащая в себе: 1-е Выписки из древнейших и новейших летописей без наблюдения порядка в годах. 2-е Полную и по годам расположенную Псковскую летопись, Богоявленским из Бродов дьячком Андреем Козою списанную. Внесена в библиотеку кольлегии иностранных дел Московскаго архива канцелярии советником и кавалером Николаем Николаевичем Бантышь-Каменским 1791-го на «391» листах».

В первой четверти XIX века наш знаменитый историк Николай Михайлович Карамзин писал свою «Историю Государства Российского». При этом он пользовался этой рукописью, принадлежавшей сперва Собакину, а затем Бантыш-Каменскому. Он пишет об использовании им этой рукописи в начале своей «Истории» (в главе «Об источниках Российской истории до XVII века») и множество раз ссылается в «Истории» на эту рукопись.

Карамзин называл эту рукопись: «Псковским Летописцем Архивским Н. Н. Бантыша-Каменского» (или кратко «Архивским Псковским Летописцем» и просто «Псковским Летописцем»).[15]) Карамзин испещрил рукопись Собакина (Бантыш-Каменского) своими пометками — большею частью поставленными им чернилами (иногда карандашом и ногтем) — в виде крестов, черточек, надписей — против тех мест текста рукописи, которые он использовал.[16]) Между листами рукописи 134 и 135 до наших дней сохранилась закладка Карамзина — кусочек черновика его «Истории».[17])

Среди рукописных собраний СССР находятся рукописные копии первой половины XIX века рукописи Собакина (Бантыш-Каменского).[18])

II.

После того, как рукописью пользовался Карамзин, кто-то (видимо историк М. П. Погодин—как мы сейчас увидим—в 1837 году издавший вторую часть рукописи)[19]) разрезал ее вдоль корешка на две части. Разрез этот разделил рукопись на первую ее часть —заключающую в себе листы с 1-го по 146-й (различные исторические известия, из которых многие касались г. Пскова и копии с различных грамот)[20]) и на вторую ее часть—заключающую в себе листы с 147-го по 391-й, т. е. по конец рукописи (погодный Псковский летописец).[21]) Нижняя доска переплета, обтянутая коричневой кожей с тиснением, вместе с частью кожаного корешка переплета остались прикрепленными ко второй части рукописи. Верхняя доска переплета — тоже обтянутая коричневой кожей с тиснением—была оторвана от первой части рукописи и приложена (но не прикреплена) тоже ко второй части рукописи. В этой второй части рукописи нумерация листов была изменена (видимо тем же Погодиным)—лист 147-й стал 1-м, 148-й—2-м, 149-й—3-м и так далее до последнего 391-го листа, который стал 243-м (при этом старые номера листов были зачеркнуты и рядом написаны были новые номера листов). Эта вторая часть рукописи получила в Библиотеке Архива Иностранных Дел № 69/92 (90). При первой части рукописи тоже сохранилась часть кожаного корешка переплета рукописи и поверх этого корешка эта первая часть рукописи была переплетена в новый картонный переплет, оклееный сине-черной бумагой с корешком и углами из коричневой кожи. Эта первая часть рукописи в Библиотеке Архива Иностранных Дел получила № 447/915. Лист с надписью Бантыш-Каменского остался при первой части рукописи — только число листов рукописи, указанное на нем Бантыш-Каменским — «391» — было переправлено на «146», т. к. эта первая часть рукописи содержала в себе только 146 листов.[22]) Со временем лист с надписью Бантыш-Каменского был вырван из этой первой части рукописи и положен отдельно в рукописный каталог рукописей Библиотеки Архива Иностранных Дел, составленный нашим знаменитым ученым Ундольским (№ 181) к описанию второй части рукописи — т. е. к описанию № 69/92 (90). Таким образом рукопись Собакина (Бантыш-Каменского) оказалась распавшейся на 4 части: 1) лист с надписью Бантыш-Каменского, 2) № 447/915, 3) № 69/92 (90)

и 4) верхнюю доску переплета, приложенную к № 69/92 (90). Архивисты и историки наши очень скоро забыли о том, что все эти части рукописи когда-то составляли одно целое — и рукопись больше чем на сто лет оказалась разбитой на 4 отдельных части, вводя в заблуждение наших ученых, считавших рукопись № 69/92 (90) и рукопись № 447/915 самостоятельными рукописями и не знавших о том, что обе эти рукописи когда-то составляли одно целое и были в 1791-м году подарены Библиотеке Архива Иностранных Дел Бантыш-Каменским.

III.

В 1837 году историк Погодин издал «Псковскую Летопись». В этом издании он напечатал вторую часть рукописи Собакина (Бантыш-Каменского) — № 69/92 (90). На страницах 8—9 предисловия к этому изданию Погодин описал рукопись № 69/92 (90) и упомянул о том, что она пожертвована в Библиотеку Архива Иностранных Дел Бантыш-Каменским, [23]) но ни слова не сказал о первой части рукописи Собакина (Бантыш-Каменского) — № 447/915. Издатели «Полного Собрания Русских Летописей» не знали о том, что рукописи Библиотеки Архива Иностранных Дел № 69/92 (90) и № 447/915 составляли когда-то единую рукопись, а также не знакомы были с листом с надписью Бантыш-Каменского, вырванным из этой рукописи. Поэтому, издавая в 1848 году рукопись № 69/92 (90) в IV томе «Полного Собрания Русских Летописей» (см. стр. 169 и 172 т. IV ПСРЛ) и, издавая в 1851 году часть рукописи № 447/915 в V томе «Полного Собрания Русских Летописей» среди «Прибавлений к Псковским Летописям» (см. стр. 6 предисловия к V тому ПСРЛ и стр. 49 этого тома), они не указали того, что рукописи № 69/92 (90) и № 447/915 когда-то составляли одно целое и в 1791 году были подарены Библиотеке Архива Иностранных Дел Бантыш-Каменским.

В 1941 году А. Насонов выпустил труд, озаглавленный «Псковские Летописи» (издание Института Истории Академии Наук СССР). В этом труде Насонов неоднократно и подробно (см. например, стр. 6—8 и 21—23 введения) останавливается и на рукописи № 69/92 (90) и на рукописи № 447/915, называя первую «Архивским 2-м списком» Псковской летописи, а вторую «Архивским 3-м списком» Псковской летописи. Из труда Насонова видно, что ему неизвестно то, что эти рукописи когда-то составляли единую рукопись и, что рукопись эту подарил Библиотеке Архива Иностранных Дел Бантыш-Каменский, неизвестен лист с надписью Бантыш-Каменского.

IV.

Работая над темой: «Исторические источники «Истории Государства Российского» Николая Михайловича Карамзина» я в 1945 году обнаружила: 1) что Карамзин пользовался при писании им «Истории» и рукописью № 69/92 (90) и рукописью № 447/915 и пользовался ими как одной целой рукописью [24]) и 2) что Карамзин знал, что рукопись эта была подарена Библиотеке Архива Иностранных Дел Николаем Николаевичем Бантыш-Каменским — т. е. был знаком с вклеенным в рукопись листом с надписью Бантыш-Каменского. Обнаружив это, я обследовала рукопись № 69/92 (90) и рукопись № 447/915 и убедилась, что они прежде несомненно составляли одну общую рукопись. [25]) Затем мне удалось здесь же, в Центральном Государственном Архиве Древних Актов, найти вырванный из рукописи № 447/915 лист с надписью Бантыш-Каменского, [26]) который я вклеила на его прежнее место в рукопись № 447/915. Рукопись № 69/92 (90) и № 447/915 положены мною на вечные времена в общую папку за № 69/92 (90). Таким образом отдельные части знаменитой в нашей историографии рукописи Собакина (Бантыш-Каменского) через 100 с лишним лет после их разъединения опять собрались воедино. Можно сожалеть лишь об одном: верхняя доска переплета Собакинской рукописи, обтянутая коричневой кожей с тиснением, сохранявшаяся при рукописи № 69/92 (90), но не прикрепленная к этой рукописи, в 1941 году еще существовала (о чем мне сообщил старший научный сотрудник Центрального Государственного Архива Древних Актов В. Н. Шумилов и что видно из вышеуказанного труда Насонова «Псковские Летописи» — стр. 7 введения, строка 8—16 сверху). Ныне же доски этой в ЦГАДА пока не найдено, хотя не исключается то, что она еще будет найдена, а в случае нахождения она будет вложена в эту же папку № 69/92 (90). Утрата этой доски не представляет особенной беды, т. к. Насонов на вышеуказанных строках 8—16 сверху стр. 7 своей работы приводит все надписи, на-

ходящиеся на этой доске. В папку № 69/92 (90) вложена, составленная мною, объяснительная записка, рассказывающая все вышеизложенное. На место, прежде занимаемое рукописью № 447/915, поставлено, написанное мной, объяснение того, что рукопись № 447/915 присоединена к рукописи № 69/92 (90); в рукописном каталоге рукописей Библиотеки Архива Иностранных Дел, составленном Ундольским (№ 181) на карточках, относящихся к рукописи № 69/92 (90) и к рукописи № 447/915 помещены такие же, написанные мной, объяснения. Директор Центрального Государственного Архива Древних Актов — Владимир Захарович Джинчарадзе вынес мне письменную благодарность за мое открытие. После этого открытия рукопись № 69/92 (90) и рукопись № 447/915 должны упоминаться в наших исторических исследованиях, как единая рукопись и называться рукописью: «Собакина (Бантыш-Каменского)».

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. См. поколенную родословную роспись Собакиных, указанную в моем примеч. 5-м и то, что указано в моем примеч. 7-м. См. также «Дворцовые разряды», т. III, стр. 205 — под 7159-м годом Василий Никифорович Собакин упомянут в чине стольника.

2. См. древние родословные служилого рода Собакиных (в которые включен Василий Никифорович Собакин) — например, в «Известиях Русского Генеалогического Общества», вып. 4, СПБ, 1911 г., стр. 86—89 и в рукописи собрания Уварова, указанной мною в моем примечании 4-м. Род Собакиных и род Нагих имели общий корень и см. древние родословные служилого рода Нагих здесь же. Из этого рода Собакиных происходила Марфа Васильевна Собакина — третья жена Ивана Грозного, из этого рода Нагих происходила Марья Федоровна Нагая — седьмая и последняя жена Грозного. Имея общего родоначальника, эти жены Грозного были в отдаленном родстве между собой. Карамзин (и, повторяя Карамзина, целая плеяда историков и писателей — например, историк Соловьев в «Истории России» (т. VI, глава VII), писатель Мей в пьесе «Царская невеста» (опера Римского-Корсакова) и многие другие ошибочно считали отца

Марфы Собакиной купцом Новгородским. Мною написано специальное историческое исследование, основанное на архивных изысканиях: «История третьего брака Ивана Грозного с Марфой Васильевной Собакиной». В этом исследовании: 1) я показала, что историки, писавшие до Карамзина, правильно указывали, что Марфа Собакина происходила из служилого рода Собакиных и, что об этом знали члены этого рода Собакиных, 2) я указала ошибку Карамзина и ее причину и 3) я доказала происхождение Марфы Собакиной из служилого рода Собакиных.

3. См. историю брака Грозного с Марфой Собакиной в «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина, в т. IX, в главе III. Мною написано специальное историческое исследование об этом браке, указанное в моем примечании 2-м. Во время свадьбы Грозного с Марфой Васильевной Собакиной в свадебном торжестве участвовало множество Собакиных — см. например, разряд этой свадьбы на листах 2—12 рукописи XVII века Московского Центрального Государственного Архива Древних Актов, фонда Библиотеки Архива Иностранных Дел за № 123/171 (принадлежавшей Собакиным— см. мое примеч. 8 в конце). Из этого свадебного разряда мы видим, что родной прадед Василья Никифоровича Собакина (дед отца его Никифора Сергеевича) — Степан Дмитриевич Собакин участвовал на этой свадьбе в свадебном поезде, брат его—Никита Дмитриевич Собакин—находился у постели новобрачных и ходил за санями, другой его брат — Иван Дмитриевич Собакин —участвовал в свадебном поезде и шел с осыпалом (см. об этих лицах поколенную родословную роспись Собакиных, указанную мной в моем примечании 5-м, стр. 87 низ и стр. 88 — отсюда видно, что все эти Собакины — как родня Марфы — служили у Грозного «в комнате» и были троюродными братьями Марфы—дочери боярина Василья Большого Степановича Собакина).

4. См. об этом «Русский Биографический Словарь», изд. Половцевым, статью В. Корсаковой на слова «Собакин Никифор Сергеевич» и И. Забелин «Быт цариц», изд. 1901 г., стр. 390. См. также замечательную в смысле полноты старинную родословную рода Собакиных, находящуюся в рукописи, хранящейся в Москве, в Историческом Музее, в рукописном отделе, в собрании Уварова за № 1515 (228) на листах 75—77 глава 36). Отсюда мы видим, что внучка Ульяны Степановны Собакиной — сестра Василья Никифоро-

вича Собакина — Анна — была мамкой знаменитой царевны Софии Алексеевны — сестры Петра I-го, а из вышеуказанного труда И. Забелина (стр. 390—391) видно, что она была женой кн. Лобанова-Ростовского. Кроме того, среди мамок царских детей во второй половине XVII века упоминается Анна Львовна Собакина (см. труд Забелина, стр. 391). В вышеуказанную родословную Уваровского собрания включена и царица Марфа из рода Собакиных и царица Марья из рода Наги.

5. См. о нем то, что указано в моем примечании 12-м, а также «Известия Русского Генеалогического Общества», вып. 4-й, СПБ, 1911 г., стр. 86—89 — поколенную родословную роспись Собакиных, поданную в Разряд 4 апреля 1682 г. боярином Григорьем Никифоровичем Собакиным. См. о нем также работу М. Н. Тихомирова «Псковское восстание 1650 г.» (1935 г.). Об отце его — Сергее Степановиче Собакине—см. «Полное Собр. Русск. Летописей», т. IV, стр. 332.

6. См. ту родословную роспись Собакиных, которая указана в моем примеч. 5-м.

7. См. И. Забелин «История Москвы», ч. I, Москва, 1902 г., стр. 300 и «Энциклопедический Словарь» Брокгауза и Ефрона, изд. I, статью на слово «Собакины». Сын Василия Никифоровича Собакина — Михаил—также имел чин окольничего (см. эту же статью в словаре).

8. Среди наших рукописных собраний мне неоднократно встречались рукописи из библиотеки В. Н. Собакина. См. например, рукопись Моск. Центральн. Госуд. Архива Древних Актов фонда Библиотеки Архива Иностранных Дел № 119/166 (описана в каталоге № 181 рукописей этой Библиотеки, во II части, на листах 23 и 24). См. «Летопись Занятий Археографической Комиссии» за 1903 г., вып. 16, стр. 112, 595 и 596. О хронографе, принадлежавшем Собакину, хранящемся в Ленинграде в Публичной Библиотеке — см. труд А. Попова «Обзор хронографов русской редакции», вып. 1 (Москва, 1866 г.), стр. 96 и вып. 2 (Москва, 1869 г.), стр. 272 (этот хронограф Собакин писал собственноручно). См. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище», 1906 г., стр. 190. Рукопись, принадлежавшая сыновьям Василья Никифоровича Собакина — Михаилу и Петру Васильевичам Собакиным — хранится в Центр. Госуд. Архиве Древних Актов среди рукописей Библиотеки Архива Иностранных Дел под № 123/171 (она описана на листе 28-м вышеуказанного каталога). Об этих сыновьях Василья Никифоровича Собакина см. поколенную роспись Собакиных, указанную в моем примеч. 5. Видимо собственноручная подпись Василия Никифоровича Собакина идет по нижним полям рассматриваемой нами рукописи № 447/915 и видимо его же рукой написано молитвенное изречение, относящееся к Богу и Николаю Чудотворцу — на внутренней стороне нижней доски переплета, рассматриваемой нами рукописи № 69/92 (90) — смотри указанный в моем примеч. 9-м труд Насонова, стр. 21 и 7 «Введения».

9. Подробное описание этой первой части см. в труде А. Насонова «Псковские Летописи» (издание Института Истории Академии Наук СССР, вып. I-й, 1941 г.) стр. 21—23 «Введения» (№ 447/915).

10. Подробное описание этой второй части см. в труде А. Насонова, указанном в моем примеч. 9, стр. 6—8 «Введения» /№ 69/92 (90)/.

11. См. об этом: «Полное Собрание Русских Летописей», т. IV, изд. 1848 г., стр. 169; А. Востоков «Описание русских и словенских рукописей Румянцовского Музеума», СПБ, 1842 г., стр. 544—545 и П. Кеппен «Список русским памятникам служащим к составлению истории и отечественной палеографии, собранным и объясненным Петром Кеппеном», Москва, 1822 г., стр. 111, № 160—164.

12. См. об этом: нашу рукопись Собакина (Бантыш-Каменского) листы: 234 (382) (оборот), 235 (383) (лицо), 236 (384) (лицо и оборот); «Полное Собрание Русских Летописей», т. IV, изд. 1848 г., стр. 337, 338, 339 (напечатано по этой же Собакинской рукописи); Карамзин «История Государства Российского», т. I, изд. 1818 г., стр. 30 главы «Об источниках Российской истории до XVII века» в примечании; «Русский Биографический Словарь», издаваемый Половцевым на слова «Собакин Никифор Сергеевич»; «Дворцовые разряды», т. III, стр. 68 и следующие (7155, 7156, 7157 г. г.). В эту эпоху сын его—Василий Никифорович был в чине стольника — см. мое I примечание.

13. См. об этом урочище: Карамзин «История Государства Российского», т. V, примеч. 254 и 386 (по указателю («Ключу») Строева) и по «Указателю к первым осьми томам Полного Собрания Русских Летописей (части географической)» стр. 16—17 на слово «Броды».

14. См. Карамзин «История Государства Российского», т. V, примеч. 254 и 386 (по указателю («Ключу») Строева) и упоминание этой церкви в первых 8-ми томах «Полного Собрания Русских Летописей» по указателю к этим томам, указанному в моем примеч. 13, стр. 520 указателя на слова «Церковь Богоявления Господня на Бродах».

15. Карамзин широко использовал эту летопись в своей «Истории Государства Российского». В примечании на стр. 29—30 предисловия к его «Истории» (см. «История», т. I, изд. 1818 г., предисловие это называется «Об источниках Российской истории») Карамзин написал о подробном Псковском Летописце: «у меня были четыре списка сей важной хроники: один Архивский Н. Н. Бантыша-Каменского из библиотеки стольника Василья Никифоровича Собакина, коего отец в 1648 году был воеводою Псковским; писан дьячком Андреем Козою, и доходит до 1650 года». Только во второй половине своей «Истории» (в томах VI, VII, VIII, IX, X, XI и XII) (не касаюсь первой части этой «Истории»—томов I, II, III, IV, V и VI) Карамзин использовал эту летопись более чем в ста примечаниях — это рассмотрено мною очень подробно в моей работе «Исторические источники «Истории Государства Российского» Николая Михайловича Карамзина», к которой приложены сравнительные таблицы текста этой летописи и текста примечаний Карамзина к его «Истории» — с указанием пометок, сделанных Карамзиным в подлиннике летописи. В примечаниях к тому 9-му: 3, 283, 294, 297, 298, к тому 10-му: 366, к тому 12-му: 164, 309, 310, 431, 514, 517, 521, 524, 528, 555, 559, 564, 582, 662, 807, 826, 827—Карамзин указывает использованные им листы рукописи «Архивной Псковской Летописи». Как исключение в примеч. 153 к тому VIII Карамзин в одном случае называет «Архивную Псковскую Летопись»—«одним летописцем». Об использовании Карамзиным «Архивной Псковской Летописи» — см. страницы труда Погодина, указанные в моем примечании 25-м.

16. Рукописи № 447/915 и № 69/92 (90), т. е. обе части рукописи Собакина (Бантыш-Каменского), имеют целый ряд отметок, сделанных красно-бурым карандашом — около известий, касающихся истории церкви; отметки эти, сделанные одним и тем же карандашом и одним и тем же почерком, несомненно сделаны тогда, когда обе эти рукописи составляли одно целое и, вероятно, сделаны кем-нибудь из историков русской церкви (может быть Евгением Болховитиновым или

Амвросием Орнатским, автором «Истории Российской Иерархии»?).

Карамзинские отметки и надписи находятся в рукописи № 447/915 в тексте и на полях — на листах (слово «лицо» сокращаю в «л.», слово «оборот»—в «о.»): 22 л., 24 л., 34 о., 35 о., 36 о., 38 о., 39 л. и о., 41-а л., 42 о., 44 о., 45 л., 49 о., 50 л., 52 о., 53 о., 54 о., 73 л., 77 о., 78 л. и о., 79 о., 80 л., 82 л. и о., 116 л., 119 о.

В рукописи № 69/92 (90) отметки и надписи Карамзина находятся в тексте и на полях на листах (указываю старую нумерацию листов): 156 л., 160 л., 165 о., 167 о., 169 л. и о., 170 л. и о., 171 л., 172 о., 173 о., 174 л. и о., 177 о., 180 л., 182 л., 184 л., 209 о., 215 о., 216 л. и о., 218 о., лист без старого №—новый № 87—о., 233 о., 234 л., 235 л., 236 о., 237 л. и о., 238 л. и о., 239 л., 240 о., 241 л., 242 л. и о., 243 о., 244 л. и о., 245 о., 246 о., 247 о., 249 о., 250 л. и о., 252 о., 254 л. и о., 255 о., 260 о., 262 л. и о., 263 л., 264 л., 265 л. и о., 266 л., 270 л. и о., 280 л., 281 л. и о., 284 о., 287 о., 289 л. и о., 290 л., 291 л., 293 л., 294 л. и о., 295 л., 299 л., 302 л., 304 л., 310 л. и о., 311 о., 313 о., 314 л. и о., 315 о., 317 л. и о., 318 л., 319 л. и о., 320 о., 321 л. и о., 322 л. и о., 323 л. и о., 324 л. и о., 325 л. и о., 326 л. и о., 327 л. и о., 329 л., 330 о., 345 о., 346 л., 347 л., 348 л. и о., 349 л. и о., 350 л. и о., 351 л. и о., 354 о., 355 о., 356 л., 357 л. и о., 358 л., 359 о., 360 л. и о., 362 л., 364 л., 365 л., 366 л., 367 о., 368 л. и о., 375 л.

В моем труде: «Исторические источники «Истории Государства Российского» Николая Михайловича Карамзина»—я указываю (даже воспроизвожу их внешний вид) отметки Карамзина в рукописях № 447/915 и № 69/92 (90). Кроме Карамзинских отметок—в рукописях № 447/915 и № 69/92 (90) много отметок позднейших издательских, сделанных в XIX веке, начиная со второй его четверти /Погодин издал № 69/92 (90) в 1837 г./; на обороте листа 190-го и на лице листа 192-го находятся пометки, сделанные почерком Погодина.

17. Кусочек этот вклеен мной в рукопись № 447/915 и к нему приложено написанное мной объяснение.

18. См. об этом труд А. Насонова «Псковские Летописи», (изд. Института Истории Академии Наук СССР), вып. 1-й, 1941 г., стр. 8, 29—31 и др. первой половины этого труда. См. также «Полное Собрание Русских Летописей», т. IV, изд. 1848 г., стр. 169 и стр. 337 в примечании. Копию первой по-

ловины XIX века части этой летописи (листы 333—342) см. в Москве в Центр. Гос. Архиве Древних Актов, в фонде «Главного Архива Иностранных Дел» среди портфелей А. Ф. Малиновского портфель за № 2 и в нем № 36.

19. Перед началом текста второй части рукописи /т. е. как указано ниже № 69/92 (90)/ приклеен лист бумаги XIX века и на этом листе рукой историка М. П. Погодина сделана длинная надпись, составленная им в качестве заголовка к этой второй части рукописи. Надпись эта приведена в труде А. Насонова «Псковские Летописи», 1941 г., стр. 7 «Введения», строка 17-23 сверху. Но А. Насонов не указывает, что надпись эта сделана почерком Погодина. Зачеркивание старой нумерации листов этой второй части рукописи и новая нумерация этих листов также сделаны почерком Погодина. Все это говорит за то, что именно Погодин разрезал рукопись на две части—это было нужно ему для удобства работы его над изданием второй части рукописи (первой части рукописи он не издал).

20. Подробное описание содержания этой первой части рукописи смотри в труде А. Насонова «Псковские Летописи», 1941 г., стр. 21—23 «Введения» (рукопись Архива Иностранных Дел № 447/915).

21. Подробное описание содержания этой второй части рукописи смотри в труде А. Насонова «Псковские Летописи», 1941 г., стр. 6—8 «Введения» /рукопись Архива Иностранных Дел № 69/92 (90)/.

22. Эта переправка цифры, указывающей число листов рукописи «391»—на «146»—несомненно сделана рукой М. П. Погодина. К этому заключению я прихожу и от того, что по-видимому Погодин разрезал рукопись на две части и от того, что цифра «146» поставлена почерком Погодина.

23. Следовательно, Погодин знал первую часть рукописи (№ 447/915) с вклееным в нее листом с надписью Бантыш-Каменского. Это опять-таки говорит за то, что именно Погодин разрезал рукопись на две части.

24. См. мое примечание 15 и 16.

25. Это ясно видно из следующего: 1) обе эти рукописи согласно надписям на них принадлежали стольнику Василию Никифоровичу Собакину и были созданы трудами дьячка Козы; 2) в конце рукописи № 447/915 и в начале рукописи № 69/92 (90) на свободных листах нарисованы одинаковые завитушки; 3) обе рукописи эти занумерованы подряд и одним и тем же

почерком, рукопись № 447/915 кончается листом «146», а рукопись № 69/92 (90) начинается листом «147»; 4) кожаный с рубцами корешок рукописи № 69/92 (90) и кожаный с рубцами (сверху обклеенный новой коричневой кожей) корешок рукописи № 447/915 одинаковы и при прикладывании этих корешков друг к другу ясно видно, что когда то корешки эти составляли одно целое и были отрезаны один от другого; 5) на концах корешков рукописей № 447/915 и № 69/92 (90) имеется одинаковая и несомненно когда-то общая—обшивка суровыми нитками; 6) рукописи № 447/915 и № 69/92 (90) абсолютно одного формата; 7) на обрезах рукописей № 447/915 и № 69/92 (90) имеются пятна, по которым видно, что обе эти рукописи когда то составляли одно целое-имели общий обрез; 8) в обеих рукописях имеются одинаковые пометки красно-бурым карандашом, поставленные около описаний событий, связанных с историей церкви—несомненно, они были поставлены тогда, когда обе эти рукописи составляли одно целое; 9) Карамзин пользовался обеими этими рукописями, как одной общей рукописью, испещрив всю эту рукопись своими пометками—см. мое примечание 15 и 16 и труд М. П. Погодина «Николай Михайлович Карамзин», часть II, Москва, 1866 г., стр. 302—304; 10) наконец, рукописи № 447/915 и № 69/92 (90) связывает между собой лист с надписью Бантыш-Каменского, относящийся равно и к той и к другой из этих рукописей — о чем см. мое примечание 26.

26. Лист этот с надписью Бантыш-Каменского лежал в каталоге рукописей Библиотеки Архива Иностранных Дел, составленном Ундольским и занумерованным № 181 (в первой части этого каталога за № 181/1), будучи приложен к описанию рукописи № 69/92 (90). При выдаче мне этого каталога была произведена сплошная нумерация листов его и лист этот с надписью Бантыш-Каменского получил № 172. Лист этот вне всякого сомнения относится и к рукописи № 447/915 и к рукописи № 69/92 (90), т. к.: он абсолютно одного формата с рукописью № 447/915; по виду того места, которым лист этот был приклеен к рукописи № 447/915 и по виду того места в начале рукописи № 447/915, к которому лист этот был приклеен — ясно, что лист этот вырван из рукописи № 447/915; содержание надписи Бантыш-Каменского на этом листе (например, упоминание стольника Василья Никифоровича Собакина, богоявлен-

ского дьячка Андрея Козы, полной погодной Псковской Летописи) — ясно указывает на то, что лист этот принадлежал и к рукописи № 447/915 и к рукописи № 69/92 (90); первоначально указанное на этом листе количество листов рукописи — «391» — также ясно указывает, что лист этот относится к рукописи № 69/92 (90), повторно указанное на этом листе количество листов рукописи — «146»—ясно указывает, что лист этот относится к рукописи № 447/915; на этом листе дважды поставлена надпись XIX века: «Из № 447/915»; этот лист лежал в каталоге рукописей Библиотеки Архива Иностранных Дел за № 181/1 — приложенный к описанию рукописи № 69/92 (90); Карамзин, Погодин и Ундольский /см. составленный последним каталог рукописей Библ. Архива Иностранных Дел № 181/1, лист 171 — описание рукописи № 69/92 (90)/ знали о том, что рукопись № 69/92 (90) подарена Библиотеке Архива Иностранных Дел Н. Н. Бантыш-Каменским; так как рукописи № 447/915 и № 69/92 (90) составляли прежде одно целое (см. мое примеч. 25)—то доказательства принадлежности листа с надписью Бантыш-Каменского к одной из этих рукописей — есть доказательства о принадлежности этого листа и к другой из этих рукописей.

М. Г. Сафаргалиев

БОРЬБА МОРДОВСКОГО НАРОДА С ТАТАРСКИМ ИГОМ

I.

В начале XIII века произошло монголо-татарское завоевание восточной Европы. Войска Батыя огнем и мечом прошли на запад, превратив города и села в пепелища и развалины. Покорив многочисленные народы, монголо-татары установили небывало жестокое иго над завоеванными народами. По словам Маркса это было иго, которое не только подавляло, но растлевало и иссушало самую душу народа. Монгольские татары установили режим систематического террора, орудием которого были грабежи и массовые убийства.[1]) От тяжелого невыносимого ига пострадал и мордовский народ. В мордовском фольклоре до сих пор сохранилось много преданий, песен о страданиях и муках народа под властью татаро-монгольских феодалов.

Трехсотлетнее господство татар задержало дальнейшее экономическое и политическое развитие, явилось главной причиной будущей вековой отсталости мордвы. Если русская земля, завоеванная монголами, сумела сбросить татарское господство, отстояла в борьбе свою политическую и государственную независимость, в борьбе с татарами создала сильное могущественное русское государство, то мордва вышла из под власти татар культурно и экономически ослабленной и разделенной на несколько групп.

Сопоставляя историю мордвы до татарского завоевания и после ликвидации татарского ига, историк приходит к весьма печальным выводам.

Археологами установлен бесспорный факт о густой населенности бассейнов рек Мокши, Оки, Иссы, Алатыря,

[1]) К. Маркс, Секретная дипломатия XVIII века.

Памятники материальной культуры, добытые в мордовских могильниках, относятся, даже при осторожных выводах, к первому тысячелетию. Археологами открыт не только инвентарь охотничьего быта — остатки костей лося, медведя, бобра, но и остатки костей домашних животных: лошади, свиньи, большое количество гончарных изделий, своеобразная керамика и остатки обработки металла.[1])

По памятникам материальной культуры можно говорить о связях мордвы со скифско-иранским миром на юге и славянским миром на северо-западе. С образованием государства хазар на юге, камских болгар на востоке, мордва начинает играть заметную роль в торговле с Востоком. Арабский географ X в. Ибн Хаукал передает интересный факт о мордве — эрзе: «К западу от болгар живут эрзя. Эрзя спускаются по реке Итилю и привозят свои товары... От эрзи идут в Болгарию соболя, куницы и свинец».[2]) Меха, пушнина, полученные через буртасских купцов, славились во всех восточных рынках. Однако было бы односторонне видеть в мордве только охотников за пушниной, хотя охота долгое время оставалась ведущей отраслью в хозяйстве. Последующие связи мордвы со славянским миром способствовали заимствованию земледельческой культуры, о чем говорит номенклатура сельскохозяйственной терминологии мордвы. По данным русских летописей, в начале XIII века вблизи мордовских сел находились их «жита» — хлеба и скот.[3]) Там же упоминаются своеобразные города «тверди», куда бежала мордва при неудачных столкновениях с неприятелями.

Начавшийся переход от охотничьего быта к скотоводству, подсечному земледелию, все более растущие торговые связи с соседями ускоряли разложение первобытно-общинного строя и ускоряли процесс формирования территориальных общин — мир.

К моменту начала русской колонизации на восток, к концу XII, началу XIII веков, первобытно-общинный строй переживал последнюю свою стадию — военную демократию. Военачальник, недавно еще выбираемый на общих собраниях, стал пользоваться наследственной властью. По

[1]) Степанов. К вопросу о происхождении мордвы, Записки Научно-исследов. института № 3 за 1941 г., стр. 24.

[2]) Цитирую по книге Готье „Железный век в восточной Европе", стр. 167.

[3]) П. С. Р. Л., том I, стр. 190.

данным мордовского фольклора у эрзи перед приходом русских имелись свои князья.[1])

Венгерский монах Юлиан, посетивший восточную Европу перед нашествием татар, сообщает о двух «мордовских» князьях. Рубрук мокшанского вождя называет даже государем.

В этой связи особый интерес приобретает летописное сообщение о Пурешe и Пургасе, боровшихся между собою в 1227—28 г. г. В задачу настоящей статьи не входит разбор летописного сообщения о Пурешe и Пургасе. Однако есть все основания видеть в лице Пуреша и Пургаса мокшанского и эрзянского князей, а летописец отразил борьбу за объединение мордвы в одно государственное объединение.

II.

Как передает один из официальных историков монголов Джейвуни, на Курултае в 1235 г. было решено организовать новый поход на запад для расширения улуса Джучи. В период раздела улусов Чингиз-Ханом между своими сыновьями, старший его сын Джучи получил территорию от Селинга и Енисея на запад до тех пределов, «куда дойдет копыто монгольских коней».

В 1236 г., ко времени нашествия монголов на запад, куда дошли копыта татарских коней, нам неизвестно. Надо полагать, что западная граница улуса Джучи находилась где-то, около Урала—Яика. По свидетельству Эннувейра,—«Чингиз-Хан назначил Джучи летовия и зимовия от границ княлыка и земель Хорезенских до окраин Саксонских и Булгарских крайних пределов, куда ходили кони их полчищ при их набегах».

Венгерский монах Юлиан, посетивший камских болгар между 1227—1235 г. г., узнал, что татары находились на расстоянии пятидневного пути от камских болгар, а передовые отряды соприкасались с болгарами. Повидимому, постепенное передвижение татар на Запад имело место еще до 1235 г. Под 1229 г. в Лаврентьевской летописи отмечено: «Саксин и половць избигаша из низу к болгарским перед татары и сторожившь болгарских прибегаша, бьена от татар близ река, ей же имя Яик».

[1]) Шахматов А., „Мордовский этнографический сборник", стр. 46 - 48.

В 1232 г. татары зимовали недалеко от «великого града Болгарского», а осенью 1236 г. обрушились на камских болгар. В Лаврентьевской летописи под 1236 г. читаем: «Тое-же осени придоша от восточные страны в Болгарскую землю безбожнии татары и взяша славный великий город Болгарский и избиша оружием от старца и до великого и до уного и до сущего младенца и взяша товара множество, а город их пожегоша огнем и всю землю их плениша». [1])

Согласно русским летописям, Батый после завоевания болгар приступил к завоеванию Рязанского княжества зимою 1236 года. Говоря о завоевании Рязанского княжества после завоевания болгар, летописи умалчивают о завоевании мордвы, находившейся на пути к Рязанскому княжеству.

Лишь под 1239 г. говорится о завоевании мордвы. Плано Карпини же завоевание мордвы относит к более позднему периоду, а именно после возвращения Батыя из венгерского похода, т. е. после 1241 г. [2]) Это несомненно пробел в русских летописях, как и свидетельство Плано Карпини, которое может быть дополнено другими не менее полноценными источниками. Автор истории монголов XIV в. Рашид-Ад-Дынь передает, что «по завоевании камских болгар в 1236 г. сыновья Батыя — Урда и Берка напали на мокшу и буртасов и в малое время овладели ими». [3]) Об этом же говорит и Юлиан, совершивший в 1236 г. второе путешествие в Болгарию.

Узнав о разгроме Булгар, он остановился на крайнем городе Владимиро-Суздальского княжества и от перебежчиков взял еще свежие сведения: «Обратившись к западу (татары) в течение одного года или в немного большего (срока) завладели пятью величайшими языческими царствами: Сасцией, Фулгар (Булгар), взяли также 60 весьма укрепленных замков... Кроме того они напали на Ведин, Меровию, Пшдавию, царство мордвинов, там было два князя. Один князь со всем народом и семьи покорился владыке татар, но другой с немногими людьми направился в весьма укрепленные места, чтобы защищаться, если хватит сил». [4])

[1]) П.С.Р Л., т. 1, стр. 460.
[2]) Плано Карпини, История монгалов, стр., 25.
[3]) Березин, Нашествие Батыя на Русь, Ж. М. Н. пр. за 1855 г. № 5, стр. 96.
[4]) С. Аннинский, Известия о татарах XIII—XIV вв., Историческ. архив, том III. 1940 г., стр. 87.

Из этого видно, что Мордовия уже в 1236 г. была завоевана еще до завоевания Рязанского княжества. Один из мордовских князей вынужден был признать себя вассалом Батыя, но мордовский народ не покорился. Значительная группа мордвы во главе с другим мордовским князем бежала на север, в леса, повидимому в районы Н.-Новгорода, который пока еще не был завоеван. С уходом Батыя на запад мордва подняла восстание и вышла из под власти татар. Этим только и можно объяснить вторичное завоевание мордвы татарами в 1239 г.

Завоевав мордву, татары зимой 1236 г. вошли в пределы Рязанского княжества. 16 декабря была взята Рязань, откуда татары, разделившись на несколько отрядов, отправились в Коломну, Москву, Владимир, Ростов, Ярославль, Городец, Переяславль, Юрьев, Торжок, и завоевав север, вернулись на юг в половецкую степь. [1]) Надо полагать, что во время похода Батыя на Русь, в войске татар участвовала и мордва, насильственно уведенная ими. Юлиан, хорошо осведомленный о военных приемах татар, отметил характерную черту татарской системы ведения войны, еще ранее практиковавшуюся Чингиз-Ханом во время завоевания Средней Азии. «Годных для битвы воинов, — пишет он, — и поселян они (татары) вооруживши посылают против воли в бой вперед себя. Других же поселян менее способных к бою оставляют для обработки земель, а жен и дочерей и родственниц тех людей, кого погнали в бой и кого убили, делят между оставленными для обработки земли, назначая каждому по 10 или больше и обязывая тех людей вперед именоваться татарами». [2]) Действительно мордва—мокша участвовала в походах Батыя в Европу. Вот что пишет Рубрук, посетивший тогда восточную Европу: «К северу находятся огромные леса, в которых живут два рода людей, именно моксель, не имеющих никаких законов, чистые язычники. Города у них нет, а живут они в маленьких хижинах в лесах. Их государь и большая часть людей были убиты в Германии. Именно татары вели их вместе с собою до наступления в Германию». [3])

Спустившись к югу в половецкую степь весной 1238 г., татары начали готовиться к новому походу на запад и в

[1]) Соловьев, История России, к. 1, стр. 826.
[2]) Аннинский, Указ. соч., стр. 87.
[3]) Рубрук, Путешествие в восточные страны, стр. 88.

1239 г. Батый приступил к завоеванию Южной Руси. Под 1239 г. летописец пишет о походе татар в Чернигов, мимоходом отмечая завоевание мордовских земель, как раз тогда, когда начался грандиозный поход на запад. «И по зиму взяша татарове мордовскую землю и муром пожгоша, и по Клязьме воеваша... бысть пополох зол по всей земли, не видяху и сами кто где бежит». [1])

Возвращение татар назад для завоевания уже однажды завоеванных мордовских земель, перед большим походом на запад, говорит о каких то событиях в тылу Батыя, не вошедших в летописный свод. Повидимому произошли выступления мордвы против татар, распространившиеся и на соседние районы, покоренные татарами. Есть основание полагать, что это выступление продолжалось до 1242 г. В Никоновской летописи под 1240 г. сообщается о взятии татарами Булгар на Волге и Каме, уже однажды завоеванных ими и основательно разоренных.

Весьма возможно, что инициатива выступления против татар принадлежала мордовскому князю, бежавшему на север в 1236 г., который, воспользовавшись уходом татар на юг, поднял знамя восстания, распространившееся далеко за пределы Мордовии. Это восстание, продолжавшееся до 1242 г. настолько было грандиозным, что Батый вынужден был прекратить поход на Запад и направить свое войско на северо-восток.

После 1239 г. каких-либо сведений о мордовских князьях северо-восточных районов Мордовии в источниках не встречается. Должно быть татары, после подавления восстания, окончательно их истребили. «Во всех завоеванных царствах, — пишет Юлиан, — они (татары) без промедления убивают князей и вельмож, которые внушают опасения, что когда-нибудь могут оказать какое либо сопротивление». [2])

III.

Поход Батыя в восточную Европу закончился образованием нового монгольского государства — Золотой Орды, установившего господство татаро-монгольских феодалов. В состав нового государства вошли десятки народностей: русские, половцы, народы Сибири, севера и мордва.

[1]) П.С.Р.Л., том 1, стр. 470.
[2]) Аннинский, Указ. соч. стр. 87.

Над всеми этими народностями был установлен небывало жестокий режим порабощения. Для сохранения своего господства татары, как указывает Маркс, проводили систематический террор, орудием которого были грабежи и массовые убийства. Каждая из завоеванных татарами народностей имела специфические черты долголетней истории, культуры, государственного строя с разным историческим прошлым.

Татары вынуждены были считаться с этими особенностями. Так, например, на Руси, где имелась довольно сложная княжеская администрация, она ими была сохранена в течение всего существования Золотой Орды. Русские удельные князья были оставлены в своих вотчинах в качестве местных правителей, но для контроля над их деятельностью были поставлены ханские чиновники баскаки. У половцев, наоборот, после завоевания татарами, совершенно исчезла прежняя администрация половецких князей. Непосредственно управляли назначенные ханом татарские темники—тысячники.

Об отношениях татар к прежней мордовской администрации не сохранилось никаких данных, однако и здесь повидимому непосредственно управляли татарские темники. Название нынешнего города Темникова несомненно связано с пребыванием в этих местах татарского темника.

Мордва, как и другие народности, порабощенные татарами, в течение более двух столетий должна была страдать под властью монгольских феодалов, платить дань, ежегодный выход и различные невыносимые поборы. Еще в период завоевания татары, по словам Плано Карпини, от всех завоеванных ими народов требовали, «чтобы они давали десятую часть от всякого как от людей, так и от имущества».

После окончания похода на запад, к завоёванным народам были присланы ханские чиновники для проведения переписи.

После того, как всё население «от малого до старого» было взято в число, население, попавши в перепись, должно было платить ежегодно небывало тяжелый выход. Татары требовали, «чтобы каждый малый так и большой даже однодневный младенец или бедный или богатый платил татарскую дань именно чтобы давал одну шкуру белого медведя, одного черного бобра, одного черного соболя, одну черную шкуру некоего животного и одну черную лисью шкуру и всякий, кто

не дает этого, должен быть отведен к татарам и обращен в их раб». [1])

В мордовском фольклоре имеются многочисленные указания об уводе татарами мордовского населения в степь в рабство.

Три годочка был он в татарской земле.
Три леточка был он в Нагайской земле.
Татарское стадо он караулил.
За нагайскими стадами он ходил.
Износилась на нем его рубашка.
По ниткам разошлись на ногах его штаны.
Измочились на ногах его лапти.
Где ходит Паксяльт, плачет.
Где ходит Паксяльт, печалится.[2])

Мордва, как и другие завоеванные народы, несли военную службу в пользу хана, участвовали во всех походах, организуемых ханом Золотой Орды. В 1319 г. во время похода ханского войска на Тверь участвовали татары бессермены и мордва. [3]) В 1339 г. мордва участвовала в походе войск Узбека на Смоленск, причем характерно то, что мордва возглавлялась своими князьями. [4])

Одним из недостаточно выясненных вопросов остается отношение татар к мордовской религии. Обычно принято считать, что татары не вмешивались в религиозные дела завоеванных ими народов. Эту точку зрения можно принять только с известными оговорками. В начальном этапе господства татар, когда сами татары были такими же язычниками как и мордва, конечно не могло быть и речи о навязывании своих религиозных обрядов. Но когда в Золотой Орде ислам стал официальной религией господствующих верхов, татарские ханы стали смотреть на религию покоренных народов не безразлично. Нам известно насильственное распространение ислама ханом Узбеком среди половцев.

Есть намеки на попытку вмешательства татар в религиозные дела на Руси. Одним из поводов восстания в Твери в 1327 г. был слух о том, что Щелкан хочет перевести христиан в татарскую веру, хотя Соловьев к этому сообщению от-

[1]) Плано Карпини, История монгалов, стр. 33—34.
[2]) Шахматов. Указ. соч., стр. 543—544.
[3]) П. С. Р. Л., том VII, стр. 190.
[4]) Там же, том X, стр. 211.

носился отрицательно. [1]) Если принять во внимание политику Узбека в этот период, нет основания не верить сообщениям русских летописей. О вмешательстве татар в мордовскую религию письменных источников не сохранилось. Но намеки на это есть. При раскопках мордовских могильников, относящихся к периоду господства татар, были обнаружены могилы, в которых покойники ориентированы на юг по обычаю мусульман. [2]) По свидетельству итальянца Рафаэля Барбарини в 1556 г. часть мордвы была идолопоклонниками, часть же магометанского вероисповедания. [3])

В пределах современной татарской республики имеется более десятка сёл с названием Каратай, происхождение которых связано с принятием ислама мордовским населением.

Мордовские земли, граничившие с татарской степью, систематически подвергались опустошению и набегам со стороны татарских феодалов в течение всего господства татар.

В русских летописях часто упоминается о набегах татар на мордовские земли, сопровождавшиеся новыми разорениями сёл и деревень и массовым уводом их населения в плен. Не случайно об этих событиях так много поётся в мордовских песнях:

На опушке леса парень эрзяк рубит дрова,
На краю леса парень мокша рубит поленья.
Рубя парень эрзяк плачет,
Рубя паренек мокша печалится.
Наверх посмотрел парень эрзяк — тучи нет,
Вниз посмотрел паренек мокша — ветра нет.
Отчего тростнички без ветра шумят,
Без дождя травка в росе?
Взглянул парень эрзяк на татарскую сторону,
Взглянул паренек мокша на Нагайскую сторону.
С татарской стороны подъезжают два верховых,
С нагайской стороны подъезжают два верховых,
Бежит не забирает расстояния парень эрзяк,
Идет, шагов паренек мокша не переступит.
Сзади догнали парня эрзяка,
Наступили на лаптиный хвост паренька мокша.
Через седло парня эрзяка перебросили,

[1]) Соловьев, История России, книга 1, стр. 917.
[2]) Арзютов, Финские могильники XIII—XV вв., стр. 18.
[3]) Любич—Романович, Сказания иностранцев о России в XVI—XVII вв., стр. 12.

Сыромятным ремнем паренька мокшу...
В татарскую землю перевезли парня эрзяка
В Нагайскую землю доставили паренька мокшу.[1])

Во время набегов особенно страдали женщины и девушки, часто становившиеся добычей татар.

Наполнились подруженьки гвозди в отцовском доме
татарскими саблями
Наполнился подруженьки отцов стол парнями
татарскими.
Некуда, некуда спрятаться мне подруженьки
спряталась в сени под подушку.
Искал, искал подруженька, старый татарин меня нашел
Стары татары, злые татары разыскали
Татары тащат, подруженька, я не иду,
Силой—милые подруженьки меня вытащили
Татары ведут подруженьки меня, я не иду
Силой—милые подруженьки меня вытащили.
Татары ведут подруженьки меня, я не иду
Силой—милые взяли.[2])

Во время этих набегов мордва окончательно была разорена и, оставив свои сёла, вынуждена была искать убежища в лесах и возвращаться к прежним промыслам, бортничеству и рыболовству. Татарские феодалы—кочевники, искавшие хорошие пастбища для своего скота, бросились к бассейнам рек: Мокши, Суры, Пьяны и Цны. В XIII веке отдельные татарские выходцы начинают закреплять за собой мордовские земли.

В 1298 г. один из Ширинских князей, Бахмет, захватил в свои руки земли по Цне и нижней Мокше, за ним последовали и другие влиятельные татарские фамилии.[3]) Этот насильственный захват стал еще более интенсивным во 2-й пол. XIV столетия, когда начались распри среди господствующей верхушки татар. Впоследствии из этих выходцев из Бездже и Ахтубе образуется значительное количество татарского населения в пределах Мордовии.

Некоторые татарские царевичи даже делают попытки закрепить районы Мордовии за собой и образовать здесь

[1]) А. Шахматов, Указ. соч., стр. 537—574, сравни Маркелова, Саратовские мордва, стр. 167.
[2]) Маркелов, Указ. соч., стр. 1.9.
[3]) Смирнов, Мордва, стр. 318.

отдельные ханства. В 1361 г. появляется некий Темир, объявивший себя ханом. За ним в этих же районах объявляют себя царями Абдулла, Булат-Темир, Тагай. Последний, перебежав из Бездже, так же пытался образовать в районах Мордовии самостоятельное ханство, «Наручатскую страну отняв сам себя княжаша»[1]). В 1378 г. в районах Мордовии действует царевич Арапша. Правда, все эти попытки кончились неудачей. Татарские царевичи — князья не нашли поддержки со стороны местного мордовского населения. Наоборот, встречая отпор со стороны мордовского населения, они вынуждены были удалиться к югу. Все же эти набеги не остались бесследными.

Татарским феодалам удалось захватить значительное количество мордовских земель. Впоследствии они создали целый ряд мелких княжеств—беляков.

Число беляков даже по актам XVII в. на территории Мордовии доходило до 15. Территории этих беляков в XVII веке были различны. Некоторые беляки состояли лишь из нескольких сёл, некоторые даже в XVII в. охватывали до 24 сёл (Киржацкий).

Владетели этих беляков—татарские князья в своих владениях собирали ясак, учиняли суд и в каждом селе держали своих приставов.[2])

Татаро-монгольским феодалам, временно поработившим восточную Европу, несмотря на применение кровавого террора, массовые убийства, натравливание одного князя на другого, не удалось сохранить своего господства. Уже в XIII в. происходит ряд народных восстаний в Новгороде, Костроме, Ярославле, Твери, закончившиеся знаменитой Куликовской битвой, положившей начало концу господства татар на Руси. Димитрий Донской нанес татарам такую рану, от которой Золотая Орда никак не могла оправиться. В ней начались внутренние раздоры, внутрифеодальные войны. От этой борьбы с татарским игом не мог оставаться в стороне и мордовский народ.

Правда, пока не все материалы, характеризующие борьбу мордовского народа с татарами, дошли до нас, или же пока не собраны. Но об этой борьбе, имеющей исключитель-

[1]) П. С. Р. Л., том X, стр. 232, том XVII, стр. 101.
[2]) Рукописный фонд Научно-исследов. ин-та. Статья „Мордовско-монгольские отношения в XIII—XIV вв.", лист 20.

ное значение для мордвы, кое какие материалы уже есть. В этом отношении неисчерпаемым фондом является мордовский фольклор, сохранивший в себе не только чаяния народа, но и его надежду и веру на освобождение от татар.

Герои мордовских песен, уведенные в плен к татарам, протестуют на несомненный гнет. Их заставляют нянчить татарских детей, они их убивают, их заставляют пасти скот, они распускают скот и убегают на родину.

В одном из мордовских преданий есть весьма любопытная легенда о татарском князе Сараклыче, владетеле огромных земельных угодий в районах Саровского монастыря. По преданию, татары Сараклыча систематически совершали набеги на соседних мордвов. Тогда мордва подняли восстание против татар, перебили их. Лишь незначительные остатки во главе татарского князя Бейхана бежали за Мокшу в Темниковскую сторону. [1]) Мордва, будучи народом «воинственным», как её характеризует Рафаэль Барбарини, вооруженная луком и стрелой, часто выступала против своих поработителей. Герберштейн, посетивший Россию в 1517 г., отметил очень интересный факт относительно борьбы мордвы с татарами. «Это очень сильные люди, — пишет он, — ибо они часто храбро отражали от себя даже разбои татар.[2]) Мордовский народ внес свою долю в дело борьбы за освобождение народов от татарского ига. Однако мордва, сильно пострадавшая от татар, настолько была слаба, что одна не смогла освободиться от чужеземного гнета, требовавшего общей борьбы всех народов восточной Европы. На этой почве возникла необходимость объединения всех сил путем создания централизованного государства для борьбы с татарским игом.

Как это заметил тов. Сталин «... Интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия». [3])

Эту инициативу взял на себя великий русский народ, вокруг которого объединились все порабощенные татарами народы. «В России роль объединителя национальностей взяли на себя великороссы, — пишет тов. Сталин, — имевшие во

[1]) Самаркин, Мордовский народ в борьбе за родину, 1944 г., стр. 4.
[2]) Герберштейн, Записки о московитских делах, стр. 102.
[3]) И. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 97, изд. 1939 г.

главе исторически сложившуюся сильную и организованную дворянскую военную бюрократию». [1])

Мордовский народ в ходе борьбы с татарами добровольно входит в состав Московского государства и совместно с русским народом ведет огневую борьбу с татарами. [2])

В 1444 г. царевич Мустафа «со множеством татар» напал на Рязань и начал грабить волости и села в Рязанском княжестве. Узнав об этом, московский великий князь Василий Васильевич послал против татар войско, в числе которого были «мордвов на ртах» и «придеша на них (т. е. на татар) мордва на ртах с сулицами и рогатиками и с саблями», татары были разбиты, «много татар избиша и самого царевича Мустафу убиша и князей с ним многих татарских избиша» [3])

Между прочим мордва принимает участие не только в борьбе против самих татар, но и их союзников. В 1534 г. мордва участвует в войске Ивана Васильевича в походе на Литву.

В 50 г. г. XVI столетия Москва начинает наступление на Казанское ханство, являющееся последним оплотом татар на востоке, в состав которого входили и мордва — эрзя, не пользовавшиеся никакими политическими правами, по-прежнему угнетаемые татарскими феодалами. В этой исторической борьбе Москвы с Казанским ханством мордва сыграла большую роль. Еще в 1550 г. мордва, жившая на горной стороне Казанского ханства, добровольно признала над собой власть великого князя, на том, «что им государю и царю великому князю служите и хотите во-всем добро».

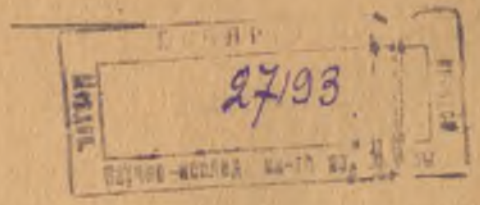
Во время похода великого князя на Казань в 1552 г. мордва всячески помогала великому князю «все потребная приношаху, хлеб и мёд и говяду, ова дарованием... месте на реках делаху и везде станы стройне бяху».

[1]) И. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, изд. 1939 г., стр. 17.
[2]) Вопрос о вхождении мордвы в состав Московского государства не изучен. Во всяком случае мнение Ключевского о мирном характере колонизации Мордовии пока не отвергнуто. Во время завоевания Казанского ханства мордва-эрзя добровольно признали над собою власть московского царя и великого князя, что повидимому было и с мордвой-мокшей раньше, ибо мордовские князья в районе Мурома, Кадом, Темников, Шацкий, Курмыш, Алатырь остались в своих вотчинах, что не могло быть при их завоевании.
[3]) П. С. Р. Л., том XII, стр. 62.

С падением Казани были уничтожены остатки татарского ига, народы Поволжья в течение нескольких столетий, порабощенные татарами, были освобождены. Но мордва вышла из под власти татар разоренной экономически и культурно ослабленной. Отправляя все народные богатства на содержание татарских феодалов, она вынуждена была вести нищенскую форму существования, о чем свидетельствует бедность мордовских могильников в эпоху господства татар. Изгнанная татарскими феодалами со всех полей и сёл, мордва искала убежища в лесах, снова возвращаясь к прежним формам существования, охоте и звероловству, «живут в лесах и пустынных местах без городов и жилищ»,—пишет о них иностранный наблюдатель англичанин Дженкинсон, посетивший Мордовию после покорения Казанского ханства...

Борьба за объединение мордвы, начавшаяся перед татарским завоеванием, с нашествием татар была приостановлена и все перспективы на объединение были разрушены.

Мордва вышла из под власти татар ослабленной, и вплоть до самой Октябрьской социалистической революции оставалась одним из самых отсталых народов бывшей царской империи. Понадобилась после революции двадцатипятилетняя упорная борьба рабочих и крестьян, чтобы поднять мордовский народ до нынешнего его цветущего состояния.



ОГЛАВЛЕНИЕ

	стр.
Г. Меркушкин и В. Самаркин. Состояние и задачи изучения истории Мордовской АССР	3
В. Самаркин. Мордовия в отечественной войне 1812 г.	11
П. Степанов. „Пургасово городище"	27
Н. Руткевич. Починковские поташные заводы XVIII в.	45
П. Степанов. Археологические работы в Мордовской АССР в 1940—1941 гг.	64
Проф. *А. И. Яковлев.* В. О. Ключевский	94
Доцент *О. А. Яковлева.* К истории псковских летописей	132
М. Сафаргалиев. Борьба мордовского народа с татарским игом	147